

ЛАО ШЭ

ДВОЕ В ЛОНДОНЕ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Двое в Лондоне
Лао Шэ

Аннотация
Лао Шэ. Двое в Лондоне
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая

Аннотация

Семья китайских эмигрантов покидает родной Пекин, чтобы начать новую жизнь в Лондоне, где на тихой улочке рядом с собором Святого Павла расположен антикварный магазинчик, доставшийся им по наследству. Господин Ма – типичный представитель «старого Китая» – консервативен и оторван от реальности, его сын Ма Вэй, напротив, пытается адаптироваться к новой среде. Но, несмотря на свои различия, и отец, и сын сталкиваются с типичными эмигрантскими проблемами – языковым барьером, расовыми предрассудками, одиночеством и тоской по родине, – которые только усиливаются из-за культурного разрыва между Китаем и Западом начала XX века.

Лао Шэ
Двое в Лондоне

Серия «Эксклюзивная классика»

© Перевод. В. Семанов, наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Глава первая

I

Ма Вэй, опустив голову, шел к Гайд-парку. Иногда он останавливался, смотрел вокруг. На что? Да ни на что. И не думал вовсе смотреть, и не увидел бы ничего. Его голова напоминала сейчас рыбий пузырь, в котором не было абсолютно никаких мыслей. Он забыл обо всем окружающем и только жалел, что этот мир не погиб вместе с ним, навсегда не погиб. В какой-то момент юноша остановился на целых три минуты, потом снова пошел.

— А, сегодня воскресенье! — тихо сказал он самому себе.

В воскресенье Гайд-парк всегда был очень оживленным. На лужайке и на дорожках, посыпанных песком, группами стояли люди. Среди них были рабочие, которые, вытянув шеи и подняв грубые черные руки с красными знаменами, громко кричали: «Долой капиталистов!», возлагая на капитализм все свои беды — даже то, что они плохо спали эту ночь. Недалеко от рабочих толпились консерваторы, которые, еще

сильнее вытянув шеи (из-за высоких твердых воротничков) и подняв тонкие белые руки с национальными флагами, истошно кричали: «Долой социалистов! Долой шпионов-антипатриотов!» Все свои беды они возлагали на рабочих и социалистов — в том числе и то, что сегодня утром шел дождь, а на завтрак им попались тухлые яйца. Еще дальше стояла Армия спасения с голубыми флагами, которая била в барабаны, дула в дудки и без конца читала молитвы. Чем усерднее она славила Бога, тем громче кричали рабочие с красными флагами, иногда даже изрыгая проклятия, которые не найти ни в одном словаре. За Армией спасения шли католики, поборники независимости Индии, возрождения либеральной партии, немедленного уничтожения Китая и еще бог знает чего. Некоторые вообще ни за что не ратовали, а только поглядывали друг на друга и улыбались.

Почти все рабочие стояли с глиняными трубками в зубах, засунув руки в карманы, и одобрительно кивали в ответ на каждое слово выступавшего. Патриоты под национальными флагами по большей части были в черных котелках и, кивая, кричали: «Правильно! Верно!» В остальных маленьких группках вели себя менее оригинально,

иногда спорили друг с другом, но тоже сдвигали вместе головы, как бараны. Между группами прохаживались крепкие молодые люди в шляпах набекрень, которые непрерывно острили, хохотали, поглядывали на других гуляющих. И, наконец, за пределами этих групп кучками по трое-четверо стояли лондонские полисмены: высокие, большерукие, большеногие, словно их всех родила одна мать.

Самыми приметными были гвардейцы в красной форме — стройные, прямые, как будто написанные на холсте, и с такими идеальными стрелками на брюках, точно в них вставили железные штыри. Гвардейцы щедро улыбались, показывая ослепительно-белые зубы, и сверкали выбритыми до синевы затылками. Они никого не слушали, а просто стояли в самых оживленных местах, зыркая глазами вокруг. Постояв так несколько минут, они подхватывали под руку какую-нибудь девушку и отправлялись с ней любезничать.

На лужайке сидели и лежали мужчины и женщины. Одни обнимались, другие читали газеты, третьи только делали вид, что читают, а на самом деле поглядывали на ноги девушек. Среди взрослых бегали дети в ярких костюмчиках, носились

с радостным лаем жирные собаки. Няни в белых панамах, ворча, опекали своих ангелочков.

Ма Вэй долго стоял поодаль, но по-прежнему ничего не слышал и не мог придумать, куда идти дальше.

Ему было года двадцать два или двадцать три. Довольно высокий, худой, но не слабый, с чистым желтым лицом, он обращал на себя внимание своими густыми, загнутыми кверху бровями, которые придавали его большим глазам вечно смеющееся выражение. Если бы не эти брови, его взгляд был бы сейчас, наверное, просто страшным. Глаза очень черные и блестящие, с яркими белками, нос небольшой, как раз подходящий к лицу и росту. Губы тоже чуть загнуты вверх, подобно бровям, благодаря чему выглядел он всегда приветливо.

Казалось, юноше было рано о чем-либо печалиться, но его нахмуренные брови, опущенная голова, сгорбленная фигура — все говорило о том, что он уже утратил часть своей молодости.

На Ма Вэе были серый шерстяной костюм и черное суконное пальто, хорошо сшитые, но давно не чищенные, утратившие свой первоначальный вид. По сравнению с гвардейцами в красных мундирах, которые любезничали на поляне с

девушками, он выглядел явно несчастным.

Солнце уже садилось. Алая заря, опускаясь на зеленую бархатную траву, окрашивала ее в фиолетовый цвет. Красные знамена рабочих постепенно начали багроветь, словно запекшаяся кровь. Выступающих становилось все меньше. Засунув руки в карманы пальто, Ма Вэй сделал несколько шагов и остановился у железной ограды парка. На западной стороне неба заря уже вытеснила последние солнечные лучи. Серая мгла, смешавшись с этими лучами, запестрела, как иссиня-седые полосы на шее дикого голубя. Серый цвет медленно густел и, соединяясь с плывущим по земле туманом, поглотил все вокруг. Знамена превратились в черные точки. Макушки деревьев вдалеке охватили их и утащили в ночь.

Люди почти все разбрелись. Зажглись газовые фонари. Вокруг Гайд-парка забегали красные, зеленые, желтые огни машин. Пробираясь сквозь туман, они слились в длинную живую радугу.

На лужайке не осталось людей, только один черный силуэт возле ограды.

2

Ли Цзыжун уже забрался под одеяло, завернулся поудобнее и почти заснул, как вдруг внизу

зазвенел дверной колокольчик. Парень хотел открыть глаза, но голова безвольно скользнула по подушке. Он лишь успел подумать: «Кажется, что-то прозвучало?..»

— Дзинь! — снова зазвенел колокольчик.

Ли Цзыжун через силу открыл глаза и прислушался. «Что за черт звонит среди ночи? Кто это?!»

Он оперся о постель и, сев, откинул занавеску на окне. В переулке горел газовый фонарь, но туман был слишком густым, так что увидеть ничего не удалось.

Колокольчик зазвенел еще настойчивее. Ли Цзыжун поднялся, нащупал в темноте туфли, и кожа его мгновенно покрылась пупырышками. Хотя стоял уже конец апреля, ночами было очень холодно. Так же ощупью он включил свет, накинул на плечи пальто и, затаив дыхание, на цыпочках спустился вниз. Хозяйка, живущая здесь, уже заснула, и если он ее разбудит, то наверняка нарвется на скандал. Тихонько открыв дверь, Ли Цзыжун спросил:

— Кто там?

Казалось, он боялся разбудить не только хозяйку, но и туман на улице.

— Я.

— Это ты, Ма? Чего трезвонишь?

Ма Вэй ничего не ответил, но вошел и сразу направился наверх. Ли Цзыжун со всеми предосторожностями закрыл дверь и бесшумно последовал за гостем. У дверей своей комнаты он остановился и прислушался. Внизу все было тихо. «Слава богу, хозяйка не проснулась! — подумал он. — А то утром на завтрак я получил бы не столько еды, сколько брани!»

Когда они вошли в комнату, Ма Вэй снял пальто, бросил его на спинку стула, но по-прежнему не произносил ни звука.

— Что с тобой, Ма? Снова со стариком повздорил?

Ма Вэй отрицательно покачал головой. При свете электрической лампы его лицо казалось еще желтее и печальнее, под глазами виднелись синие мешки, на кончике носа выступили капельки пота.

— Что с тобой? — повторил Ли Цзыжун.

Вздохнув, Ма Вэй облизал пересохшие губы.

— Я страшно устал. Можно мне переночевать у тебя?

— Но здесь только одна кровать! — улыбнулся Ли Цзыжун.

— Ничего, я посплю в этом кресле. Ночь как-

нибудь протяну, тогда завтра легче будет действовать.

— А что ты собираешься делать завтра?

Ма Вэй снова покачал головой. Зная его характер, Ли Цзыжун понимал, что расспрашивать бесполезно, раз сам ничего не говорит.

— Ладно, — сказал он, взъерошив волосы, — ты ложись на кровать, а кресло я возьму себе. — Он постелил на кресле плед. — Но рано утром тебе придется уйти, чтобы хозяйка не заметила. Ложись скорей!

— Нет, ты спи на своем месте, а я в кресле! — Ма Вэй улыбнулся, но суровой улыбкой. — На рассвете я уйду, обязательно.

— Куда же ты пойдешь? Скажи, а то я всю ночь не смогу заснуть. Снова со стариком поругался, что ли?

— Не говори! — зевнул Ма Вэй. — Вообще-то я не собирался к тебе, но сегодня вечером уехать не сумел, вот и пришлось тебя потревожить.

— А куда ты надумал ехать?

Поняв, что Ма Вэй ни за что не ляжет на кровать, Ли Цзыжун дал ему кроме пледа еще и пальто. Потом погасил свет и лег сам.

— В Германию или во Францию — не знаю точно.

— По торговым делам отца?

— Отцу я не нужен!

— Вот как? — изумленно откликнулся Ли Цзыжун и больше ничего не сказал.

Они долго молчали. На улице было очень тихо, лишь издали доносились свистки паровозов да пароходные гудки. Часы на церковной колокольне пробили два раза.

— Тебе не холодно? — спросил Ли Цзыжун.

— Нет…

Перед тем как заснуть, Ли решил встать пораньше, чтобы не дать Ма сбежать: «С утра помоюсь холодной водой, оставлю хозяйке записку, что сегодня из-за срочных дел завтракать не буду, а сам вместе с ним пойду перекусить на улицу. Потом верну его домой, нет, лучше в лавку: там его отец не решится скандалить… Ничего, дети часто ссорятся с родителями. Ма еще слишком молод, наивен…»

Во сне Ли Цзыжун продолжал размышлять, потом услышал тарахтенье тележки молочника, все более частые гудки машин… Он лихорадочно открыл глаза — лучи солнца уже пробивались сквозь занавеску. Плед и пальто лежали на кресле, но Ма Вэя не было! Вскочив и набросив на плечи пальто, Ли Цзыжун подошел к окну. Вдали

виднелась Темза. На ее берегах еще не замечалось особого движения, но лодки и катера уже сновали по воде. Деревья выпустили первые бледно-зеленые листочки, которые сейчас были окутаны легким туманом. Солнце, пробиваясь сквозь туман, золотило эти листочки и превращало их в зеленоватые жемчужины, только что выловленные из воды. Большинство лодок было без парусов, лишь на нескольких висели белые клочки, похожие на бабочек, порхающих среди цветов.

Начинался утренний прилив. Волны, освещенные солнцем, золотились, как чешуя. Временами эта чешуя разрывалась и рассыпалась множеством искр или покрывалась белыми гребешками — нежными, словно пушинки одуванчика.

Одна из парусных лодок плыла вперед, а волны подгоняли ее, точно дракон мотылька. Ли Цзыжун зачарованно смотрел, как она плывет, потом открыл окно и решил убрать в комнате. На столе блеснула какая-то безделушка, под ней лежала записка. Ли Цзыжун торопливо прочел ее и похолодел. Медленно подошел к креслу, сел, снова перечитал записку. В ней было всего несколько иероглифов, коряво написанных карандашом, наверное, в полутьме:

Дорогой Цзыжун, спасибо тебе! Колечко передай, пожалуйста, мисс Уэндел. До свидания!

Вэй

Глава вторая

1

Эта история началась за год до того, как Ма Вэй тайком ушел от Ли Цзыжуна. Некий пастор Ивенс больше двадцати лет служил миссионером в Китае и полагал, что знает об этой стране все — от триграмм Фу Си до попытки Юань Шикая стать императором[1]. Последнее событие ему особенно нравилось. Правда, китайским языком он владел плохо, но в Лондоне мог считаться настоящей живой китайской энциклопедией. Китайцев он любил так, что даже ночью, обливаясь горячими слезами, молился о том, чтобы Бог поскорее сделал Китай колонией Англии. Ведь если англичане не будут управлять китайцами, эти желтолицые черноволосые черти никогда не попадут в рай!

Преподобный Ивенс шел по Оксфордской улице

---

[1] Примечания: 1

Фу Си — мифический император древности, якобы открывший триграммы (сочетания сплошных и прерванных линий), которые послужили основой для письменности и гадания. Юань Шикай — один из первых президентов Китайской республики, провозгласивший себя в 1915 году императором.

— и шел очень бодро, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет. Эта улица с раннего утра до поздней ночи была полна женщин, поскольку, кроме нескольких табачных лавок, почти все здешние магазины торговали дамскими товарами. Приблизившись к ним, женщина, как бы она ни спешила, уже не могла сдвинуться с места. Ведь тут в витринах красовались разноцветные шляпки, туфельки, перчатки, сумочки… и все это обладало необыкновенной притягательной силой для женских глаз, тел и душ. Когда же по Оксфордской улице шел отец Ивенс, его строгая религиозная мораль значительно слабела. Стоило ему сделать шаг вперед, как его высоко вздернутый нос утыкался в зонтик чопорной старухи; стоило попятиться, как он наступал своим твердым каблуком (мягкие, каучуковые он не терпел) на дамскую ножку; стоило вынуть платок, как его локоть попадал в женскую корзинку… Короче говоря, каждый раз после возвращения с Оксфордской улицы Ивенс был вынужден менять по меньшей мере одну рубашку и два носовых платка. А уж всякие там «извините» или «простите за неосторожность» приходилось говорить раз сто.

Вырвавшись из этого кошмарного водоворота,

пастор глубоко вздохнул, возблагодарил Господа и продолжил свой путь. На его седых висках, словно растаявший снег, блестели капли пота. Хотя ему и было уже за шестьдесят, держался он очень прямо, был всегда гладко выбрит, и его щеки, если бы не морщины, напоминали багровую глазурованную черепицу. Глаза большие, с маленькими зрачками, а над ними — голые мясные холмики, которые лет двадцать или тридцать тому назад были бровями. Очки вечно сползали на кончик вздернутого носа, из-за чего Ивенсу было гораздо легче смотреть поверх очков, чем через них. Губы очень тонкие, опущенные книзу и производившие на прихожан удручающее впечатление — вместе с пристальным взглядом карих глаз поверх очков. Но на самом деле преподобный Ивенс был человеком очень добрым, что еще раз доказывает, что миссионеру необходимо иметь противоречивый облик.

Дойдя до Музейной улицы, он повернул налево, миновал площадь Торрингтон и зашел в переулок Гордона. Здесь жило немало китайских студентов. Вообще китайцы в Лондоне делятся на два основных типа: рабочие и студенты. Первые живут по большей части в Ист-энде, в печально знаменитом Китайском квартале. Немцы,

французы, американцы и другие иностранцы, недостаточно богатые, чтобы съездить на Восток, но способные побывать в Лондоне, обязательно отправятся взглянуть на Китайский квартал и черпают там материал для романов, дневников и очерков. В этом квартале нет ничего особенного, как и в самих китайских рабочих, но посмотреть на них нужно непременно. Ведь Китай — слабая страна, вынужденная экспортировать свою рабочую силу, и на нее очень удобно навешивать всевозможные ярлыки. Если в Китайском квартале живет двадцать китайцев, то в иностранных сочинениях их оказывается пять тысяч, причем все эти желтолицые дьяволы как один курят опиум, незаконно торгуют оружием, убивают людей, прячут их трупы под кроватями, насилуют женщин, невзирая на возраст, и творят прочие дела, за которые мало разрубить на десять тысяч кусков. На основе этих сообщений пишутся пьесы, снимаются фильмы, а иностранные девушки, старухи, дети и английские короли, которые смотрят эти пьесы и фильмы, принимают их за чистую монету и начинают считать китайцев самыми подлыми, грязными и мерзкими двуногими в мире.

В двадцатом веке понятия «человек» и «государ-

ство» особенно тесно взаимосвязаны. Подданные сильной страны — это люди, а слабой? Очевидно, собаки… Именно так и смотрят на китайцев. Когда же мы наконец откроем глаза? Настало время распрямиться, а иначе нас вечно будут считать собаками!

Если у Китайского квартала такая дурная слава, то китайским студентам, естественно, тоже не везет. Их не пускают в более или менее приличные гостиницы, не говоря уже о частных домах. Им удается найти пристанище лишь в скромных домах за Британским музеем — и не потому, что в этом районе живут какие-то особо добрые люди, а потому, что они привыкли к общению с азиатами, вынуждены терпеть их. Торговец курами вовсе не обязательно любит кур; так и англичане, сдающие нам жилье, весьма редко любят китайцев.

Тридцать пятый дом по переулку Гордона принадлежал вдове Уэндел. Это был небольшой трехэтажный домик из семи или восьми комнат, огороженный живой изгородью. На ступенях этого дома никогда не было ни пылинки; медное кольцо на красной двери всегда до блеска начищено. На втором этаже, почти сразу после входа, человек попадал в маленькую гостиную, а затем

в столовую. Внизу была кухня, наверху — еще три комнаты.

Подойдя к дому, отец Ивенс снял шляпу, стер с лица пот, поправил галстук и, лишь убедившись, что в его фигуре нет ни малейшего изъяна, тихо поднялся по ступеням. Здесь он немного постоял, потом дважды стукнул медным кольцом по двери — осторожно, как музыкант, пробующий звук на рояле.

Наверху послышались дробные шажки: кто-то сбегал по лестнице. Дверь слегка отворилась — из-за нее показалось лицо миссис Уэндел.

— А, преподобный Ивенс! Как поживаете? — Она открыла дверь пошире и протянула свою белую ручку для пожатия. Пастор, конечно, воспользовался этим и, зайдя в переднюю, повесил шляпу и пальто на вешалку.

Гостиная была очень чистой и уютной, даже гвозди, на которых висели картины, казалось, улыбались. В центре комнаты лежал длинный зеленый ковер, на нем стояли два небольших кресла, дубовые стулья с зеленой плюшевой обивкой и чайный столик с трехцветной китайской фарфоровой вазочкой, а в ней — белые розы. У стены пианино с двумя или тремя фотографиями в рамках, перед ним — лаковый табурет. На

табурете лежала белая толстая болонка, которая, завидев пастора, тут же спрыгнула на пол и, виляя хвостом, стала тереться о его ноги. Кроме картин на одной из стен висела пара фарфоровых тарелок; на этажерке стояло несколько книг — романы, сборники стихов и еще что-то. Миссис Уэндел села на освободившийся табурет, болонка вспрыгнула ей на колени и, скосив голову, продолжала смотреть на пастора. Тот устроился в кресле, подтолкнул к переносице очки и стал восхвалять болонку. Наконец, вдоволь нахвалившись, он осторожно спросил:

— Миссис Уэндел, у вас еще свободны комнаты наверху?

— Да, к сожалению, — ответила та, одной рукой обнимая собачку, а другой придвигая к пастору пепельницу. Он набил себе трубку табаком.

— По-прежнему собираетесь сдавать их?

Женщина насторожилась:

— Подходящим людям можно и сдать.

— У меня есть два друга, которые срочно ищут квартиру. Люди очень надежные. — Пастор посмотрел на нее поверх очков и продолжал, заискивающе понизив голос: — Два китайца… — Тут его голос стал едва слышен. — Два очень порядочных китайца.

— Китайца? — изменилась в лице женщина.

— Очень порядочных китайца! — повторил Ивенс и украдкой взглянул на нее.

— Извините… — начала она, но пастор, не дав ей продолжить, тут же перехватил инициативу:

— Я ручаюсь за них! Если они чем-нибудь проштрафятся, можете спросить с меня! Я никак не могу найти им приют, так что пойдите мне навстречу, миссис Уэндел! Это отец и сын, старший из них к тому же христианин. Во имя Бога вы должны… — Пастор нарочно умолк, ожидая, произведут ли впечатление его слова о Боге.

— Но… — нетерпеливо возразила миссис Уэндел. Похоже, Бог ее ничуть не взволновал.

Пастор снова не дал ей продолжить:

— Вы можете брать с них больше, а то и вовсе выставить, если они поведут себя недостойно. И тогда я ни за что… — Он затянулся трубкой и проглотил дальнейшие слова вместе с дымом, чувствуя, что они не очень соответствуют духу Библии.

Миссис Уэндел встала:

— Отец Ивенс, вы знаете мой характер! В нашем переулке многие разбогатели на иностранных квартирантах, осталась едва ли не одна я. Я предпочитаю получать меньше, но иностранцев к

себе не брать. И горжусь этим. Почему вы не обратились в другое место?

— Я же говорю, что обращался, и не раз, но квартиры все неподходящие. А у вас на третьем этаже как раз три комнаты: каждому по спальне плюс третья общая, своего рода кабинет. Как хорошо!

— Но, отец Ивенс… — Вдова вытащила из кармана платочек и вытерла губы, хотя вытирать их не было никакой необходимости. — Вы думаете, я позволю, чтобы в моем доме варили крыс?

— Китайцы не… — Пастор хотел сказать, что они не едят крыс, но подумал, что такое прямое заявление обидит хозяйку и она совсем заартачится. Не лучше ли сменить тон? И он спешно поправился: — Я специально предупрежу их, чтобы они не ели крыс! Миссис Уэндел, я не смею больше занимать ваше время; давайте так договоримся: вы возьмете их на одну неделю, а если они будут вести себя плохо, выдворите. Что же касается квартплаты, то назначайте ее сами. В гостинице они жить не могут, там сами знаете, какой народ, я не хочу, чтобы они с ним сталкивались. Все мы христиане и должны уметь терпеть, так что пойдите им навстречу!

Женщина чесала болонку под подбородком и долго молчала, прикидывая, что лучше: получить

несколько лишних монет или решительно отказаться от поджигателей, убийц и пожирателей крыс? Но прийти к окончательному выводу она так и не могла. Чувствуя, что пастор томится от неизвестности, вдова машинально произнесла:

— А опиум они не курят?

— Нет-нет! — воскликнул пастор.

Миссис Уэндел задала еще множество вопросов, извлеченных ею из романов, фильмов, пьес и миссионерских отчетов о Китае; ей очень хотелось, чтобы вода спала и камни выступили. Но вскоре она раскаялась в этом: ведь ее любопытство фактически свидетельствовало, что она уже согласилась сдать комнаты.

— Спасибо вам, миссис Уэндел! — улыбаясь, молвил пастор. — Итак, договорились! Я думаю, в неделю вам стоит брать по четыре фунта пятнадцать шиллингов, с завтраками и ужинами.

— Только пусть не лезут в мою ванну!

— Правильно! Я предупрежу их, чтоб мылись в бане.

Сказав это, пастор, даже забыв погладить болонку, схватил пальто, шляпу и убежал. Только на улице, найдя укромное местечко, он отдышался:

— Черт бы ее драл! Из-за двух паршивых китайцев…

2

Отец и сын Ма сели на пароход в Шанхае и доплыли до Лондона без всяких пересадок. За сорок дней путешествия Ма-старший всего один раз вылез на палубу, поглядел вокруг мутными от качки глазами и, не говоря ни слова, вновь скрылся в каюте. Во второй раз он вышел уже тогда, когда корабль спокойно стоял в лондонском порту. Младший Ма оказался гораздо сильнее отца и немного пострадал от морской болезни лишь возле Тайваня, а после Гонконга и вовсе привык.

Облик младшего Ма мы уже описали, только на корабле он был менее худым, да и брови не хмурились так печально. Он впервые ехал за границу, все казалось ему новым и интересным. Опершись о перила, Ма Вэй стоял на палубе, подставив раскрасневшееся лицо морскому ветру, и его мысли играли, точно волны.

Ма-старшему было чуть больше пятидесяти, но он нарочно напускал на себя старообразный вид, как будто в пятьдесят лет человек уже и травинки не может поднять, а должен только есть и спать. Каждый лишний шаг вырастал для него в проблему. Он был чуть ниже своего сына, но значительно упитаннее его. Круглое лицо,

мохнатые брови, черные усики, лишь немного поседевшие за последние год-два. Глаза такие же большие, блестящие и красивые, как у сына; на носу — очки в агатовой оправе. Он не был ни близорук, ни дальнозорок, а носил очки только для важности и солидности.

Ма Цзэжэнь, как его звали, в юности учился в английской школе при христианской миссии, знал немало английских слов, владел и грамматикой, но во время экзаменов вечно получал не больше тридцати пяти баллов из ста. Иногда, раскрыв англо-китайский словарь, он увлекал в тихое местечко какого-нибудь отличника и предлагал ему: «Давай посоревнуемся, спросим друг друга по пятьдесят английских слов! Посмотрим, кто кого!» Отличник нередко оказывался посрамленным, и Ма гордо удалялся со словарем под мышкой, мурлыча под нос победную песенку. После этого результаты экзамена для него уже ничего не значили.

Он был уроженцем Кантона, но с детства жил в Пекине и всем говорил, что он пекинец. Только когда в цену вошли три народных принципа южанина Сунь Ятсена и кантонское правительство расширило свое влияние, Ма Цзэжэнь стал писать на своих визитных карточках, что он ро-

дился в Кантоне. Окончив миссионерскую школу, он тут же женился и зажил совсем неплохо благодаря родовому наследству и помощи старшего брата. Несколько раз он пытался стать письмоводителем министерства просвещения, но во время конкурса проваливался на сочинениях и был вынужден отказаться от своей мечты. А для занятий иностранными делами он недостаточно владел английским. Кто-то рекомендовал его преподавать английский в школе, но Ма Цзэжэнь был слишком горд, чтобы взяться за школьную указку.

От безделья Ма начал тайком ходить по публичным домам, возвращался поздно и на этой почве частенько ссорился с супругой. К счастью, это происходило ночью, так что посторонние почти ничего не слышали. Порою он даже закладывал золотое кольцо жены, но когда старший брат присылал ему денег, тут же покупал ей новое. Жена, привыкнув к этому, полушутя выговаривала ему, а он весело рассказывал ей, как в очередной раз заложил кольцо.

Ма Вэй появился лишь на четвертый год их супружества. Еще до его рождения Ма Цзэжэнь сообщил об этом радостном событии брату, прося денег и намереваясь с помпой отметить первый

месяц младенца. Брат действительно прислал денег, и все их родственники и друзья вскоре съели целую гору Тайшань[2], так что даже соседские собаки долго наслаждались рыбьей требухой и свиными копытцами.

После рождения ребенка общественный статус супругов значительно повысился, и они стали считаться уже не просто супругами, а родителями. К своим родительским обязанностям они относились не слишком рьяно, но славу вкушали в полной мере. Тогда-то Ма Цзэжэнь и позволил себе не брить волосы на верхней губе, которые за два-три месяца превратились в усики. А его жена, чтобы соответствовать этим усикам, стала меньше краситься. К величайшему сожалению, когда Ма Вэю было восемь лет, она умерла — то ли от простуды, то ли от переедания. Ма Цзэжэнь очень горевал: не столько из-за того, что сын остался сиротой, сколько потому, что нельзя было добиться прославляющего ее императорского указа, какие иногда издавались в старину. По щекам безутешного вдовца все время катились слезы, так что его усики стали похожи на щетку, которой пчеловоды чистят ульи.

---

[2] Примечания: 2
Одна из крупнейших вершин восточного Китая.

Деньги на траурную церемонию снова дал брат, ибо похоронить жену следовало как можно торжественнее. Эти ритуалы потребовали даже больше средств, чем день рождения Ма Вэя.

За всеми этими хлопотами печаль Ма Цзэжэня понемногу развеялась. Родственники и друзья решили женить его снова. Он и сам подумывал об этом, да не мог найти подходящей кандидатуры. Жениться во второй раз куда труднее, чем в первый. Теперь у него уже был небольшой опыт по части женщин, и он знал, что и красивую, и некрасивую жену надо кормить, причем кормить почти одинаково, так почему бы не выбрать красивую? Но много ли на свете красивых женщин? Найти подходящую оказалось трудно. Иногда он был уже близок к успеху, однако то ли кто-то шептал невесте какую-нибудь гадость, то ли сам господин Ма был слишком ленив и никчемен, но кандидатки почему-то били отбой. В другом случае ему услужливо сказали, что на носу у невесты три веснушки, как будто на костяшке домино. Брак снова расстроился: кому интересно, чтобы нос его жены сравнивали с игральными костяшками?

Было тут и еще одно обстоятельство: господин Ма мечтал стать чиновником, видя в этом един-

ственное средство продолжить славу предков. Хотя за свою жизнь он не занимал ни одной официальной должности, мечта об этом в нем никогда не ослабевала. Жена тоже могла стать ступенькой в карьере, так что выбирать ее наобум было нельзя. Если жениться на дочери высокопоставленного лица, тесть непременно захочет тебя выдвинуть. А если... Таких «если» было очень много, но ведь предположения далеко не всегда превращаются в дела.

— Если мне удастся жениться на дочери министра, я стану, по крайней мере, начальником отдела, — говорил он своим близким.

— А у всех ли министров есть дочери и захотят ли они выйти за тебя? — отвечали ему.

Да, надежды на женитьбу и должность уплывали от него.

Когда Ма Вэй проштудировал дома «Три малых книги» и «Четверокнижие»[3], отец отдал его в миссионерскую школу, потому что при ней можно было жить и кормиться. В свободное время господин Ма и сам захаживал туда: повидать сына, а заодно поболтать с пастором Ивенсом. В результате Ма Цзэжэнь принял христианство. Все

[3] Примечания: 3

Конфуцианские трактаты, которые в старом Китае использовали как учебники.

равно делать нечего, так почему бы не креститься, не ходить в миссию? Это же бесплатно! После крещения господин Ма целую неделю не играл в кости, не пил вина и даже купил сыну Библию на английском языке в красной обложке.

Когда закончилась мировая война, старший брат Ма Цзэжэня переехал в Англию, занявшись торговлей антиквариатом. Каждые три-четыре месяца он продолжал присылать брату деньги, иногда поручал ему подыскать в Пекине какой-нибудь товар. Ма Цзэжэнь с детства презирал торговцев, но был вынужден подбирать для брата всякие старинные вазочки и чашки. Отправляясь за ними на Глазурный рынок, он обязательно заходил в харчевню у Передних ворот и пропускал несколько чарок рисовой водки с жареными «треугольниками».

В конце концов брат господина Ма умер в Лондоне и завещал своему ближайшему родственнику продолжить его дело.

В это время пастор Ивенс уже два или три года как вернулся на родину. Ма Цзэжэнь, вооружившись англо-китайским словарем, написал ему письмо, спрашивая, стоит ли ему с сыном приехать. Ивенс очень обрадовался такому варианту, потому что у него возникала возможность по-

казать англичанам, что их миссионеры в Китае не бездельничают. Он ответил господину Ма, что ехать нужно непременно, и тот с сыном отправился в Шанхай. Здесь он купил билеты в каюту второго класса, два европейских костюма, несколько коробок чая и прочую мелочь. Не успел пароход выйти из гавани, как Ма Цзэжэнь, сняв очки, завалился в своей каюте и лежал так, не двигаясь, до самого Лондона. Его буквально выворачивало наизнанку.

3

Английские таможенники выглядят по-разному, но все скроены на один манер и сразу видят, чем ты занимаешься. Одним глазом они смотрят на тебя, а другим — на давно устаревшие таможенные правила. За ухом торчит огрызок карандаша, брови нахмурены, на лице вечно суровое выражение. Со своими соотечественниками они довольно любезны: проверяют документы и шутят, похохатывают, с женщинами особенно охотно. Но к иностранцам они относятся совсем по-другому: плечи брезгливо вздернуты, уголки рта опущены — в общем, сплошной империализм. Иногда они могут улыбнуться и иностранцу, однако потом ни за

что не выпустят его на берег. После проверки таможенники сходят с корабля вместе со всеми, удовлетворенно потирают руки и говорят тебе: «Погода очень холодная!» И еще нахваливают твой английский язык.

Сначала был паспортный контроль. Отец и сын прошли его спокойно, так как господин Ма вез с собой кучу документов, присланных братом, а у Ма Вэя было направление на учебу от министерства просвещения. За паспортным контролем следовал медицинский, но и его миновали благополучно: у обоих Ма не было ни чахотки, ни других болезней. Английский врач даже посоветовал им в шутку есть побольше говядины, тогда здоровье будет еще крепче; дескать, во время мировой войны англичане победили немцев именно потому, что ежедневно ели говядину. Затем господ Ма заставили открыть все чемоданы и коробки, но, к счастью, они не везли с собой ни опиума, ни оружия. Только за чай и шелковую одежду с Ма-старшего содрали десять с лишним фунтов. Ма Цзэжэнь не очень понял, почему за такие вещи нужно платить пошлину, но пригладил усы и покорно заплатил. От всех этих переживаний он едва чувств не лишился и с горечью думал: «Если бы знал, что все так

хлопотно, ни за что бы не поехал за границу!»

В порту они пересели на поезд. Ма-старший устроился в уголке, молча закрыл глаза и сразу заснул, а Ма Вэй начал смотреть в окно. Равнины перемежались холмами, и те и другие были зелеными. Поезд мчался так быстро, что, кроме зелени, ничего особенного разглядеть не удавалось, только разноцветных коров и овец, которые мелькали в окне, словно цветы на весеннем лугу.

Постепенно зелени становилось все меньше, а домов — все больше. Поезд сильно замедлил ход, по обеим сторонам уже шли улицы. Наконец паровоз дал свисток и остановился.

Господин Ма продолжал сидеть, как бодисатва, слегка разинув рот — наверное, что-то хотел сказать во сне.

На перроне было очень много встречающих. «Эй, сюда!» — кричал кто-то носильщику, и тот катил к нему свою тележку. «Я здесь!» — махая шляпой, окликал мужчина женщину. Дверь вагона открылась, встречающие бросились к пассажирам. Одни размахивали руками, другие — платками, третьи во всю курили, так что поезд почти скрылся в клубах дыма. Мимо сновали продавцы газет, цветов, папирос — часто тоже с

тележками. Англичане относятся к торговле так же серьезно, как к похоронам.

Ма Вэй затормошил отца, тот сладко потянулся и хотел снова уснуть, но тут какая-то девица, прорываясь к выходу, крепко двинула его чемоданом по носу. Девица воскликнула: «Извините!», Ма Цзэжэнь потер нос и наконец проснулся. Младший Ма поспешно собрал все пожитки и уже хотел выйти из вагона, как подоспел пастор Ивенс. Забыв даже поздороваться с прибывшими, он схватил самый большой чемодан и потащил его к выходу.

— Быстро вы доехали! Ну как, на море не очень намучились? — спросил он отца и сына, вытаскивая чемодан на перрон.

Ма-старший с маленькой коробочкой в руках торжественно вышел из вагона, словно начальник области из собственного паланкина.

— Как поживаете, отец Ивенс? — церемонно произнес он, ставя свою коробочку на чемодан. — Как здоровье вашей супруги, дочери, сына?

Пастор, прервав его тираду, снова схватил самую тяжелую кладь и закричал:

— Ма Вэй, тащи все сюда! С собой вы сейчас возьмете только личные вещи, а остальное сдадим в камеру хранения!

Юноша и пастор, обливаясь потом, понесли весь багаж, а господин Ма медленно пошел налегке. В камере хранения пастор сдал чемоданы, получил квитанцию и, объяснив Ма-старшему, сколько нужно платить, добавил:

— Давайте деньги! Сегодня вечером багаж будет доставлен вам на квартиру. Удобно, не правда ли?

Господин Ма отдал деньги, но все-таки усомнился:

— А ничего не потеряется?

— Нет-нет, не беспокойтесь! — Пастор взглянул своими желто-карими глазами сначала на него, потом на Ма Вэя: — Вы не голодны?

— Нет, — поспешно ответил господин Ма. Во-первых, говорить о пище, едва прибыв за границу, было несолидно, а во-вторых, стоило ли заставлять пастора угощать их?

— Не верю! — откликнулся Ивенс. — Вы обязательно должны что-нибудь поесть!

Церемониться дальше уже было неудобно, и господин Ма тихо сказал сыну:

— Ну раз он приглашает нас, не будем ему отказывать.

Они вышли из вокзала. Ма-старший нес свою фигуру, включая шею, так прямо, будто лежал

в гробу, лишь руки и полы пальто слегка раскачивались. На вокзальной площади отец и сын увидели два или три небольших ресторана со стеклянными витринами. Пастор выбрал один из них, усадил гостей и спросил, что они будут есть. Ма Цзэжэнь снова повторил, что они не голодны, хотя в желудке у него урчало. Ма Вэй был не так церемонен, как отец, но за границей оказался впервые и просто не знал, что заказать.

Поняв, что спрашивать бесполезно, пастор решил проявить инициативу:

— Может быть, сделаем так? Каждому по кружке пива и по два бутерброда с ветчиной…

Он подошел к стойке, Ма Вэй помог ему донести пиво и бутерброды, а Ма Цзэжэнь опять не шевельнулся, подумав: «Покупать еду, да еще самому ее носить? Что за дурацкие нравы?!»

— Я обычно не пью ничего хмельного, — сказал пастор, поднимая кружку пива, — но сегодня, встретив друзей, готов отказаться от своего правила…

В Китае он всегда пил тайком, чтобы другие миссионеры не увидали, а сейчас решил прибегнуть к специальному объяснению. Он одним махом осушил кружку и стал восхищаться чистотой ресторанчика, потом вообще начал хвалить

английские порядки:

— Да, это все добрая старая Англия! Сами видите! — Он откусил изрядный кусок бутерброда и долго жевал его своими искусственными зубами. — Ну как, Ма Вэй, морская болезнь не мучила?

— Нет, не очень. А вот отец почти не поднимался с постели.

— А я что говорил? Вы, господин Ма, напрасно притворялись, будто не голодны. Ма Вэй, принеси отцу еще кружку пива, да и мне кружку прихвати, что-то аппетит разыгрался! Я уже нашел для вас квартиру, сейчас поедем туда, сможете хорошенько отдохнуть…

Когда они поели, пастор велел Ма Вэю отнести на стойку все пустые кружки и тарелки, добавив при этом:

— С каждого по шиллингу. Нет, мы с господином Ма выпили по две кружки, так что с нас по шиллингу и шесть пенсов, а с Ма Вэя — шиллинг. У вас мелочь есть?

Господин Ма никак не ожидал такого поворота и подумал: «Какой же ты после этого священник, если несколько шиллингов спокойно выложить не можешь?» А вслух шутливо предложил заплатить за пастора.

— Нет-нет, — запротестовал Ивенс. — В Англии надо следовать английским правилам. Здесь каждый платит за себя!

Они вышли из ресторанчика. Пастор достал шесть медяков и протянул Ма Вэю:

— Иди вон туда и купи три билета, каждый по два медяка. Скажи, что до Британского музея. Сумеешь?

Юноша взял у него только два медяка, приложил четыре своих и направился к окошку, на которое показал ему пастор. Когда он вернулся с билетами, Ивенс обрадовался:

— Молодец, все правильно сделал! — Он покопался во внутреннем кармане и достал сложенный план города. — Возьми, это тебе! Видишь, мы сейчас на Ливерпульской улице? Вот эта красная линия. Через четыре остановки отсюда — Британский музей. Это знаменитое лондонское метро, запомни остановку!

И он повел их в метро.

4

Господин Уэндел умер десять с лишним лет назад, оставив своей жене лишь домик и немного акций.

Каждый раз, когда миссис Уэндел вспоминала

мужа, она орошала слезами по меньшей мере два или три платочка. Покойник был всем хорош, но, к сожалению, не погиб на фронте и не оставил ей нескольких миллионов. Об этом она тоже не могла не вспоминать. Если бы муж пал на поле брани, он не только прославился бы во имя родины, но и заработал жене военную пенсию. Конечно, пенсия — не чета нескольким миллионам, и все же она позволила бы миссис Уэндел регулярно покупать новые чулки и шляпки, а по воскресеньям, когда так не хочется идти в церковь, — выпивать лишнюю бутылку пива.

Вскоре после смерти ее мужа разразилась мировая война, и миссис Уэндел из чувства патриотизма, усиленного нехваткой денег, пошла работать машинисткой в бензиновую компанию. В то время всюду не хватало людей, и она получала больше трех фунтов в неделю. Печатая на машинке, вдова жалела, что муж умер слишком рано, упустив случай погибнуть за родину, и ее слезы текли прямо на клавиатуру. Если бы он был сейчас жив, то непременно убил бы сто, а то и двести немецких солдат, захватил бы живьем самого кайзера и стал главнокомандующим, а она превратилась бы в жену главнокомандующего! Чем дольше она думала об этом, тем больше нена-

видела немцев, которые нарочно начали войну после смерти ее мужа и отняли у него законную боевую славу. Надо уничтожить Германию, ни одной курицы и собаки в ней не оставить! В такт этим мыслям машинка стрекотала, как пулемет, а когда страница кончалась, миссис Уэндел обнаруживала в ней множество дырок, и страницу приходилось печатать снова.

Дочь вдовы была моложе матери ровно вдвое. Окончив школу, она поступила на шестимесячные курсы, где ее научили торговать шляпками: как раскладывать их в витрине, как предлагать и подбирать покупательницам… После этих курсов она нашла работу в шляпном магазине и получала шестнадцать шиллингов в неделю.

В годы войны миссис Уэндел скопила немного денег, а потом ее приглашали в компанию только на полторы-две недели, если требовалось кого-нибудь заменить, поэтому она почти все время проводила дома. Пока дочь училась, у них с матерью были очень хорошие отношения, проблем с послушанием не возникало. Но едва дочка поступила на работу, как эти отношения испортились, сменились довольно частыми ссорами. «Пусть эта белокурая дрянь идет своей дорогой!» — со слезами на глазах говорила миссис Уэндел бо-

лонке и целовала ее в ухо, а та от избытка чувств тоже иногда роняла слезу.

Одной из главных причин для ссор были обеды или ужины, потому что мать любила во всем порядок, а у дочери теперь водились деньги, и после работы она порой забегала в кондитерскую, к портному, к ювелиру. Правда, там она в основном смотрела, а не покупала, но при этом думала: «Вот прибавят мне жалованье, обязательно куплю эту красную коробку конфет или зеленое шелковое платье с вышивкой!» Чем дольше она смотрела, тем меньше хотела уходить и просто забывала, что пора возвращаться домой. А возвратившись и поужинав, тут же нацепляла шляпку и снова упархивала, как птичка.

Мать знала, что та гуляет с парнями, но это было в общем нормально. Расстраивало ее другое: что дочь, вернувшись поздно ночью, ничего ей не рассказывает. Или, наоборот, без всякого удержу рассуждает о замужествах и разводах. Однажды к ним зашел пастор Ивенс, так девчонка начала читать ему отрывки из полученных ею любовных писем. А Ивенс заходил для того, чтобы убедить ее в воскресенье посещать церковь. В результате он так ничего и не сказал: взял шляпу и убежал.

В молодости миссис Уэндел тоже понимала

толк в любви, но ее идеалы были совсем другими. Герой ее романа мог одним ударом убить тигра или слона, однако при виде женщины смягчался и томно вздыхал. Женщины в ее представлении должны были обладать тонкой талией, маленькими ручками и то и дело падать в обморок, а придя в чувство, обнаруживать себя в сильных объятиях мужчины. Такие герои и красавицы могли только объясняться в любви под луной, в рощах или среди цветов, в крайнем случае целоваться. А представления дочери о любви были отнюдь не похожи на те, которые можно найти в романах: ее интересовало лишь то, как бы после замужества на бешеной скорости прокатиться с любовником в автомобиле, как пойти в суд и развестись с постылым мужем, как выйти замуж за итальянского повара, отправиться в Италию и поглядеть на живого Муссолини. А можно выйти за русского и поехать в Москву — специально, чтобы выяснить: прикрывают ли русские женщины колени юбками, или они ходят вообще без юбок.

После смерти мужа миссис Уэндел тоже подумывала о втором браке, и удерживали ее главным образом экономические соображения. Вряд ли удастся найти подходящего человека! Но о своих

сомнениях она никому никогда не говорила, потому что сладость любви — в ее таинственности. Даже если в глубине коренятся какие-нибудь низменные мысли, они должны быть покрыты романтическим флером.

— Убирайся, убирайся, выходи за своего русского медведя! — говорила она дочери в минуты раздражения.

— А что? В Москве наверняка шкуры дешевы. Пусть он купит мне дюжину меховых шуб, чтоб я могла их каждый день менять! Разве плохо, а, мам?

Миссис Уэндел брала собачку и, ни слова не говоря, отправлялась спать.

Дочь отличалась от матери не только во взглядах на любовь, но и в манере одеваться, носить шляпки и украшения. Ее представление о прекрасном было очень просто: чем вещь новее, тем она лучше. Все новое хорошо, а красиво ли — неважно. Платье хорошо только короткое, шляпка — только модная. На ее взгляд, все материнские платья нужно было укоротить по крайней мере на фут, а у шляпок срезать поля и убрать смешные искусственные цветы. Мать, говоря об одежде, первым делом рассуждала о качестве материала; дочь — о том, что сейчас модно

в Париже. Поэтому-то они так часто и ссорились.

Мать говорила:

— Если ты еще раз купишь шляпку, похожую на яичную скорлупу, я с тобой за один стол не сяду!

Дочь отвечала:

— Если ты еще раз наденешь такой деревенский салоп, я с тобой на улицу не выйду!

Внешне дочь тоже сильно отличалась от матери. У миссис Уэндел лицо было удлиненным, с треугольным подбородочком, волосы светло-каштановые (с небольшой проседью), собранные в два пучка. Глаза карие, носик остренький, губы тонкие. Только когда она смеялась, в ней чувствовалась былая красота. Роста она была невысокого, а в широкополых шляпах казалась еще ниже.

Дочь переросла ее на целую голову. Ноги большие, совсем не похожие на материнские, из-за чего ей вечно приходилось носить тесные туфли. Мать ходила красиво, точно курочка, клюющая зерна, а дочь топала, словно путник в горах. Юбка едва прикрывала ей колени, делая ее длинные ноги постоянным предметом всеобщего обозрения. Поскольку юбка была не только короткой, но и узкой, походка дочери напоминала нечто среднее между бегом и ковылянием. В одной руке, сумка, в другой — зонтик, шея втянута в плечи, иначе

она кажется слишком длинной, — словом, вся ее фигура была похожа на вазу с узким горлышком.

Но лицо у Мэри было круглым и довольно полным, на щеках виднелись две ямочки, которые делали ее веселой, даже когда она не смеялась. Белокурые волосы подстрижены коротко, как у мужчины. Глаза голубые, блестящие, шаловливые; губки чуть вздернуты и вечно шевелятся. В результате ее можно было сравнить с румяным яблочком, только что сорванным с дерева.

Миссис Уэндел смотрела на дочь со смешанным чувством любви и возмущения и часто говорила:

— Погляди на свои ноги! Разве можно носить такую короткую юбку?

Дочка встряхивала своими короткими волосами, демонстрировала ямочки на щеках и отвечала:

— Все так носят, мам!

5

Целое утро миссис Уэндел возилась, чтобы как следует убрать третий этаж своего дома. На пояс она повязала белый передник, на голову надела зеленую косынку, чтобы волосы не растрепались и не запачкались, рукава подвернула до локтей, обнажив голубые прожилки, напоминающие

реки на карте. Первым делом она вымыла пол, затем, вытащив во двор ковры, тщательно выбила их, натерла пол, вытерла все лампочки и нацепила на две из них новые зеленые абажуры.

Закончив уборку, она уперла руки в бока и огляделась: зеленые занавески в кабинете показались ей не очень гармонирующими с голубыми обоями. Тогда она сбежала вниз, сняла из собственной комнаты бледно-голубые занавески с белыми цветочками и перевесила их.

Только теперь миссис Уэндел смогла присесть на стул и, положив руки на колени, легонько вздохнуть. Позвала Наполеона (толстую белую болонку), взяла его на руки и, уткнувшись носом в собачью мордочку, спросила:

— Ну как, чисто пол начищен? Занавески красивые?

Наполеон огляделся и завилял хвостом.

— Достойны ли китайцы жить в таком доме?

Наполеон замотал головой. «Ну вот, даже собака понимает, что не достойны! — подумала миссис Уэндел и немного раскаялась в том, что уже дала согласие. — Если б раньше знала, ни за что не сдала бы им комнаты!» Ворча, она спустилась вниз с собачкой на руках.

После ужина женщина стала прихорашивать-

ся: заново причесалась, напудрилась, надела свое любимое синее платье с лисьим воротником (англичанки носят меха вне зависимости от сезона). Теперь все было готово к приему гостей. Хоть она и презирала китайцев, но, раз согласилась приютить их, должна вести себя соответственно. Вдова уселась в гостиной, взяла в руки роман Де Куинси «Исповедь английского опиекурильщика»[4] и стала его читать, чтобы потом было о чем поговорить с гостями.

Перед входом в дом миссис Уэндел пастор Ивенс сказал Ма-старшему:

— Когда увидите хозяйку, можете пожать ей руку только в том случае, если она сама ее протянет. А иначе достаточно ограничиться кивком. Это наш обычай. Не сердитесь, что я вам о нем говорю?

Господин Ма не только не сердился, но и поблагодарил пастора за науку. Они еще стояли перед дверью, а вдова уже заметила их через окно. Торопливо схватила зеркальце, посмотрелась, легонько поправила пальцами узлы волос за

[4] Примечания: 4

Т. Де Куинси (1785–1859) — английский писатель, близкий к «озерной школе». Названный роман (1822 г.) представляет собой автобиографическое сочинение, в котором подлинная история бедствований автора сочетается с изображением наркотических видений.

ушами. Вышла лишь на стук, открыла, и Наполеон, сидевший у нее на руках, дважды пролаял. Миссис Уэндел поспешно сказала: «Нельзя, шалунишка!» Болонка закатила глаза и, опустив уши, умолкла.

Продолжая держать ее одной рукой, вдова протянула другую Ивенсу. Тот представил хозяйке господ Ма. Не сгибая ни спины, ни шеи, она лишь слегка кивнула и мигнула, что должно было означать приветствие, а Ма-старший согнулся в глубоком поклоне. Он еще не успел распрямиться, когда она уже вошла в гостиную. Ма Вэй, несший чемоданчик, видел вдову лишь из-за спины Ивенса и вообще не удостоился приветствия. Все трое сняли в прихожей шляпы, пальто и последовали за хозяйкой. Она показала пастору и господину Ма на кресла, а Ма Вэю — на стул; сама села на табурет перед пианино.

Не дожидаясь ничьих речей, пастор начал хвалить Наполеона, а вдова в ответ — рассказывать всю историю собаки. После каждого эпизода пастор издавал восторженный возглас, хотя слышал эту историю больше двадцати раз. Вдова тем временем искоса разглядывала китайцев. Они показались ей совсем не такими отвратительными, как в кинофильмах, и она невольно усомнилась:

может быть, это не настоящие китайцы? Или вообще не китайцы?

Господин Ма сидел напряженно, будто мелкий чиновник у начальства: спина выпрямлена, голова чуть опущена, ладони лежат на коленях… Ма Вэй, напротив, подражая пастору, закинул ногу на ногу и сунул левую руку в карман. Пока Ивенс расхваливал историю собаки, юноша успел рассмотреть все вокруг и время от времени вторил пастору, когда тот смеялся.

— Отец Ивенс, не поглядеть ли нам на третий этаж? — спросила миссис Уэндел, завершив наконец собачью эпопею. — Господин Ма?

Тот, видя, что Ивенс встает, тоже поднялся, как заведенный. Ма Вэй, вскочив, успел открыть перед вдовой дверь. Она показала им все верхние комнаты, и после каждой ее фразы пастор восклицал: «Прекрасно!»

Господина Ма клонило ко сну. Вдове и пастору он, конечно, поддакивал, но фактически ничего не слышал и не интересовался тем, что было в комнатах. Спать есть где — и ладно! К чему думать о другом? Одно только его беспокоило: не слишком ли мало одеял и матрацев на кроватях. Он даже подумал: всего два одеяла! Не холодно ли будет? В Пекине он закрывался двумя толстыми

одеялами да еще ватным халатом.

Видя, что господин Ма ничего не говорит о комнатах, пастор решил заменить его:

— Превосходно! Я еще по дороге рассказывал им, что во всем Лондоне не найдешь такого прекрасного дома, как у миссис Уэндел! Правда, господин Ма? Теперь вы верите моим словам?

Ма Цзэжэнь покорно улыбнулся, но ничего не сказал. Ма Вэй, чтобы исправить неловкость, подхватил:

— Да, миссис Уэндел, все просто превосходно! Благодарим вас!

Они все спустились в гостиную, снова уселись. Хозяйка сказала о квартплате, о времени еды, о том, когда закрывается входная дверь. Пастор Ивенс после каждой фразы по-прежнему поддакивал, как маленький барабанчик большому. Господин Ма молчал, а сам думал: «Сколько ограничений! Я вижу, если жениться на иностранке, она тебя затаскает, словно кошка мышь!»

Когда вдова наконец договорила до конца, пастор встал:

— Миссис Уэндел, я не знаю, как и благодарить вас! Заходите при случае к нам на чай, поболтать с моей женой, хорошо?

При этих словах Ма-старший что-то вспомнил

и тихо спросил Ма Вэя:

— Где наш чай?

Сын ответил, что в большом сундуке, а две коробки здесь, в чемоданчике.

— Неси же его сюда!

Ма Вэй повиновался и вынул чай. Ма Цзэжэнь, держа в каждой руке по коробке, произнес:

— Мы привезли из Пекина немного чая, позвольте преподнести его вам! — С этими словами он вручил одну коробку пастору, а другую поставил на пианино. По конфуцианским правилам мужчины и женщины могут общаться, но не сближаться, так что передать коробку прямо в руки вдове он не решился.

Пастор, проведший в Китае много лет, знал китайские обычаи и не удивился, лишь сказал хозяйке:

— Ручаюсь, что чай хороший!

Вдова поставила Наполеона на табурет, взяла чай и, изумленно раскрыв рот, смотрела на иероглифическую надпись, на изображение богини Чанъэ, летящей на луну.

— Как интересно! — промолвила она и впервые по-настоящему взглянула на господина Ма. — Это мне? Вы дарите мне такую дорогую вещь?

— Конечно, — ухмыльнулся в усы Ма-старший.

— О, благодарю вас!

Пастор попросил у хозяйки лист бумаги, аккуратно завернул свою коробку и сказал:

— Моя жена очень любит китайский чай. Представляю, как она будет молиться за вас Господу!

Тут он закрутил своими желто-карими глазами, подумав, что даром принимать такой подарок неудобно, да и перед вдовой полезно продемонстрировать, что миссионеры не чета обычным людям. Надо, по крайней мере, показать гостям город, хотя бродить по улицам с китайцами очень неприятно.

— Господин Ма, — произнес он, — увидимся завтра. Я повожу вас по Лондону, так что встаньте пораньше!

Он надел пальто, засунул коробку в карман и еще прикрыл ее рукой, потому что высокая круглая коробка слишком напоминала винную бутылку, а миссионеры всегда должны помнить о Боге и об окружающих.

Ма Цзэжэнь хотел проводить его, но пастор из-за спины хозяйки помотал головой. Выведя Ивенса за дверь, вдова еще о чем-то говорила с ним, и Ма-старший наконец понял смысл его жеста. «Да, — подумал он, — эти заморские черти очень изощренны! Разговаривая с ними, надо все

время ходить кругами…»

— Ну как вам эти китайцы? — спросил тем временем Ивенс.

— Кажется, ничего, — ответила вдова. — Старший даже красив. А тут еще этот чай…

В тот же самый момент Ма Вэй говорил отцу:

— Почему ты молчал, когда пастор расхваливал дом? Неужели ты не видишь, что в разговоре с иностранцами, особенно с женщинами, надо все время преувеличивать? Без комплиментов они не могут!

— Ладно, я сам знаю, что говорить. Совершенно необязательно выкладывать все, что на душе… — ответил отец и, вынув шелковый платок, вдруг вытер им не лицо, а свои слегка запылившиеся сапоги.

6

Стояла типичная для конца апреля погода: то ясно, то пасмурно, то дождь, то солнце. Едва солнце выходило, как капли, сверкавшие на стекле, превращались в белый пар. Высокие тополя за окном, недавно выпустившие зеленые листочки, блестели после дождя мокрой серой корой, будто только что вымытые слоновьи ноги.

Господин Ма по-прежнему чувствовал себя

уставшим, хоть и проспал все сорокадневное путешествие по морю. Непривычная европейская кровать под ним ходила ходуном, и ему казалось, что он слышит плеск морских волн. Он просыпался множество раз за ночь, открывал глаза, но в комнате было темно. Где же он — на корабле, в Пекине, в Шанхае? Все вокруг было смутно, ненадежно, и только окончательно проснувшись, он понимал, что уже находится в Лондоне. Как это печально! Ему вспомнились пекинские друзья, китайские пельмени и спектакли, покойные жена и брат, Шанхай… А потом он вдруг забыл все это и только тихо плакал.

«Ничего не поделаешь, человеческая жизнь состоит из печалей и радостей, расставаний и встреч! Раз уж приехал, надо привыкать, — успокаивал себя Ма Цзэжэнь. — Вот выучится сын, тогда и можно будет насладиться покоем, почувствовать себя настоящим господином!» Эти мысли и в самом деле успокаивали его, он вынимал из-под одеяла горячую руку, трогал усы, поднимал голову с подушки и прислушивался, нет ли каких-нибудь звуков в соседней комнате. Ничего не было. «Эх, молодой он, здоровый, ест досыта, спит сладко. Хороший парень, далеко пойдет!» — бормотал Ма-старший, и его глаза

незаметно закрывались.

Потом он снова просыпался, снова засыпал — и так до самого рассвета, когда сон овладел им уже по-настоящему. Он вроде бы слышал, как поднялся сын, как проезжают машины за окном, но глаз открыть не мог. Примерно в половине восьмого миссис Уэндел постучала в дверь и крикнула:

— Господин Ма, горячая вода!

— Угу, спасибо! — ответил он и опять заснул.

Ма Вэй поднялся еще до семи. Ему так хотелось поскорее осмотреть Лондон, что он места себе не находил. К тому же вчера он лишь мельком видел дочь хозяйки и при отце постеснялся заговорить с ней. Сегодня за завтраком выдавался прекрасный случай, потому что отец наверняка не встанет.

Юноша тихо открыл занавеску. Только что прошел дождь, и солнечные лучи, точно золотые пчелы, несущие мед в свой улей, брызнули на руку Ма Вэя. Он надел цветной халат европейского покроя, купленный им в Шанхае, терпеливо дождался горячей воды и побрился. Бриться он научился лишь на корабле благодаря тому, что в Шанхае раздобыл безопасную бритву, и делал это с раннего утра, когда в умывальной еще никого не было. Правда, на лице у него тогда насчитывалось не более двух десятков волосинок, но после

нескольких дней бритья поросль стала уже более солидной. Особенно приятно было смотреть в зеркало и чувствовать себя настоящим мужчиной. Он часто видел в кино, как герой с мыльной пеной на щеках дает отпор всяким злодеям, а потом недрогнувшей рукой продолжает бриться. Иногда он при этом даже целует женщину, оставляя у нее на губах следы мыла. Таким образом, бритье — не просто привычка, оно несет в себе элемент поэзии.

Побрившись, Ма Вэй прополоскал рот, причесался, тщательно вычистил костюм, оделся и уже хотел сойти вниз, да побоялся, что слишком рано. Тихонько приоткрыл дверь, выглянул — над белым фаянсовым кувшином перед дверью отца еще поднимался пар. Внизу мать и дочь разговаривали, он слышал это довольно отчетливо. Голос девушки звучал особенно звонко и притягательно; когда Ма Вэй разбирал какое-нибудь слово, он вздрагивал, точно лепесток под ударами дождевых капель.

Внизу зазвонил колокольчик — юноша догадался, что это призыв на завтрак. Он снова взглянул в зеркало: брови не только не топорщились, как всегда, а, напротив, красиво очерчивали глаза. Ма Вэй поправил галстук, костюм и пошел вниз.

Обычно миссис и мисс Уэндел ели на кухне, но из-за квартирантов перенесли трапезы в столовую. Когда Ма Вэй вошел туда, вдова была еще на кухне, а за столом сидела лишь дочь, читая газету, вернее, высматривая из нее новые модели шляпок. Увидев юношу, она сказала «Хэлло!» и даже не повернула головы.

На ней была зеленая кофточка без рукавов, прекрасно обрисовывавшая не только руки, но и грудь. Руки были белые, полные, блестящие, словно выточенные из слоновой кости и в то же время мягкие. Казалось, от них исходил аромат.

Ма Вэй распрямил плечи и спросил:

— Как сегодня погода?

— Холодно! — выдавила она из своих красных губ, по-прежнему не глядя на него.

Вошла миссис Уэндел с подносом, поинтересовалась:

— А ваш отец?

— Боюсь, что он еще не встал.

Хозяйка ничего не сказала, но на лице ее будто задернули шторки. Сев напротив дочери, она налила всем чаю — того самого, который подарил ей господин Ма. Она специально заварила его, и если бы не этот чай, то непременно взорвалась бы. Единственное, что она тихо процедила:

— Все равно я не буду второй раз готовить завтрак.

— Кто заставлял тебя сдать комнаты китайцам? — бросила дочь, отложив газету.

Юноша покраснел, нахмурился, хотел встать и выйти, но все-таки не встал. Миссис Уэндел взглянула на него и засмеялась, как бы говоря: «Даже рассердиться не умеет! Впрочем, китайцы любят, когда их бьют!» Потом она бросила укоризненный взгляд на дочь и передала Ма Вэю чашку:

— Чай очень ароматный! Китайцы умеют его выделывать, правда?

— Да, — кивнул юноша.

Вдова откусила бутерброд и уже хотела запить его, как дочь тронула ее за руку:

— Смотри не отравись!

Мэри говорила так открыто, словно Ма Вэя не было в комнате, как бы исходя из того, что китайцы — известные отравители, это не подлежит сомнению. Вполне возможно, что она даже не старалась уязвить юношу и не думала, будто кого-то обижает. Ведь в пьесах, фильмах, романах китайцы отравляют людей, значит, их нужно остерегаться — это исторический факт, нечто вроде веры, которая не позволяет, например, мусульманам есть свинину.

Ма Вэй усмехнулся и, ни слова не говоря, отпил из своей чашки. Он сразу понял, что имела в виду девушка, ведь он читал кое-какие английские сочинения. Хозяйка отхлебывала чай маленькими глоточками и заискивающе спрашивала Ма Вэя, скольких видов бывает китайский чай, где он выращивается, как называется тот сорт, который они сейчас пьют. Юноша, подавив в себе раздражение, отвечал ей, в частности сказал, что этот чай по-китайски называется *сян пянь* — «ароматные хлопья».

Миссис Уэндел попросила его повторить и с трудом пробормотала: *чан бянь*. У нее получилось нечто вроде «длинной нужды».

— Верно я говорю? — поинтересовалась вдова.

Тут ее дочь начала рассказывать о фильме, который она видела несколько дней назад. В нем один английский храбрец убил десять с лишним желтолицых и безносых китайцев, причем убил легко и весело — у нее даже руки порозовели, когда она рассказывала об этом. Жуя бутерброд, Мэри оживленно жестикулировала, как бы желая сказать, что такой подвиг способен совершить не только англичанин, но и англичанка. Она вспомнила о своем друге Джоне, который служит в Шанхае и своими кулачищами может уложить

и большее количество китайцев. Ее голубые глаза блестели, когда она сослалась на письмо Джона, в котором он сообщал: «Вчера мы одним залпом застрелили пятерых желтых чертей, в том числе женщину!..» Девушка вначале подумала, что это нехорошо, но ведь это сделал Джон, а она не сомневается в его благородстве и храбрости. Правда, в газетах пишут, что китайцы вовсю уничтожают англичан, а англичане еще не убили ни одного китайца. Неужели Джон врет?..

Услышав, как мать повторяет *чан бянь*, дочь склонила головку:

— Что это ты, мам?

Та объяснила, что это название чая. Мэри тоже стала учиться произносить. Англичане — люди способные и очень любят, когда их хвалят, поэтому вскоре она забыла, что Ма Вэя нужно презирать, только спрашивала, правильно ли она выговаривает. Юноша, разумеется, отвечал, что правильно.

Позавтракав, Ма Вэй отправился наверх, к отцу, и вдруг туда же прибежала мисс Уэндел. Оказывается, вчера она купила новую шляпку с плюмажем из крысиных хвостов — по самой последней моде — и непременно должна была ее кому-нибудь показать. Она кокетливо взглянула

на юношу из-под шляпки, попрощалась и тут же растаяла, как дымок.

7

Дочь отправилась на работу — в свой шляпный магазин, а мать начала убирать дом. Наполеон носился вслед за ней. Ма Вэй одиноко сидел в гостиной и ждал пастора Ивенса.

Оставшись еще восьмилетним без матери, он почти не знал, что такое женская любовь. В начальной школе он целыми днями возился со сверстниками, в средней школе — со сверстниками постарше и видел женщин только в воскресенье, в церкви. Во время молитвы он тихонько поглядывал на них, но однажды это заметила миссис Ивенс, нажаловалась своему супругу, и тот выругал мальчика на жуткой смеси китайского и английского языков: «Эй, парень, не смей смотреть на девок! Да еще во время молитвы! Понял? Гляди у меня…» Миссис Ивенс, молясь, всегда одним глазом смотрела на Бога в раю, а другим — на учеников, которым предстояло попасть в ад, так что Ма Вэй не мог выпасть из поля ее зрения.

Женщины, посещавшие церковь, по большей части были еще уродливее, чем миссис Ивенс,

поэтому иногда он в ужасе зажмуривался и думал, что Бог, создавший людей, немного ошибся. Но среди них попадались и одна-две красивые… Может быть, их красота только на лице, как у манекенов в магазине похоронных принадлежностей? Мальчику снова становилось страшно. И все же, на кого бы ни походили эти женщины, увидеть их было трудно, а поговорить с ними, тронуть за руку — совершенно невозможно!

Только однажды он провел много дней вместе с девушками, это было за год до его отъезда в Англию. В то время началось студенческое движение, ректоров и директоров смещали, преподаватели бастовали, учащиеся тоже, хотя никто толком не знал, почему бастуют. Даже ученики миссионерской школы отбросили свои Библии и вступили в вооруженные отряды. Ма Вэй всегда неплохо выглядел, умел красиво говорить, да и отец за ним не очень следил, поэтому его выбрали представителем в учком. Там были, естественно, и представительницы, с которыми он в течение всей студенческой кампании довольно свободно разговаривал, а иногда и за руку трогал. Никто не брался предсказать, сколько времени продлится эта кампания — может, три дня, а может, пять месяцев, но всем хотелось, чтобы

она длилась подольше. К сожалению, все дела на свете имеют свой конец, эта кампания оказалась как раз краткосрочной, и Ма Вэй чувствовал себя словно шут, который поиграл на сцене, покривлялся и тут же был выведен за кулисы.

Он не знал, возникнет ли между ним и мисс Уэндел что-то серьезное, соединил ли Лунный старец их руки невидимой красной нитью через Индийский океан и Средиземное море, но она была иностранкой и к тому же первой иностранной девушкой, которую он увидел. Она вела себя своенравно, как дикая кошка, и это бросало его от изумления к восторгу, от испуга к любви, точно человека, впервые попробовавшего вино и хмелеющего от первой же рюмки. Ее слова, само выражение ее лица заставляли его холодеть. «Когда она сказала «до свиданья», она ведь улыбнулась и так взглянула на меня! Может быть, я ей вовсе не противен? Да, она просто не любит китайцев! Но я уверен, со временем она поймет, что такое настоящий китаец… А может, не стоит ухаживать за ней, ведь женщин на свете много?»

Юноша размышлял так и эдак, но пришел только к одному выводу: «Мы еще посмотрим!» Он потрогал свое лицо — оно все горело, особенно скулы, на которых будто жгли ароматный поро-

шок. «Мы еще посмотрим! Не надо торопиться, не надо!» — бормотал он, слегка раскрыв рот и словно собираясь рассмеяться. Однако рассмеяться он не мог и даже, кажется, ненавидел ее. Ненавидел? Нет, нет! Он поглядел в зеркало на свои белоснежные зубы, сунул руки в карманы и заходил по комнате. «Не надо торопиться! Мы еще посмотрим…»

— Ма Вэй, Ма Вэй! — закричал наверху отец, потом закашлялся.

Юноша в три прыжка взлетел по лестнице. Ма-старший стоял в дверях с белым фаянсовым кувшином в руке. На его лице было множество красных складок от подушки, усы свалялись в комок.

— Принеси немного горячей воды! — протянул он кувшин сыну.

— Я не решаюсь идти на кухню, — возразил Ма Вэй. — Разве ты не слышал, как вчера вечером хозяйка запретила нам туда ходить? Вот ты не вышел к завтраку, и она уже проявляла недовольство…

— Ладно, не рассказывай! — Господин Ма потер заспанные глаза. — Обойдусь без бритья. Сойдет?

— Но ведь пастор Ивенс собирался пойти с нами по городу…

— Я не пойду. Ладно?

Ма Вэй не ответил. Пока отец умывался остывшей водой, он открыл чемоданчик и спросил Ма-старшего, не стоит ли переодеться. Тот, занятый своей обидой, не обратил внимания на сына. Юноша хотел сказать отцу, что в Англии надо следовать английским правилам, но видя, что обида слишком сильна, тихо ускользнул.

А господин Ма тем временем злился все больше: «Это называется приехали за границу? На каждом шагу неприятности, на каждом шагу! Поздно встать нельзя, горячей воды нет! Нет, и все! Если б раньше знал, что тут все так, ни за что бы не приехал! — Он задумался. — Правильно, надо переехать в гостиницу! Пусть будет дороже, лишь бы без таких издевательств! — Потом взглянул на сундуки и чемоданы и немного остыл. — Слишком много вещей, трудно будет переезжать. — Через минуту он остыл еще больше. — Ладно, потерпим еще немного, а когда найдем подходящее место, сразу и переедем!»

Тут он совсем остыл, надел очки, взял трубку и пошел в кабинет. Мысль — это самая презренная вещь на свете: задумаешься над чем-нибудь, кажется, уже что-то нашел, а подумаешь во второй, в третий раз и выясняешь, что первая мысль

ничего не стоит. От намерения переехать в гостиницу Ма-старший довольно быстро перешел к готовности терпеть. Так зачем тогда было думать?

Миссис Уэндел специально ждала, что господин Ма попросит у нее завтрак, и уже приготовила для него немало язвительных слов, чтобы он больше никогда не нарывался на неприятности. Она слышала, как он встал, умылся, а потом затих. Хозяйка, ворча, поднялась наверх, заглянула в его комнату — никого нет. Тогда она заглянула в кабинет: господин Ма сидел там и курил трубку.

«Недаром пастор Ивенс говорил, что китайцы немного странны! — подумала вдова. — Не даешь ему завтрак, так он ведет себя еще смирнее, даже не спросит. Ну что ж, голодай!»

Пастор пришел только после одиннадцати. Не увидев миссис Уэндел, он спросил Ма Вэя:

— А где отец? Пойдемте гулять?

Ма Вэй сбегал к отцу, но тот отрицательно покачал головой, немного разогнав сгустившиеся над ним клубы дыма. Юноша сказал пастору, что отец еще не пришел в себя после путешествия, и они отправились вдвоем.

8

Представители древних наций с самого рождения несут на себе печать старообразности. Они плохо видят и слышат, часто вздыхают, кашляют и прочее. А когда в такой нации четыреста миллионов, они стареют все быстрее и к настоящей старости уже не могут ни шевельнутся, ни вздохнуть.

«Наша цивилизация значительно древнее вашей! — говорят европейцам китайцы, пропагандируя преимущества своей культуры. — К тому же нас сотни миллионов, так что это великое государство, великое!» Здесь древность и многочисленность очень лихо смешиваются с величием.

«Если древний означает хороший, тогда почему ваше драгоценное государство совсем не так хорошо? — улыбаясь, парируют бесцеремонные иностранные черти. — Если четыреста миллионов жителей умеют только есть, к ним можно прибавить еще четыреста миллионов — все будет без толку!»

Услышав такие слова, апологеты китайской культуры (обычно это люди, учившиеся за границей и знающие, что заморские книги очень

неприятно читать) отправляются в единственное место, где могут проявить себя китайцы за рубежом, — в китайские рестораны и наедаются там национальными блюдами, чтобы притушить в себе ярость.

Ма Цзэжэнь был типичным старым представителем старой нации. Эта его двойная старость означала, что он за всю жизнь не только ни разу не шевельнул мозгами, но и ни на чем не остановил свой взор больше трех минут. Зачем жить? Чтобы стать чиновником. Зачем становиться чиновником? Чтобы важничать и принимать гостей. Зачем жениться? Время подошло. Как жениться? С помощью свахи. Зачем кроме жены еще наложницы? Одной женщины мало… Таких предметов для наслаждения у представителей старых наций очень много. Этим, естественно, и ограничивались интересы господина Ма.

Его поездка в Англию была поистине чем-то невероятным. Торговать он не умел и даже презирал торговцев. Лучший путь к обогащению — чиновничья должность, а торговать, зарабатывать деньги в поте лица неинтересно, низменно, вульгарно! Он устал уже от одного прибытия в Англию и сидел с трубкой в кабинете без всякой цели и плана. Внезапно он подумал: «Вот

выучится Ма Вэй, вернется на родину и станет чиновником… А я? Я уйду на покой. Как хорошо!» У него даже не возникало желания откинуть оконную занавеску и посмотреть, как выглядит лондонский переулок, — ведь это было бы лишним движением. Он не только не интересовался Лондоном, но и Пекин уже забыл, хотя уехал из него неполных два месяца назад. Есть у Четвертой арки пампушечная? Он не мог вспомнить. Еще хуже то, что сейчас он не может поесть пекинских пампушек. О, родные пампушки!..

Был уже почти час дня, желудок господина Ма тихо урчал, а его хозяин через силу продолжал курить. Правда, после каждой трубки желудок становился еще пустее. «Надо бы все-таки что-нибудь поесть!» — подумал Ма Цзэжэнь. Он уже несколько раз порывался сойти вниз, но боялся заговорить с хозяйкой. Встал, прошелся по кабинету — нет, не годится, чем больше двигаешься, тем сильнее голод! Снова сел, набил трубку, однако не закурил. Желудок уже не только урчал, но и немного ныл. «Ладно, попробую сойду вниз!» — Он поднялся с кресла.

— Вы хорошо спали, господин Ма? — насмешливо спросила его хозяйка.

— Очень хорошо, очень! — ответил Ма Цзэжэ-

нь. — А вы как себя чувствуете? Ваша дочь уже ушла?

Миссис Уэндел сказала что-то неопределенное. На губах Ма вертелся вопрос насчет еды, но он предпочел проглотить его и заговорить о чем-нибудь более далеком:

— Погода все еще холодная? Ваша дочь ушла? Ах, я уже спрашивал об этом, извините! А как поживает Наполеон?

Вдова кликнула Наполеона, Ма Цзэжэнь взял его на руки, и болонка так обрадовалась, что лизнула Ма в нос.

— О, какая умная собачка! — завел вчерашнюю песню Ма.

Хозяйка сидела в нетерпении, но все-таки слушала комплименты постояльца и говорила с ним обо всякой чепухе.

— Китайцы тоже любят собак? — спросила она.

— Очень! Когда моя жена была жива, она держала сразу трех болонок и кролика. Все они ели вместе и никогда не ссорились.

— Как интересно!

Он поведал ей еще несколько историй о китайских собаках, она слушала все внимательнее. Вечно томясь от безделья, господин Ма привык болтать с женщинами, поэтому ему было что

сказать вдове. На его взгляд, все женщины были одинаковы; единственное отличие — что у иностранок носы больше, чем у китаянок.

Закончив с собаками, Ма все еще не решался попросить еды. Миссис Уэндел тоже забыла о ней: англичане во всем придерживаются закона, как договорились, так и действуют. Завтрака квартирант не получил, потому что поздно встал, это вполне естественно. А обеды вообще не предусматривались, вчера это было специально оговорено. Она не обязана кормить его обедом — голоден он или нет.

Видя, что надежда уплывает, господин Ма решил героически победить голод. Оставив Наполеона, он пошел наверх, но болонка уже привыкла к квартиранту и побежала вслед за ним. Она покусывала его, хватала за полы одежды, за туфли, пряталась за спинку кресла, потом снова выбегала.

— Послушай, не перебарщивай, хватит с тебя! — недовольно сказал Ма Цзэжэнь. — Ты наелась, вот и прыгаешь здесь, не думая, есть ли что-нибудь у человека в желудке!

Хозяйка, обеспокоенная исчезновением собачки, как раз в этот момент поднялась на третий этаж и услышала жалобы квартиранта:

— О, господин Ма, я и не знала, что вы голодны! Я думала, вы выходили поесть…

— Ничего, ничего, я еще не очень…

— Если хотите, я могу приготовить вам что-нибудь. За шиллинг.

— Тогда уж готовьте на два шиллинга, побольше!

Через какое-то бесконечное время хозяйка внесла ему чайник с чаем, тарелку холодной говядины, несколько ломтиков хлеба и немного овощей. Обнаружив, что все это (кроме чая) холодное, Ма Цзэжэнь нахмурился, но голод оказался сильнее. Чай он выпил весь, хлеб и овощи тоже съел целиком, однако холодную говядину осилил только наполовину. Потом тяжело рыгнул и, сделав из спички зубочистку, принялся ковырять в зубах.

Наполеон по-прежнему, скосив головку, пытался приставать к нему, но у Ма Цзэжэня не было охоты играть с болонкой, поэтому ей пришлось тихо лечь у его кресла. Миссис Уэндел, вошедшая забрать посуду, увидела это и, встав на колени на ковер, обняла собачку. До сих пор господин Ма не решался прямо смотреть на хозяйку, ибо именно таковы правила конфуцианского «благородного мужа», но сейчас от ее волос исходил слишком

сильный аромат, чтобы он мог его не почувствовать. Сердце у него дрогнуло, разгорячилось, и он просто не знал, что делать.

Миссис Уэндел спросила его, часто ли в Пекине устраивают собачьи выставки, какие в Китае есть законы об охране собак и правда ли, что болонки произошли из Китая… Ма Цзэжэнь понимал в собаковедении ничуть не больше, чем в любом другом «…ведении», но все-таки что-то сболтнул — благо вдова слушала очень внимательно, — а заодно вовсю разглядывал ее. Хоть ей и было уже под сорок, она отнюдь не казалась старой. И одета вполне чисто и аккуратно, что делало ее еще моложе.

Он дерзко протянул руку, чтобы погладить Наполеона. Миссис Уэндел не только не отстранилась, но сама подала ему собачку, так что он чуть не коснулся груди вдовы. Ма Цзэжэнь снова вздрогнул и вдруг догадался: уступив кресло хозяйке, он пересел на скамеечку. От собаковедения они перешли к торговле; вдова, похоже, знала в ней толк.

— Сейчас в торговле самое главное — реклама, — сказала она.

— Я торгую антиквариатом, так что реклама вроде бы ни к чему.

— Антикварные вещи без рекламы тоже не продашь!

— Конечно! — быстро уступил он.

Она вдруг вскочила:

— Я оставлю Наполеона здесь?

Господин Ма уже усвоил, что болонку нельзя недооценивать, и взял ее на руки. Хозяйка собрала посуду на поднос и перед уходом сказала собачке:

— Сиди смирно, не шали!

Когда она вышла, Ма-старший тут же опустил болонку на пол и заснул в кресле.

Ма Вэй вернулся лишь после шести, дико уставший. Голова у него гудела, на белках появились красные прожилки. Пастор Ивенс сводил его сначала к Букингемскому дворцу (заодно они осмотрели Лондонский мост), затем к собору Святого Павла и к парламенту. Ясно, что Лондон было невозможно изучить и понять за один день. Сегодня они сходили только в три места, а остальные (музеи, картинные галереи, зоопарк и прочее) юноше предстояло посетить самому, когда он как следует узнает Лондон. По дороге в собор Святого Павла пастор показал Ма Вэю лавку его дяди, которая находилась в переулке напротив собора.

Ивенс очень быстро ходил на своих сухих, как палки, ногах; Ма Вэй еле поспевал за ним. И все-таки он не хотел сдаваться и полдня соревновался с пастором в беге.

Едва юноша вернулся, как пришла и мисс Уэндел. Она так торопилась, что порозовела и стала еще красивее. Ма Вэй хотел рассказать ей о том, что видел, но она убежала на кухню.

Юноша поднялся к отцу, который все еще сидел с трубкой в кабинете, и начал излагать свои впечатления ему. Тот слушал лишь вполуха, но когда Ма Вэй упомянул о лавке, заинтересовался:

— Завтра мы первым делом пойдем на могилу твоего дяди, а потом заглянем в лавку, не забудь!

После ужина Ма Вэй одиноко сидел в гостиной. Внезапно к нему ворвалась мисс Уэндел:

— Вы не видели моей сумочки?

Младший Ма еще не успел ответить, как она убежала, бросив на ходу:

— Точно, я забыла ее в кухне!

Через открытые двери он видел, как она хватает сумочку, поспешно надевает шляпку.

— Вы уходите? — спросил он.

— Да, в кино.

Ма Вэй выглянул в окно гостиной: девушка уже шла под ручку с парнем и весело смеялась.

9

Вспомнив о могиле, господин Ма заодно вспомнил и о брате. Ночью он даже видел его во сне и всплакнул. Брат так много делал для него, что Ма Цзэжэнь устыдился: сколько он братниных денег истратил! Деньги эти давались ему слишком легко. Он не только напропалую тратил их, но однажды еще и напился, как кот, домой был доставлен полицией. Нехорошо получилось, ничего тогда не помнил! Но прошлое уже прошло, что его ворошить? Сейчас он хоть и не чиновник, но стал хозяином лавки в Лондоне, так что судьба его сложилась удачно, ни звезды, ни восемь знаков рождения[5] не подвели! Кстати, почему он не захватил с собой лунный календарь? Даже не знает, подходящий ли завтра день, чтобы посетить могилу. Правда, христиане ничего не боятся, Господь сильнее всех других богов, но как насчет Юпитера? Нет, Юпитер тоже не соперник Господу! И все-таки?.. Проблем было столько, что Ма почти всю ночь не спал.

Наутро погода по-прежнему была пасмурной,

---

[5] Примечания: 5

Имеются в виду восемь иероглифов, обозначающих год, месяц, день и час рождения человека. Широко применялись для гадания.

да еще дул холодный ветер. Господин Ма надел белье из верблюжьей шерсти, фланелевую рубашку, костюм из толстого сукна, хотел поддеть под него ватную куртку, чтобы не простудиться, но тогда брюки не застегивались. Он выругал дьявольскую европейскую одежду и был вынужден снять куртку. Как ни говори, а восточную и западную культуры нельзя примирить! Например, китайская куртка не сочетается с европейскими брюками.

После завтрака он выкурил несколько трубок и только тогда вместе с сыном вышел из дома. Выбравшись из переулка Гордона, они миновали площадь Торрингтон и отправились к Оксфордской улице. Еще дома, выяснив, где находится кладбище, Ма Вэй спросил отца, предпочитает ли он ехать на метро или на автобусе. Господин Ма ответил, что это они на улице решат.

По Оксфордской улице в обе стороны неслись машины, автобусы, мотоциклы. Какой-то грузовик ехал впереди легковых машин, точно страус с целым выводком страусят. Машины нагоняли одна другую, чуть не сталкиваясь и не разнося все в клочья, попыхивая голубым дымом, визжа тормозами и клаксонами. И вблизи и вдали были сплошные машины, настоящее море несущихся

и ревущих машин. Прохожие шли по тротуарам, как потерянные, глядя только себе под ноги, их головы тоже были похожи на волнующееся море. Эти два моря колебались будто отдельно друг от друга.

Господин Ма испугался, уже хотел было никуда не ехать, но постеснялся. Увидев у тротуара цепочку стоящих автомобилей, он спросил сына:

— Эти машины можно нанять?

— Да, но они очень дороги! — ответил Ма Вэй.

— Тогда наймем, сколько бы это ни стоило, — сказал господин Ма, которому уже стало нехорошо при виде автобусов.

— А не сесть ли в метро?

— Мне там нечем дышать! — У господина Ма уже был небольшой опыт поездок в лондонском метро.

— Не стоит так тратить деньги, — улыбнулся Ма Вэй.

— Ты чего?! Надо не только взять машину, но и сказать шоферу, чтобы ехал окружным путем, по тихим улицам. Я же говорю тебе, у меня голова трещит!

Юноше пришлось подчиниться и кликнуть такси. Однако господин Ма и в машине был неспокоен, все время боялся, что они в кого-ни-

будь врежутся и у них мозги вытекут.

— Жаль, что лунный календарь с собой не захватили, — пробормотал он, — а то на этой штуке чуть скорость увеличишь — верная смерть!

— А при чем тут лунный календарь? — спросил Ма Вэй.

— Я это просто себе говорю, не влезай! — скосив на него глаза, огрызнулся отец.

Шофер, как ему и велели, ехал по тихим улицам: то на восток, то на запад, то огибая площадь, то ныряя в переулок, так что добирались они около часу. Наконец машина остановилась у кладбища, окруженного высокой железной оградой, за которой стояли деревья и каменные памятники. Лондон не обманывал ожиданий: оживленные места здесь действительно оказывались оживленными, а тихие — тихими.

Въехать внутрь было нельзя, так как в ограде виднелась лишь небольшая калитка. Отец и сын вышли из машины. Ма Вэй хотел отпустить таксиста, но господин Ма велел ему непременно ждать. За калиткой, еще перед памятниками, одиноко стоял красный домик с трубой, из которой вился дымок. Они постучали в калитку, дверь домика приоткрылась, и в ней медленно показалось очень круглое и полное лицо, что-то

жующее. Потом вылезло и все, что было ниже лица; вместе эти детали составляли толстую старушку.

На голове старушки, похоже, ничего не росло, она напоминала мясной шар, да и фигура ее, если не считать рук и ног, была вся кругленькая. Вытерев лицо передником, она приблизилась, спросила, на чью могилу пришли посетители, и тут только они увидели, что у нее есть и нос, и прищуренные глазки, и рот с единственным зубом, который из-за отсутствия соседей казался очень длинным и широким.

— Мы ищем могилу господина Ма, китайца! — объяснил Ма Вэй.

Старушка воздела руки и что-то потерла — наверное, глаза, потому что рот она вытерла до этого:

— Я знаю, помню! Он скончался прошлой осенью… Очень жалко! Помню, на гробу было три венка… Да, осенью, седьмого октября. Первый китаец, похороненный здесь, первый! Очень жалко…

Сторожиха заплакала, но поскольку на лице ее было слишком много жира и мяса, слезы не могли стекать прямо, а струились куда-то в стороны:

— Идите за мной, я знаю, помню!

Она двинулась вперед, перебирая ножками, как только что вылупившийся утенок, и при каждом шаге лицо ее сотрясалось, точно рыбное заливное. Отец и сын двинулись за ней. Наконец она показала на один из каменных столбов:

— Вон там!

Ма Цзэжэнь и Ма Вэй поспешно подошли, но на столбе было иностранное имя. Они в недоумении обернулись к сторожихе, та воскликнула:

— Нет-нет! Еще дальше. Я знаю, помню… Это первый китаец…

Она засеменила опять. Ма Вэй своим молодым глазом заметил слева небольшой памятник с китайскими иероглифами и тронул отца за руку. Они подошли.

— Правильно, это здесь! Я помню, знаю! — Сторожиха своим толстым пальцем указала на уже найденный ими памятник.

Он был всего два фута высотой; наверху высечено имя — Ма Вэйжэнь, а пониже — даты рождения и смерти. Обычный памятник из серой каменной крошки с багровыми разводами. Перед ним лежал венок, давно вылинявший от дождей, ветра и солнца, бумажные ленты тоже были смыты. Среди травы распустились какие-то бледно-желтые полевые цветочки, на лепестках

которых лежала роса, напоминающая слезы. Темные тучи на небе, серый памятник и поблекший венок — все это производило гнетущее впечатление. Господин Ма невольно заплакал; у Ма Вэя, хотя он никогда и не видел своего дяди, тоже покраснели глаза.

Ма-старший, не обращая внимания ни на сына, ни на сторожиху, встал на колени перед памятником, трижды стукнулся головой о землю и тихо сказал:

— Братец, помоги нам разбогатеть и перевезти твой прах на родину!

Он заплакал еще сильнее. Ма Вэй, стоявший за спиной отца, тоже совершил три земных поклона. Сторожиха уже не вытирала своего мокрого лица передником, а лишь смахивала руками косо струящиеся слезы. Наконец она произнесла:

— Свежих цветов не надо? У меня есть!

— А сколько это стоит? — спросил Ма Вэй.

— Неси! — оборвал его отец, продолжая стоять на коленях.

— Да, да, несу, несу! — засуетилась сторожиха и схватилась за передник, что должно было означать быструю ходьбу. Но на самом деле она почти не продвигалась вперед, лишь переваливалась из стороны в сторону. Через какое-то бесконечное

время она все-таки вернулась — красная, будто ее домик. В руках у нее была охапка оранжево-желтых тюльпанов.

— Вот цветы, господин. Совсем свежие! Я знаю, помню!

Ма Цзэжэнь поднял старый венок, вытряхнул из его каркаса увядшие цветы, вставил новые и положил на могилу. Потом отступил на два шага, и слезы вновь хлынули у него из глаз. Сторожиха тоже заплакала.

— А деньги? — протянула она руку среди самого горького плача.

Господин Ма, не говоря ни слова, сунул ей ассигнацию в десять шиллингов. Сторожиха взглянула на деньги и тут же перевела взор на Ма Цзэжэня:

— Спасибо, спасибо! Это первый похороненный здесь китаец! Я знаю. Спасибо! Надеюсь, что тут будут хоронить еще многих китайцев!

Последние слова она, видимо, сказала для себя самой, но отец и сын слышали их вполне отчетливо.

Сквозь разорвавшиеся тучи внезапно пробилось солнце, и тени всех троих упали на памятник, сделав картину особенно печальной. Господин Ма вздохнул, вытер глаза и обернулся к сыну:

— Нам пора!

Они медленно пошли к выходу, а сторожиха семенила за ними, спрашивая, не нужно ли еще цветов, у нее есть разные. Ма Вэй отчужденно взглянул на нее, Ма Цзэжэнь попросту покачал головой. Когда они добрались до калитки, сторожиха уже отстала далеко от них, но все еще кричала:

— Это первый китаец!..

Отец и сын снова сели в такси. Господин Ма, закрыв глаза, думал: «Как же все-таки перевезти прах брата на родину? Ведь брат умер, когда ему еще не было шестидесяти, а мне уже пятьдесят! Воистину, жизнь — это сон, бессмысленный и скоротечный сон!» Ма Вэй тоже находился под впечатлением увиденного на кладбище и, забившись в угол машины, неподвижными глазами смотрел на широкую спину шофера: «А дядя был героем! Смело поехал торговать за границу… Конечно, торговля антиквариатом — не Бог весть какой подвиг, но зарабатывать деньги на чужбине — это все-таки кое-что… Отец не похож на него, он ни на что не годится: то чиновником мечтает стать, то пьет горькую. Чиновники, «знаменитые ученые» достойны только смерти. Настоящее дело — это зарабатывать на жизнь с

помощью подлинных знаний!»

10

Лавка антикварных изделий семьи Ма находилась в переулке недалеко от собора Святого Павла, и, стоя возле лавки, можно было видеть шпиль собора, возносящийся в небо, точно ломоть арбуза. В лавке торговали фарфоровыми изделиями, бронзой, буддийскими изваяниями, старыми веерами и прочей мелочью. Слева от витрины была дверь в лавку, а справа — дверь на второй этаж, где расположилась мастерская по починке зонтов и чемоданов. Вокруг было еще много всевозможных лавок, в том числе одна антикварная, и ломбард, перед которым вечно стояли повозки.

Отец и сын Ма как раз обозревали лавку снаружи, когда из дверей вышел приказчик Ли Цзыжун.

— Господа Ма? — приветливо спросил он. — Входите, пожалуйста!

В его лице Ма-старший не обнаружил ничего предосудительного, только улыбка была слишком широкой. Кроме того, Ли Цзыжун вышел в рубашке с засученными рукавами, так как до этого вытирал пыль с полок. Эти две детали тут

же дали Ма Цзэжэню основания для молчаливого приговора: «Вульгарен!»

— А вы — господин Ли? — радостно спросил Ма Вэй, протягивая Ли Цзыжуну руку.

— Смотрите не запачкайтесь, у меня руки грязные! — Ли Цзыжун поспешно вытащил из кармана платок — только для того, чтобы поздороваться с Ма Вэем. Рука у него сильная и грубая, на ней красиво выделялись мускулы. Юноша горячо пожал ее и, можно сказать, с первого взгляда полюбил Ли Цзыжуна: работящий, здоровый, настоящий герой! Иначе он не смог бы конкурировать с иностранцами.

С европейской точки зрения Ли Цзыжун был более типичным китайцем, чем Ма Вэй. В глазах иностранцев китайцы всегда низенькие, с косами, плосколицые, безносые, с глазами в виде щелок, на верхней губе — реденькие усики, шевелящиеся под ветром. Своими кривыми ножками они напоминают болонок или такс и не столько ходят, сколько ковыляют. Это по внешнему виду. А их внутренняя сущность в том, что они коварны, жестоки, носят в рукавах ядовитых змей, изрыгают изо рта иприт или мышьяк и одним взглядом способны убить человека. Об этом охотно судачат все иностранные мужчины,

женщины и дети.

Лицо Ли Цзыжуна было именно таким плоским и немного припухлым. Будь он немного повыше, иностранцы, наверное, считали бы его японцем, потому что все преимущества желтых отдавались жителям Страны восходящего солнца. К несчастью, в нем было всего пять с небольшим футов, да и ноги короткие, немного искривленные. Волосы черные, густые, толстые, из-за чего между волосами и бровями оставалось слишком мало места. Глаза, нос и рот довольно красивые, но скулы плосковаты. Фигура крепкая, прямая, широкая, так что в целом он напоминал небольшое горное орудие.

Глядя на Ли Цзыжуна, иностранцы часто становились в тупик: для японца он был недостаточно представительным (ведь японцы все представительны!), а для китайца — слишком чистым и аккуратным (разве эти желтомазые черти расщедрятся на мыло, чтобы помыть себе физиономии?). К тому же он держался очень прямо, а китайцы вечно ходят сгорбленными и напрашиваются на удары. Кстати, ходил он, несмотря на кривоватые ноги, вполне уверенно и быстро, с людьми разговаривал свободно, без всяких утаек. И иностранцы просто терялись: что это за

низшее существо перед ними. «А-а! — сообразила его квартирная хозяйка. — Он наверняка помесь японца с китайцем!» И именно так говорила всем: «Конечно, он не чистый китаец и в то же время не чистый японец. Куда ему!»

Ма Вэй и Ли Цзыжун еще не успели поздороваться, а господин Ма, гордо выпрямившись, уже вошел в лавку. Приказчик забежал следом и расчистил ему проход, чтобы хозяин мог сесть за прилавок. Лавка состояла из двух комнат: торгового «зала» и конторки. Конторка была совсем маленькой, у стены в ней стоял несгораемый шкаф, а перед ним — стол и три или четыре стула. В стороне поместился еще чайный столик с телефоном и телефонной книгой. Здесь было сыровато да еще пахло какой-то жидкостью для чистки бронзы, точно в пекинских лавках иностранных товаров.

— Приказчик Ли, — произнес Ма-старший, после долгих раздумий изобретя такое обращение. — Первым делом завари чаю!

Ли Цзыжун поскреб свои черные спутанные волосы и, с улыбкой взглянув на обоих Ма, ответил:

— У нас нет ни чайника, ни чашек. Придется купить, если вы хотите пить здесь чай. Деньги

у вас есть?

Ма Вэй уже хотел достать кошелек, но отец мрачно сказал:

— Приказчик! — На сей раз фамилию он опустил. — Неужели хозяин, желающий выпить чаю, должен выкладывать для этого свои деньги? К тому же на полках полно и чайников, и чашек, а ты утверждаешь, что их нет!

Схватив стул, он подсел к чайному столику, чуть не уронив телефон. Ли Цзыжун медленно раскатал рукава рубашки и повернулся к Ма Цзэжэню:

— Господин Ма, при вашем брате я проработал здесь год с лишним. Перед смертью он поручил мне всю торговлю, и я не могу не выполнить его поручение. А чаепития — это личное дело, их нельзя устраивать за счет выручки! Англия — не Китай, тут на всех счетах ставится подпись юриста, и именно с этих счетов правительство взимает налог, так что бесконтрольные траты невозможны. Что же касается чайников и чашек на полках, то они расставлены для продажи, а не для чаепитий! — Он поглядел на Ма Вэя. — Я думаю, вы понимаете меня? Возможно, вы решите, что я слишком бесцеремонен, но мы сейчас в Англии, а тут считают, что дело — это дело, а

удовольствие — это удовольствие…

— Правильно! — тихо сказал Ма Вэй, пряча глаза от отца.

— Хватит, хватит! Обойдемся и без чая! — раздраженно вскричал господин Ма, но опустил голову, видимо испугавшись Ли Цзыжуна.

Тот открыл несгораемый шкаф, вытащил оттуда несколько бухгалтерских книг и положил перед Ма Цзэжэнем:

— Господин Ма, это все наши счета. Просмотрите, пожалуйста, а когда закончите, я еще кое-что добавлю…

— Зачем это? Счета и счета! Ты хочешь, чтобы я усомнился в твоей честности?

Приказчик улыбнулся:

— Вы, вероятно, никогда не занимались торговлей…

— Торговлей? Больно нужно! — фыркнул Ма-старший.

— Ну ладно, занимались или не занимались, а дела — это дела. Существуют определенные формальности, которые нужно исполнять, вне зависимости от того, сомневаетесь вы или нет.

Ли Цзыжун не знал, смеяться или плакать. Конечно, ему было известно про китайские церемонии, привычку угождать нужным людям,

но он усвоил и манеру англичан, которые любят ходить вокруг да около лишь в дипломатических делах. Сейчас он не мог ни двинуться вперед, ни отступить назад, только чесал у себя в затылке, накручивая на палец длинную прядь волос.

— Отец едва вернулся с могилы дяди, плохо себя чувствует, так что счета посмотрит завтра! — с улыбкой вмешался Ма Вэй.

Господин Ма кивнул, подумав про себя: «Хорошо еще, что сын защитил, а то этот проклятый Ли совсем меня загнал!»

Ли Цзыжун ухмыльнулся и спрятал бухгалтерские книги. Потом пошарил в глубине несгораемого шкафа, вытащил оттуда розовую парчовую коробочку и протянул Ма Вэю. Тот, вопросительно взглянув на отца, открыл ее: внутри, среди мягкой ваты, оказалось кольцо с бриллиантом. Юноша изумленно смотрел на него и думал, что это ведь женское украшение, а бриллиант тем временем ослепительно сверкал.

— Это хозяин оставил вам на память, — сказал Ли Цзыжун, запирая несгораемый шкаф.

— Дай-ка мне посмотреть! — промолвил Ма-старший.

Он вертел кольцо и так и сяк, вытягивал голову, закрывал один глаз, поплевывал на кольцо,

стирал слюну.

— Да, женское кольцо с настоящим бриллиантом! — подтвердил он и сунул украшение в карман.

Ли Цзыжун хотел что-то сказать, но Ма Вэй выразительно поглядел на него, и тот закрыл рот. Помедлив, он выложил перед господином Ма связку ключей:

— Это все от лавки, возьмите…

— Держи их у себя, так будет надежнее! — Ма-старший все еще нащупывал в кармане кольцо.

— Господин Ма, мы должны прояснить, нужен я вам или нет.

Ма Вэй не менее выразительно поглядел на отца.

— Как не нужен, если я отдаю тебе ключи?

— Ну что ж, спасибо! При вашем брате я приходил в десять утра, а уходил в четыре. Он платил мне два фунта в неделю, и в мои обязанности входило принимать покупателей и убирать лавку. Если он болел, я уходил с работы позже, в шесть, и тогда он платил три фунта. А сейчас назовите мне ваши условия. Плата меня не очень волнует, но я могу работать только полдня, потому что учусь…

— Ах, вот оно что! — Господин Ма никак не ожидал от приказчика такой прыти и втайне

подумал: «Этот вульгарный субъект еще учится! В Китае образованные люди выглядят совсем по-другому!»

— Да, я вообще-то студент, но…

— Ма Вэй, — произнес Ма-старший, не зная, что придумать, — изложи ему наши условия!

— Давай я поговорю с ним отдельно, и мы все уладим. Хорошо?

— Так и сделаем! — Господин Ма поднялся. В комнате было слишком холодно, да и колени затекли. — Сейчас поедем домой, а потом ты вернешься и поговоришь с приказчиком Ли, заодно и счета посмотришь. Хотя смотреть нет большой необходимости…

Он вышел в торговый зал, медленно посмотрел на полки с товарами и, оглянувшись на Ли Цзыжуна, сказал:

— Приказчик Ли, вот этот белый чайничек я возьму!

Он завернул чайничек в платок и передал Ма Вэю:

— Неси!

— Подождите меня, вместе пообедаем, так что не прощаюсь! — бросил юноша Ли Цзыжуну.

11

Не прошли они и нескольких шагов, как господин Ма остановился и снова поглядел на лавку. Только тут он заметил, что над входом висит доска с золотой надписью по черному фону, прикрытая стеклом.

— Фу, как вульгарно! — замотал головой Ма Цзэжэнь, поглазел на другие вывески, на глухую стену напротив. — Эта труба смотрит нам прямо в окна. С точки зрения геомантии это нехорошо!

Ма Вэй, не обращая внимания на его слова, любовался шпилем собора Святого Павла, который казался ему все красивее.

— Отец, хорошо бы тебе как-нибудь прийти сюда помолиться…

— Да, церковь недурна, но с точки зрения все той же геомантии подавляет окружающий пейзаж. Мы этого не выдержим! — Господин Ма будто уже забыл о христианстве и помнил только о китайских верованиях.

Когда они вышли из переулка, Ма-старший все еще мотал головой и ворчал, что ветер и вода здесь не соответствуют тому, что нужно. Ма Вэй увидел остановку автобуса, идущего к Оксфордской улице, и, не спрашивая отца, хочет ли он

ехать на нем, затянул старика в автобус. Господин Ма не сразу понял, что произошло, а сын уже покупал билеты и говорил ему:

— Не называй Ли Цзыжуна приказчиком! Видишь, в автобусе пассажиры даже благодарят кондуктора за билет, а Ли Цзыжун в нашей лавке не менее полезен, чем кондуктор в автобусе. Не надо унижать его! К тому же…

— А как прикажешь его величать? Неужели хозяин должен называть приказчика господином? — Ма Цзэжэнь взял у сына чайничек, развернул его и стал изучать старинную надпись на донышке. Он был не силен в древних письменах, к тому же автобус трясло, поэтому отец в душе ругал Ма Вэя, который затащил его в это чудовище на колесах.

— Называй его просто Ли Цзыжуном, мы от этого не утратим своего достоинства! — Юноша нахмурился, но не хотел всерьез спорить с отцом.

Автобус нырнул под железный мост, по которому как раз в это время, грохоча, проходил поезд, поэтому господин Ма не услышал ни единого слова сына. Его бросило вперед, он едва не выпустил из рук чайничек, выругался, но сын этого тоже не слышал.

— Так ты хочешь, чтобы он у нас работал? — спросил Ма Вэй, когда автобус притормозил на остановке.

— Конечно, хочу! Он умеет торговать, а я нет! — Отец недовольно вытянул вперед ноги в знак того, что вот-вот выпрыгнет из автобуса. К сожалению, при этом он чуть не пнул сидевшую напротив старушку. Тогда он испуганно поджал ноги, и желание выпрыгнуть из автобуса исчезло.

Ма Вэй хотел спросить: «Если он тебе нужен, то почему не можешь назвать его господином?», но знал, что на это последует примерно такой ответ: «Как же он тогда меня, хозяина, будет называть?», и не стал спрашивать — бесполезно! Лучше уж смотреть на таблички с обозначением улиц, а то проедут свою остановку. Кондуктор хоть и выкрикивал названия остановок, но его английское произношение Ма Вэй не очень понимал.

На Оксфордской улице отец и сын вылезли из автобуса и направились к дому. По дороге Ма-старший несколько раз останавливался, переводил дух и снова вынимал чайничек, чтобы поглядеть. Когда он замедлял шаг, прохожие были вынуждены сворачивать в сторону, иначе вокруг него образовалась бы куча мала, но

господин Ма не обращал на них внимания: где хотел, там и останавливался. Сыну приходилось следовать за ним. Они то двигались, то замирали, как вьюны в аквариуме, а остальные прохожие уподоблялись всполошенным рыбкам.

Наконец господа Ма добрались домой. Ма Цзэжэнь в последний раз вытер чайничек рукавом и открыл дверь. Хозяйка, давно отобедавшая, сидела в гостиной, но не проронила ни звука, зато Ма-старший позвал:

— Миссис Уэндел!

— Да, господин Ма, входите!

Ма Цзэжэнь вошел, Ма Вэй, следом за ним. Наполеон дремал после сытного обеда и даже не открыл глаз, только дважды тявкнул.

— Поглядите, миссис Уэндел! — нежным голосом промолвил господин Ма и с сияющей физиономией поднял вверх чайничек.

Хозяйка забыла напудриться перед обедом, и ее красный носик напоминал ягоду боярышника, но в глазах Ма-старшего эта ягода была полна неизъяснимой прелести. Не успела женщина встать, как он поднес чайничек к ее глазам. Ма Цзэжэнь не забыл того мгновения, когда, играя с Наполеоном, чуть не коснулся ее груди, поэтому и набрался еще большей смелости. Любовь должна

все время развиваться: если топтаться на месте, то никогда не сможешь рассчитывать на поцелуй, а какая же любовь без поцелуя? Господин Ма во всех делах отступал, только с женщинами придерживался наступательной тактики и осуществлял ее довольно успешно. Нельзя не признать, что в этом вопросе у него был своего рода талант.

Миссис Уэндел взяла чайничек и, склонив голову, начала его рассматривать. Господин Ма присоединился к ней, его лицо алело, как красный воздушный шар.

— Какая прелесть! Как красиво! Это китайский фарфор, да? — воскликнула вдова, указывая на изящные цветы, изображенные на чайнике.

Ма Цзэжэнь восхитился тем, что она хвалит китайский фарфор.

— Миссис Уэндел, это я вам принес.

— Мне? Правда? О, господин Ма! — Ее глаза округлились, губы замерли в виде буквы «о», шея и грудь покраснели. — Ведь этот чайничек, наверное, стоит уйму денег?

— Пустяки! — Господин Ма указал на вазочку с чайного столика: — Я вижу, вам нравится китайский фарфор, эта вазочка, должно быть, тоже китайская…

— О, вы очень зорки и внимательны! Я купила ее у одного солдата. Наполеон, что же ты не поблагодаришь господина Ма? — Она взяла болонку и заставила ее дважды поклониться Ма Цзэжэню, хотя собачка была совсем сонной, даже глаз не открыла. Чувствуя, что принимать такой дорогой подарок неудобно, вдова покрутила глазами и добавила: — Господин Ма, может быть, мы лучше обменяемся? Чайничек мне очень нравится, я готова отдать за него вазочку. Сколько же я за нее заплатила? Совсем забыла!

— Обменяемся? — улыбнулся Ма-старший. — Право, не стоит!

Ма Вэй стоял у окна и думал: «Чего доброго, он и кольцо ей подарит!» Отец действительно шарил в кармане, но кольца все же не вынул.

— Господин Ма, скажите мне все-таки, сколько стоит этот чайничек? Хотя бы на случай, если люди будут меня спрашивать! — Хозяйка прижала чайничек к груди, точно ребенок куклу.

— Сколько стоит? — Ма Цзэжэнь поправил очки и обернулся к сыну: — Как ты думаешь?

— Откуда я знаю? Погляди, нет ли цены на донышке.

— Правильно, сейчас мы поглядим! — нараспев произнес Ма-старший.

— Нет, давайте я! — предложила свои услуги вдова и перевернула чайничек. — Ого, пять фунтов десять шиллингов! С ума сойти!

Ма Цзэжэнь воспользовался случаем, чтобы придвинуться к ней:

— Да, в самом деле. Сколько же это на китайские деньги?

Шестьдесят с лишним юаней… Просто грабеж! На пекинском рынке «Восточное спокойствие» всего за юань или два можно купить чайник побольше этого!

Ма Вэю стало противно от всех этих разговоров, и он схватился за шляпу:

— Отец, я обещал Ли Цзыжуну вернуться и пообедать с ним!

— Ой, господин Ма, вы еще не обедали? — спохватилась хозяйка. — У меня есть кусок холодной говядины, очень вкусной. Может быть, съедите?

Юноша уже выскочил на улицу и через окно видел, как отец что-то отвечает вдове.

12

Прибежав в лавку, Ма Вэй воскликнул:

— Извините, господин Ли, вы, наверное, совсем измучились от голода! Куда пойдем есть?

— Зови меня просто Ли, не надо всех этих

«господ»! — засмеялся Ли Цзыжун. Он успел закончить уборку и умыться, поэтому его желтое лицо было светлее, чем прежде. — За нашим переулком есть харчевня, там и поедим!

Он запер лавку и повел Ма Вэя за собой.

Из харчевни был хорошо виден собор Святого Павла с разными скульптурами. На площадке перед собором группа старух и ребятишек кормила чем-то голубей.

— Ты что будешь есть? — спросил Ли Цзыжун. — Я всегда беру стакан чая, пару бутербродов и какую-нибудь сладость. Эта харчевня — одна из самых захудалых в Лондоне. Хороших поблизости нет, да мне они и не по карману.

— Возьми мне то же, что и себе!

Ли Цзыжун заказал еду, но Ма Вэю взял еще жареную колбаску.

Все столы в харчевне были каменные, с железными ножками, но чисто вытертые; вокруг висели зеркала, из-за чего в комнате казалось особенно светло и многолюдно. В витрине красовались образцы блюд, по которым было очень удобно выбирать. Официантами служили только девушки, причем довольно хорошенькие, в коротких юбках и белых шапочках. Они сновали взад-вперед, словно челноки в ткацком станке,

и их раскрасневшиеся лица перекликались с румяными яблоками на стеклянных абажурах. Посетители здесь были в основном из близлежащих лавок; все они с газетами в руках (газеты в Лондоне продаются уже с девяти часов утра) изучали сообщения о скачках, конкурсах собак и прочих новостях. Вокруг слышались только шаги официанток да стук ножей и вилок — англичане за чтением газет почти не разговаривают. Ели они преимущественно хлеб с маслом и пили чай.

— Эта харчевня считается захудалой? — спросил Ма Вэй.

— А что, не похожа? — откликнулся Ли Цзыжун.

— Очень чистая! — ответил юноша, подумав, что в лучших пекинских ресторанах столы чернее.

— Да, англичане готовятся к еде дольше, чем едят. Они предпочитают есть поменьше, но зато в чистоте. А мы, китайцы, любим покушать в любых условиях. В результате они здоровеют от голого хлеба, а нам даже куры с утками впрок не идут…

Не успел он сказать это, как официантка принесла их заказ. Они начали есть, продолжая тихо

разговаривать.

— Отец сегодня утром был немного… — извиняющимся тоном произнес Ма Вэй.

— Пустяки! — прервал его Ли Цзыжун. — Старики все такие!

— Ты согласен помогать нам?

— Вы без меня не обойдетесь, а я не могу не зарабатывать, так что успокойся, мы не расстанемся! — чуть громче обычного засмеялся Ли Цзыжун. Старики за соседними столиками недовольно взглянули на него, и он сразу опустил голову.

— Ты еще умудряешься учиться?

— Без этого нельзя! — Ли Цзыжуну снова захотелось смеяться, потому что собственные слова всегда казались ему очень остроумными — вне зависимости от того, смеются ли над ними другие. — Послушай, ешь скорей. Вот вернемся в лавку, я еще многое расскажу. А здесь говорить неудобно — старики все время зыркают!

Они поспешно доели, Ли Цзыжун расплатился с официанткой и, указывая на Ма Вэя, сказал по-английски:

— Ну как, видный парень? Он уже говорил мне, что ты очень красивая!

— Ладно, идите своей дорогой! — улыбнулась

девушка, но все-таки поглядела на Ма Вэя: ей явно было приятно, что кто-то ее похвалил.

Ма Вэй тоже улыбнулся ей. Судя по тону Ли Цзыжуна, он был здесь завсегдатаем. Перед уходом Ли положил под поднос два медяка в качестве чаевых и сказал Ма Вэю, что с него десять пенсов. Юноша тотчас заплатил. Они вернулись в лавку, и, поскольку покупателей не было, Ли Цзыжун разразился длинной речью, как будто в нем кто-то открыл заслонку:

— Первым делом хочу посоветовать тебе не чавкать во время еды! Когда ты сейчас ел, эти старики тебя просто глазами сверлили! Англичане, сморкаясь, могут издавать любой шум, но чавкать — ни-ни! Таков обычай, объяснения искать бесполезно. Если не будешь следовать ему, прослывешь варваром, а они и так презирают китайцев! Еще на людях нельзя чесать голову, грызть ногти, рыгать — в общем, правил много. Некоторые наши умники не обращают на них внимания, так их просто в грош не ставят, а зачем попусту вызывать к себе неприязнь? Я однажды тоже дал промашку и здорово накололся. Пришел как-то с приятелем в гости, наелся и вдруг рыгнул. Ой, что тут началось! Девица, сидевшая рядом со мной, изменилась в лице и говорит моему другу:

«Людям, которые не знают приличий, лучше вообще не появляться в обществе!» Хозяин, служивший миссионером в Китае, сразу уцепился за это и подхватил: «Если бы мы не проповедовали на Востоке, тамошние жители не знали бы и как чай пить!» А мне что делать? Сижу как деревянный и умираю со стыда. Хотя что я сделал такого уж особенного? Смотри, будь осторожнее, не повторяй моих ошибок. Не сердишься, что я говорю тебе об этом?

— Нет, — садясь, ответил Ма Вэй.

Ли Цзыжун тоже сел и продолжал:

— Ладно, теперь я расскажу тебе свою историю. Я поехал учиться за границу за казенный счет, от провинции Шаньдун. Сначала проучился три года в Соединенных Штатах, получил степень бакалавра торговли, потом поехал в Европу, во Францию, но тут беда — в Китае началась гражданская война и стипендия моя ухнула. А семья у меня бедная, с нее ничего не получишь. Я туда, сюда — бросился в Англию, потому что знал: здесь жизнь хоть и дороже, чем во Франции, но зато жалованье больше. К тому же Англия — страна торговая, тут есть чему поучиться. И еще, не буду тебя обманывать: больно уж меня смущали француженки. А в Лондоне, кроме проституток,

никто китайцами не интересуется, по крайней мере, меньше соблазнов.

При этих словах Ли Цзыжун снова развеселился и начал ерошить себе волосы.

— Ты же говорил, что при людях нельзя голову чесать! — подзадорил его Ма Вэй.

— Но ведь ты же не иностранец! При иностранцах ни за что не буду! Так на чем я остановился? Ах да, приехал я в Лондон, а стипендия по-прежнему не приходит, плохо дело! Прожил я месяц с небольшим, и ничего у меня не осталось, кроме одежонки да нескольких книг. Бегаю я, как паршивая собака, и тут, слава богу, нашла меня полиция, сделала переводчиком для китайских рабочих. Наши рабочие в английском слабы, полиция их то и дело трясет (не рождайся, мол, китайцем!), вот я и стал между ними посредником. Хоть в кантонском диалекте и не силен, а все же лучше английского полисмена. Если б не боялся с голоду помереть, ни за что не взялся бы за это дело, но умирать не хотелось! Ты бы видел, как наши земляки дрожали перед местной полицией, смех один, сделать ничего не могут, и я не мог, а три-четыре фунта в месяц все же получал. Потом стал переводить на китайский язык кое-какие объявления и рекламу, это оплачивалось

получше, один-два фунта за объявление, на хлеб хватало, а учиться по-прежнему нельзя было. К счастью, твоему дяде понадобился приказчик, смыслящий в торговле и владеющий английским, вот он и нанял меня. У нас с ним сразу дело сладилось. Наши студенты из барчуков никогда не стали бы жить на два фунта в неделю, но когда я получил такую сумму, то почувствовал, будто оказался в раю. Главное, что учиться смог! Днем работал переводчиком и приказчиком, а вечером ходил в институт. Ну как?

— Нелегко! Ты молодец! — воскликнул Ма Вэй.

— Нелегко? На свете нет легких дел! — Ли Цзыжун с победоносным видом встал.

— А сколько нужно денег, чтобы прожить в Лондоне? — спросил юноша. — К примеру, в месяц?

— Минимум двадцать фунтов. Я исключение. Я здесь даже китайской еды за все время ни разу не пробовал. Конечно, на один раз денег хватило бы, но я боялся привыкнуть.

— А тут есть китайские рестораны?

— Конечно. У китайцев за границей две главные профессии: повара да прачки! — Ли Цзыжун снова сел. — Японцы, куда ни приедут, открывают свои публичные дома, а китайцы — ресторанчики и прачечные. Отличия между нами в том,

что у японцев кроме публичных домов есть пароходные компании, банки и другие крупные предприятия, а у китайцев нет ничего, только прачечные и ресторанчики. Иначе японцы не ходили бы, гордо выпятив грудь, когда мы даже распрямиться не смеем! Европейцы и американцы презирают японцев так же, как китайцев, но в презрении к японцам есть элемент страха и уважения, а китайцев попросту не замечают. Японцев за глаза называют япошками, а в глаза чтут; китайцев ругают и за глаза и в глаза! Ладно, не будем об этом… Если мы сами себя не уважаем, то нечего на людей пенять. Спроси лучше о чем-нибудь другом, а то эта тема меня просто бесит!

— Расскажи немного о нашей лавке.

— Хорошо, слушай. Твой дядя был настоящим человеком, умельцем! Он занимался не только антиквариатом — одними древностями не прокормишься. Нет, он торговал также акциями, помогал купцам из Гуандуна сбывать разные другие товары. Эта лавка при нем давала больше двухсот фунтов чистого дохода в год, но он скопил свыше двух тысяч — это за счет других дел. В общем, у вас сейчас есть немного денег, так что лучше всего расширить торговлю, тогда будет надежда. А если полагаться только на эту

лавку, тебе с отцом даже на жизнь не хватит, весь капитал растратите.

Ты должен немедленно уговорить отца принять решение: либо вы расширяете торговлю, либо открываете новую. На мой взгляд, лучше расширить эту, потому что за антикварную вещь можно в принципе заломить любую цену. Открыть другую торговлю очень нелегко. Ты видел, сколько на улицах лавок и магазинов, они торгуют папиросами, вином, чем угодно, причем все они являются ответвлениями крупных фирм с многотысячным капиталом. Разве вы, имея каких-нибудь две тысячи фунтов, можете с ними конкурировать?

— Но отец не торговец, с ним очень трудно будет об этом разговаривать! — нахмурился Ма Вэй.

— Да, он, наверное, помешался на чиновничьей карьере! Это очень скверно. Если китайцы не перестанут млеть перед чиновниками, они никогда ничего не добьются! — Ли Цзыжун помолчал, а потом добавил: — К счастью, есть еще мы с тобой, и нам придется заставить его работать. Иначе лавка станет убыточной, и ваше будущее окажется под угрозой! А что ты сам хотел бы делать?

— Я? Учиться.

— А что изучать? Перевести какой-нибудь древний трактат, чтобы добыть ученую степень? — засмеялся Ли Цзыжун.

— Нет. Я хочу изучать торговлю. Стоит этим заняться?

— Конечно. Но тогда нужно сначала подучить английский. Мне кажется, ты неплохо придумал.

Они говорили еще долго, и Ма Вэю все больше нравился Ли Цзыжун — прежде всего своей энергией. Перед уходом юноши приказчик посоветовал ему завтра же утром вместе с отцом зарегистрироваться в полиции.

— Юристы и врачи — это две драгоценности, с которыми англичане не расстаются в течение всей жизни, что следует учесть и нам. Главное в Англии — не нарушать законов и не болеть! — промолвил Ли Цзыжун. — Давай с завтрашнего дня будем говорить между собой только по-английски, иначе не усовершенствуешься. Многие наши студенты ленятся разговаривать на иностранных языках, даже презирают их, но ведь мы с тобой — студенты рядовые и не будем подражать этим барчукам. Верно?

Они оба еще долго стояли за дверями, пока не вышел хозяин соседней антикварной лавки. Ли Цзыжун поспешно представил ему Ма Вэя, а

когда юноша снова засмотрелся на шпиль собора Святого Павла, Ли с воодушевлением рассказал ему историю собора.

— Мне уже пора возвращаться! — взмолился Ма Вэй, но Ли Цзыжун был похож на Робинзона, который только что обрел своего Пятницу.

— Я хочу спросить тебя, Ма, твой отец отдал тебе то кольцо?

— Нет, оно еще у него, — тихо ответил юноша.

— Обязательно выуди его! Это наследство твоего дяди, оно принадлежит тебе!

Ма Вэй кивнул и медленно пошел. Часы на башне собора пробили пять раз.

Глава третья

1

Весна прошла вместе с первыми опавшими цветами, и, овеваемое теплым ветром, все в уборе из зеленых листьев, явилось лето. Выяснилось, что в Лондоне тоже бывает чистое голубое небо. Целыми машинами ехали американцы в соломенных шляпах, видимо желая посмотреть, как выглядит этот Лондон. На ветках тополей под солнечными лучами колебался зеленый свет, над домами висело какое-то белое марево, похожее на туман; эти зеленые и белые тона радовали людей и в то же время несли с собой возбуждение. Самыми несчастными были огромные доги, вся сила которых, казалось, ушла в язык: тяжело дыша, они следовали за своими хозяевами. Машин на улицах стало еще больше, в некоторых ехало по сорок, а то и пятьдесят туристов в бумажных шапочках разных цветов. Все машины отчаянно сигналили, как будто собираясь раздавить сам Лондон. На остановках, стенах, машинах пестрели объявления о сдающихся дачах, и люди, шарахаясь от мчащегося транспорта, только и

думали, как бы им отдохнуть хотя бы несколько дней на море или в деревне. Девушки стали еще красивее: все с обнаженными белыми руками, в широкополых шляпах до самых плеч, на полях — всякие украшения вроде цветов, страусовых перьев, китайских вышитых подвесков, японских фарфоровых куколок… Сидевшие на вторых этажах автобусов видели перед собой целое море цветочных грибов.

Каждый раз, когда Ма Вэй наблюдал все это, к его глазам подступали слезы и он говорил себе: «Видишь, люди зарабатывают, наслаждаются, веселятся, а мы вынуждены жить, экономя последние монеты, да и те зачастую отбирают военные!..»

Начиная с мая мисс Уэндел мечтала о поездке к морю, что ни вечер обсуждала свои планы с матерью, но так и не могла ничего решить. Мать хотела поехать к родственникам в Шотландию, а дочь считала, что это слишком дорого, лучше съездить на ближайшее побережье. В конце концов мать соглашалась на ближнюю поездку, но тогда дочь вспоминала, что в Шотландии значительно красивее. Мать уже собиралась написать письмо родственникам — тут дочь соображала, что на побережье гораздо оживленнее. Ведь де-

вушки ездят отдыхать вовсе не ради отдыха, а чтобы повеселиться среди людей, показать свои новые платья и обнаженные руки; на побережье можно показать и ноги. В общем, слово за слово, а мать и дочь, проявляя характерный для англичан дух независимости, никак не могли договориться и расходились во мнениях все дальше.

Наконец миссис Уэндел сказала:

— Мэри, мы не можем поехать вместе! Если мы обе уедем, кто будет готовить еду для квартирантов?

— Пусть они тоже едут отдыхать! — беспечно заметила мисс Уэндел, и ямочки на ее щеках шевельнулись.

— Я спрашивала господина Ма, он отдыхать не собирается. — Миссис Уэндел так вздернула свой носик, что чуть не пригвоздила к потолку муху, которая как раз там сидела.

— Что-что? — Глаза Мэри округлились, ресницы встали торчком. — Не собирается отдыхать? Никогда о таком не слышала! — В самом деле, англичане даже представить себе не могут, что на свете есть люди, работающие всю жизнь без отдыха, хотя к господину Ма это не относилось. Она фыркнула и продолжала: — Молодой Ма говорил мне, что он очень хотел бы прокатиться

со мной на море, но я ему ответила, что не собираюсь ехать вместе с китайцем. Меня бы просто засмеяли!

— Мэри, ты не должна так обижать людей! Честно говоря, наши квартиранты совсем неплохи.

Вдова хоть и не любила китайцев, но с детства обожала поспорить, и если кто-нибудь утверждал, что красные розы самые пахучие, то она настаивала на преимуществах белых роз или в крайнем случае розовых.

— Ладно, мам! — надув губы, склонила головку Мэри. — Я знаю, что ты влюбилась в старого Ма! А он дарит тебе то коробку чая, то чайничек… Я бы ни за что не приняла таких подарков! Посмотри на физиономию этого старикашки, по ней как будто пощечин надавали! И вечно сидит у себя, слова не скажет. Молодой Ма еще противнее. Чуть что — спрашивает, ухожу я или нет. Вчера снова собрался со мной в кино, а я…

— Каждый раз, когда вы ходите в кино, он покупает за тебя билеты? — холодно парировала мать.

— Я не хочу, чтобы он покупал, даю ему денег, а он не берет! Кстати, мам, ты мне еще шесть пенсов должна, правильно?

— Завтра отдам, непременно! — Вдова пошари-

ла в кармане, но мелочи не нашла. — По-моему, китайцы еще щедрее нас. Вспомни, когда господин Ма дает сыну деньги, то просто сует их в руку и не считает. А Ма Вэй часто покупает ему что-нибудь и не требует долга. Кроме того… — она качнула головой и тут же легонько поправила свои пучки пальцами, — господин Ма каждую неделю, рассчитываясь за квартиру, платит безропотно, никогда ни о чем не спрашивает. А ты говоришь!..

— Что же тут особенного?

— Как это?

— Мораль меняется вслед за экономикой! — Мэри засунула палец в кармашек и выпятила грудь, как университетский профессор. — Наши предки тоже жили большими семьями и тратили деньги сообща, вроде китайцев. А сейчас экономическая система изменилась, каждый зарабатывает сам и сам кормится, вот моральные представления и обновились. Люди познали вкус независимости, прелесть собственных денег и не хотят ими разбрасываться! Китайцы ничуть не щедрее нас, просто у них экономика менее развита.

— Откуда ты это взяла? Чтоб мне противоречить?

— Какая разница, откуда взяла! — Мэри блес-

нула своими голубыми глазами и усмехнулась. — Главное, что это правда. Правда или нет? — Увидев, что мать кивает, она продолжала: — Ты не защищай китайцев. Если они такие хорошие, то почему в кино, пьесах и романах их вечно изображают убийцами, поджигателями и насильниками?

Насчет связи между экономикой и моралью Мэри вычитала из газет, а насчет китайцев — из тех же газет и бульварных романов, да еще в кино предостаточно насмотрелась. Впрочем, если бы Китай не находился в хаосе, иностранной прессе неоткуда было бы черпать такую информацию.

— В кино все неправду показывают! — промолвила миссис Уэндел — не из любви к китайцам, а лишь из желания взять верх над дочерью. — По-моему, смеяться над слабой страной — самое позорное дело!

— Неправду? Ох, мама! Да абсолютно во всех фильмах и романах так. Допустим, там половина вранья, но половина-то правды? — Мэри тоже не хотела уступать матери.

Вдова кашлянула и замолчала, готовя новые аргументы. В дверях гостиной послышался такой звук, будто по ним стегали веревкой.

— Это Наполеон, — сказала миссис Уэндел, —

впусти его!

Мэри открыла дверь, и болонка вбежала, виляя хвостом.

— Наполеон, золотце мое, иди сюда, помоги мне справиться с дочкой! — захлопала в ладоши вдова. — Она слушает всякие глупости, а потом приходит домой и нам голову задуривает! Правда, мое золотце?

Девушка, не дожидаясь, пока болонка подбежит к матери, бросилась на колени на ковер и стала бодать собачку. Потом она нарочно поползла назад, а Наполеон перешел в наступление. Мэри надула губы, гавкнула, собачка тоже и, играючи, схватила девушку зубами за руку. Долго они так шалили, волосы у Мэри совсем растрепались, пудра со щек и носа слезла.

— Мам, посмотри, он кусает мои новые туфли!

— Иди сюда, Наполеон, не надо с ней играть!

Запыхавшаяся Мэри встала и, поправив волосы, погрозила собачке кулаком. Та спряталась под ноги вдовы и, моргая, смотрела на девушку. Отдышавшись, Мэри снова стала обсуждать с матерью проблему путешествия. Миссис Уэндел по-прежнему стояла за раздельную поездку, а дочь не соглашалась, не желая готовить для квартирантов.

— Кстати, я и не умею готовить! Не так ли, мам?

— Вот и научишься заодно! — парировала мать.

— Давай сделаем по-другому: напиши тете Дороти, чтобы она приехала на время нашего отсутствия. Хорошо? Она ведь деревенская и будет рада-радешенька пожить немного в городе. Но нам придется оплатить ей дорогу на поезде!

— Ладно, ты и напиши, а я деньги дам.

Мэри торжественно вымыла руки, погляделась в зеркало и, повертев головой, напудрилась. Снова погляделась в зеркало (ровно ли наложена пудра?) и только тогда принесла бумагу, конверт, перо и чернила. Пододвинув чайный столик поближе к окну, села, поправила складки на платье, обмакнула перо в чернильницу. На улице призывно закричал торговец яблоками. Девушка откинула занавеску, выглянула в окно, вновь взяла перо и нарисовала несколько яблок. Потом замазала их, поглядела на свои полные руки, начала подрезать ножичком ногти. Закончив, положила ножичек на промокашку, но что-то ей не понравилось. Взяла ножичек, подула на него, положила рядом с конвертом. Посадила пером несколько клякс на бумагу; некоторые кляксы

оказались недостаточно круглыми, пришлось их обвести.

— Мам, напиши лучше ты, а я искупаю Наполеона. Ладно?

— Мне сейчас в магазин нужно! — Миссис Уэндел подошла с собачкой на руках. — Что это с тобой? Когда ты пишешь своим поклонникам, ты можешь разом настрочить по пять-шесть писем…

— Да, но кому интересно писать письма теткам? — Мэри сунула матери перо, схватила Наполеона и побежала:

— Пойдем со мной купаться, маленький грязнуля!

2

Опыт, полученный господином Ма за несколько месяцев жизни в Лондоне, был совсем невелик: он нашел три-четыре китайских ресторана и каждый день в них обедал. Тут он не нуждался в помощи Ма Вэя, в рестораны ходил самостоятельно. Усовершенствовался немного и в английском, но грамматику основательно подзабыл, потому что простые англичане, разговаривая, с успехом обходятся без грамматики.

Жизнь его шла довольно однообразно. Иногда

часов в девять утра он отправлялся в лавку и медленно переставлял местами вещи в витрине, так как считал, что Ли Цзыжун расставил их неправильно, безвкусно. Приказчик множество раз объяснял ему, как именно нужно расставлять предметы, как учитывать их форму и цвет, чтобы они привлекали внимание прохожих, но господин Ма упрямо мотал головой.

Во время первой такой перестановки он брал антикварные вещи обеими руками, словно таблички с именами предков для поклонения. Высунув язык и затаив дыхание, Ма Цзэжэнь решался вздохнуть лишь тогда, когда водворял вещь на место. Но уже после второго раза осмелел. Порою он даже нарочно нес предмет, не глядя на него, будто официант в харчевне. В присутствии Ли Цзыжуна эта бравада усиливалась: Ма-старший нес редкости не только руками, но и ртом, да при этом еще усами шевелил, точно говоря: «Подумаешь, торговцы! Я ничуть не слабее многих других! Вот!»

Однажды в приливе такой гордости Ма Цзэжэнь кашлянул, и чайничек, который он держал зубами, немедленно подчинился силе земного притяжения. Пытаясь спасти чайничек, господин Ма протянул к нему руки, а в них были вазочка

и две тарелки. Тарелки Ли Цзыжун успел подхватить, но чайничек и вазочка разбились!

Расставив товар заново, господин Ма обычно выходил из лавки, поглядывал на витрину соседнего антиквариата и, подкручивая усики, сравнивал ее со своей витриной, считая, что сосед чересчур вульгарен. Но дела соседа шли лучше, чем у него, и Ма-старший не мог понять, в чем тут причина. Наверное, в вульгарности англичан! Хозяин соседней лавки был высоким, толстым, лысым стариком с такой же высокой, толстой, старой, но отнюдь не лысой женой. Они не раз приветливо разговаривали с господином Ма, однако он лишь отпускал шпильки, отворачивался и думал: «Как бы ваша торговля ни шла, а я вас все равно презираю, мужланы!»

Ли Цзыжун часто советовал ему, какой товар — не только китайский — стоит еще закупить, как издать красочный каталог продаваемых вещей, но Ма-старший постоянно огрызался:

— Зачем еще товару добавлять, когда здесь и так много стоит! Чтоб в глазах рябило?

Иногда он вообще не приходил в лавку, а предпочитал возиться в садике миссис Уэндел. У нее за домом был небольшой дворик, в котором до приезда господ Ма росли только трава да две чахлые

индийские розы. Хозяйка очень любила цветы, но не имела для них времени и денег на рассаду. А Мэри вечно покупала на улицах букеты, так что садоводство ее не интересовало. И тогда господин Ма, даже не предупредив хозяйку, раздобыл на рынке саженцы роз, хризантем и прочих цветов, нашел на кухне лопату и посадил их. В центре клумбы он поместил розы, вокруг — лилии, а еще дальше — страстоцвет. Саженцы хризантемы оказались не очень хорошими, но он и их использовал. Потом вернул лопату на прежнее место, полил плоды своих трудов, вымыл руки и молча уселся с трубкой в кабинете. Тем временем начался небольшой дождь. Господин Ма вышел во двор и радостно смотрел, как лепестки цветов шевелятся под легкими ударами капель. Лишь совсем промокнув, он вернулся в кабинет.

Когда во второй половине дня миссис Уэндел отправилась во дворик с Наполеоном, она вскоре пулей взлетела на третий этаж и, широко раскрыв глаза, спросила:

— Господин Ма, это вы посадили цветы во дворике?

Тот передвинул трубку из одного угла рта в другой и еле заметно улыбнулся.

— О, господин Ма, вы снова так мило шалите! И

мне ни слова не сказали! Сколько вы заплатили за эти цветы?

— Немного. С цветами дворик красивее… — продолжал улыбаться квартирант.

— А китайцы тоже любят цветы? — Миссис Уэндел, как и многие другие англичане, не могла себе представить, что кто-нибудь на свете, кроме них, способен любить прекрасное.

— Конечно! — Ма-старший уловил эти сомнения, но не хотел задевать ее и лишь немного помолчал. — С тех пор как умерла моя жена, я не сажал цветов. — При словах о жене его глаза увлажнились.

Вдова понимающе кивнула и вспомнила о своем муже: когда он был жив, во дворике чуть не круглый год благоухали цветы. Господин Ма пригласил ее сесть, и они долго разговаривали. Миссис Уэндел спрашивала, как одевалась госпожа Ма, какие шляпки носила, а он — какие должности занимал ее муж, какой табак курил. Они говорили все оживленнее, но часто не понимали друг друга. Например, он отвечал, что его жена носила парчовую безрукавку, а миссис Уэндел никогда не видела таких; она отвечала, что ее муж не служил, а господин Ма не представлял, как это возможно.

Вечером вернулась Мэри, и мать сразу потащила ее во дворик:

— Идем скорей, я покажу тебе кое-что интересное!

— О, мам, зачем ты тратишь деньги на такие вещи? — сказала девушка, наклоняясь над цветами и нюхая их.

— А я совсем ничего не тратила, это господин Ма купил и посадил! Ты вот вечно говоришь, что китайцы плохие, погляди…

— Посадить несколько цветочков — не бог весть что! — сразу выпрямилась Мэри, не желая больше нюхать.

— Я только хочу сказать, что китайцы разбираются в цветах совсем как цивилизованные люди…

— Можно разбираться в цветах и в то же время любить убийства и поджоги! Ты знаешь, сегодня я видела в газете три фотографии, снятые в Шанхае, так это просто ужас! Китайцы отрубают людям головы, подвешивают к телеграфным столбам и стоят вокруг, глазеют, будто в кино! — Она побледнела и с дрожащими губами побежала к себе в комнату.

После посадки цветов господин Ма нашел себе еще одно добровольное дело: начал прогуливать

Наполеона, когда миссис Уэндел бывала занята. Обычно Наполеон гулял во дворике, но сейчас там росли цветы, и он портил их, если пытался ловить пчелок или мух. Пришлось выводить его на улицу: тут-то Ма-старший и пригодился. Мэри много раз советовала матери не отпускать Наполеона с квартирантом, потому что она слышала, что китайцы едят собак. А вдруг господин Ма соблазнится и по дороге прирежет болонку, чтобы разговеться? Страшно подумать!

— Я спрашивала его, он говорит, что китайцы обычно не едят собачатину, — холодно возражала вдова.

— Понимаю тебя, мам! — иронизировала Мэри. — Раз он любит цветы и собак, значит, скоро полюбит и маленьких детей.

Дело в том, что по английским понятиям все это входит в качества хорошего мужа. Мэри намекала на то, что мать влюбилась в квартиранта. Вдова мрачнела и молча устремляла на дочь негодующий взор.

Ма Вэй тоже советовал отцу не гулять с собачкой, потому что видел, как на улице или на пустыре за ними гоняются мальчишки и кричат:

— Посмотрите на этого желтолицего старика! Такой тощий, а таскается с толстой болонкой!

Один белобрысый парнишка даже дергал господина Ма за одежду; другой, явно лишенный всякого родственного тепла, хватал Наполеона и пускался наутек, заставляя старика бежать за ним. А остальные мальчишки в это время орали:

— Поглядите на его кривые ноги! Совсем как у таксы! Эй, Том, давай быстрей, а то он тебя догонит!

Особенно звонко кричала рыжая девчонка с почти такой же красной физиономией:

— Да хорошенько держи собачку, не урони!

На уроках истории в английских школах никогда не рассказывали о Китае, о нем знали только миссионеры и торговцы, но эти люди, как правило, не питали к Китаю добрых чувств и судили о нем соответственно. Говорили, что там нет ни настоящего флота, ни настоящей армии, а как после этого могут относиться к стране европейцы, мерящие уровень цивилизации военным развитием? Если же учесть, что в Китае еще не было знаменитых ученых, литераторов, путешественников, спортсменов, то уважать его не приходилось.

Не слушая советов Ма Вэя, отец тайно собирал табачные наклейки, чтобы подкупить ими шалунов. Но это лишь раззадоривало ребят.

— Называйте его китаезой, и тогда он сразу отдаст свои наклейки! — кричали они. — Эй, Том, хватай его собачку!..

3

Миссионерша Ивенс, жившая в маленьком красном доме на Ланкастерской, отдала приказ пригласить ее брата Александера, господ Ма и миссис Уэндел с дочерью на обед. Первым получил этот приказ, естественно, ее муж. Власть жены над ним была абсолютной. Повзрослевшие дети иногда не во всем слушались миссис Ивенс, но муж, напротив, с годами становился все покладистее. Неудивительно, что многие европейские женщины предпочитают выходить замуж за стариков.

Отдавая приказы, госпожа Ивенс и сама, по существу, была живым приказом. Ее желтые, вечно припухшие глаза были по крайней мере втрое больше, чем у мужа; едва она раскрывала их, как пастор, дочь и сын умолкали, точно преступники в зале суда. На верхней губе у нее росли черные усы — иначе муж никогда не осмелился бы отпустить себе усики: это означало бы попытку соперничать с женой. Ростом она была на голову выше мужа и значительно крепче его.

На лице никакого жира — одни кости и мускулы, покрытые шершавой кожей, напоминающей наждак или цемент. По обе стороны от носа две глубокие борозды, ведущие к углам рта. Когда госпожа Ивенс плакала (а порою плакала даже она!), слезы без лишних препятствий текли по обеим бороздам и сразу высыхали. Ее волосы, собранные в жидкий пучок, уже наполовину поседели и очень походили на вату, вылезающую из порванных китайских туфель.

Преподобный Ивенс встретил ее в Тяньцзине. В то время борозды по обеим сторонам носа были уже достаточно глубокими, но волосы еще не полностью походили на вату. Пастор спешил остепениться, да и она была не прочь обзавестись мужем, поэтому они поженились так же быстро, как три умножается на семь. Ее старший брат Александер остался не очень доволен этим браком, потому что он был торговцем и, естественно, презирал священников, которые за ничтожные деньги рассуждают о долге, гуманности и добродетели. Но и он ничего не возразил. Глядя на глубокие борозды и чисто символические волосы сестры, Александер думал: «Пусть выходит за кого угодно, а то через несколько лет борозды превратятся в каналы, и тогда даже пастора в зя-

тья не получишь!» В день свадьбы он преподнес молодым супругам две лаковые вазы из провинции Фуцзянь, так госпожа Ивенс до сих пор многозначительно указывала на них, поясняя: «Смотрите, какое у моего брата чувство прекрасного! Эти вазы стоят по меньшей мере шесть или семь фунтов!» А еще Александер подарил сестре сорокафунтовую ассигнацию.

Сын и дочь Ивенсов родились в Китае, но не очень умели говорить по-китайски. Главным воспитательным принципом матери было не дать детям сразу болтать на каком-нибудь варварском языке вроде китайского или индийского, а то в дальнейшем у них ни за что не будет возвышенных идей. Если китайчонок с колыбели говорит по-английски, это хорошо, потому что он не вырастет таким противным, как все остальные китайцы. Но английский ребенок, говорящий по-китайски, наверняка плохо кончит! Даже английские баклажаны, выращенные на чужой земле, не получаются по-настоящему сочными и вкусными. Она не разрешала своим детям играть с китайчатами, считая, что им достаточно усвоить лишь несколько необходимых китайских фраз: «Принеси чай!», «Цыпленка!», «Уходи!» — и каждую фразу произносить в повелительной

интонации.

Пастор Ивенс не очень одобрял этот метод. Основываясь на извечном английском прагматизме, он как раз хотел, чтобы его дети изучили китайский язык, который в будущем, по возвращении на родину, поможет им зарабатывать на жизнь. Но открыто перечить жене он не смел. Госпожа Ивенс и сама была не лишена прагматизма, только она считала, что вместо китайского языка детям гораздо лучше овладеть французским. Французов она тоже презирала, была уверена, что выше английского языка ничего нет, однако английская аристократия изучала французский, поэтому и госпожа Ивенс не желала отставать.

Ее сына звали Полом, а дочь — Кэтрин. Пол уже в двенадцать лет был послан учиться в Англию и там быстро забыл свои немногочисленные китайские слова, помнил лишь несколько смачных ругательств. Кэтрин же училась в китайской школе для иностранцев, тайком от матери освоила немало местных слов и даже могла читать со словарем легкие китайские книжки.

— Кэтрин! — загремела из кухни миссис Ивенс. — Приготовь сладкий рисовый пудинг! Китайцы любят рис!

— Но они любят его без молока и сахара, ма-

ма! — попыталась возразить девушка.

— Много ли ты знаешь о Китае? Неужто больше меня? — надулась мать. Она никогда не допускала, что на свете есть второй такой же специалист по Срединной империи. Даже английских послов в этой стране или профессоров китайской литературы она в грош не ставила и часто говорила мужу: «Чего стоит этот посол? Что понимает этот жалкий профессор? Может быть, они кое-что соображают в китайских делах, зато мы по-настоящему понимаем китайцев, их душу!»

Зная эту уверенность матери, Кэтрин ничего не сказала, а опустив голову, пошла готовить рисовый пудинг.

Тут явился ее дядя Александер.

— Китаезы еще не пришли? — спросил он, поцеловав сестру где-то между ватными волосами и носом.

— Нет. Входи и садись! — сказала госпожа Ивенс и снова отправилась на кухню.

Александер пришел специально, чтобы поесть, а не поболтать, скажем, с зятем. О чем можно разговаривать с пастором? Ивенс протянул шурину кисет.

— Нет, благодарю, у меня свое курево! — Александер вытащил огромный золотой портсигар

и дал Ивенсу маленькую сигару. Сам тоже взял одну, чиркнул спичкой и выпустил изо рта изрядный клуб дыма. Потом усмехнулся, бросил спичку в пепельницу.

Он был так же высок, как сестра, широк в плечах, лыс, с толстой шеей и полным ртом вставных зубов. Щеки очень красные, как будто по ним долго и усердно били. Костюм дорогой, с иголочки, без малейшего изъяна. Держа в одной руке сигару, а другую положив на лоб, будто в глубокой задумчивости, он спросил:

— Послушай, как звали того китайца из тяньцзиньской компании «Прекрасный доход»? Ну, того малого, который вечно всем кланялся… Ты понимаешь мою мысль?

— Чжан Юань, — ответил пастор Ивенс. Свою сигару он не зажигал, но все-таки вертел ее в руке, чтобы никто не подумал, что он не умеет курить сигары.

— Правильно, Чжан Юань! Мне нравился этот малый, скажу я тебе. — Александер снова затянулся и наполнил всю комнату дымом. — Внешне он был дурашливым, но на самом деле довольно умным. Ты знаешь, я в китайском не силен, а он не владел английским, но дела мы ловко обтяпывали. Придет, бывало, скажет: «Две тысячи

юаней!» Я киваю. Тогда он протягивает счет. Я спрашиваю: «Подписать?» Он тоже кивает. Я подписываю, и дело с концом! — Александер, выпятив живот, захохотал; пепел от его сигары посыпался на ковер. Коммерсант хохотал до тех пор, пока весь не покраснел, и только тогда с неудовольствием остановился.

Пастор Ивенс, не понимая, что тут смешного, поправил очки и, слегка разинув рот, с опаской смотрел на пепел на ковре.

Наконец пришли господа Ма и миссис Уэндел. Вдова, на которой были коричневое платье и широкополая шляпа, сразу закашлялась от дыма, а Ма-старший не знал, куда девать свою черную фетровую шляпу. Ма Вэй, желая выручить отца, наконец повесил ее на вешалку.

— Хэлло, миссис Уэндел! — поднявшись и воздев сигару, первым протрубил Александер, словно из глиняного чана. — Уже несколько лет не видел вас! Как поживает ваш супруг? Чем он торгует?

Госпожа Ивенс поспешно остановила брата:

— Алекс, мистер Уэндел давно скончался! Миссис Уэндел, благодарю вас за приход. А где ваша дочь?

— Хэлло, мистер Ма! — Александер, не обращая

внимания на сестру, бросился пожимать руку Ма-старшему. — Часто слышу о вас от сестры! Вы из Шанхая приехали? Как там торговля? Говорят, в последнее время у вас много заварушек… А Пекином по-прежнему заправляет Чжан?[6] Вот старый пройдоха! Уже сколько лет властвует над тремя восточными провинциями и не допустил ни одного антииностранного мятежа! Вы понимаете мою мысль? В Тяньцзине я говорил ему, чтоб он не…

— Алекс, еда уже готова, прошу всех к столу! — изо всех сил заорала миссис Ивенс, иначе ее брата было невозможно перекричать.

— Что, еда готова? А выпить есть что? — Александер бросил сигару и направился в столовую.

— Имбирное пиво! — робко бросила ему вслед сестра. Она любила брата, но немного побаивалась его, иначе и пива не поставила бы.

Все уселись. Александер снова загрохотал:

— Надо бы шампанского!

Вообще-то англичане по натуре очень сдержанны, Александер в детстве тоже придерживался правил, но с тех пор, как поехал торговать в Китай, почувствовал, что с китайцами нечего

---

[6] Примечания: 6

Северный милитарист Чжан Цзолинь, сотрудничавший с иностранцами.

церемониться, особенно со своими подчиненными, на которых он просто орал, тараща глаза и раздувая усы. Теперь он уже не мог переделаться, поэтому многие друзья отвернулись от него. Это было одной из причин, почему он явился на обед к сестре. Если бы его приглашали к себе друзья, он никогда не опустился бы до того, чтобы пить имбирное пиво!

— А где Пол? — спросила миссис Уэндел.

— Поехал в деревню, еще не вернулся, — ответила госпожа Ивенс и мотнула носом в сторону мужа: — Муженек, начинай молитву!

Пастор Ивенс в душе терпеть не мог шурина, но никогда об этом не говорил. Сейчас ему выдался случай хорошенько помучить его молитвой, и он воспользовался этим в полной мере. Александер жадно поглядывал на имбирное пиво — пусть хоть это, лишь бы скорее! — втайне ругал зятя и, едва тот произнес «Аминь!», вцепился в бутылку. Разливая пиво, он спросил господина Ма:

— Ну, как вам в Англии?

— Прекрасно, просто нет слов! — За последнее время Ма-старший научился у миссис Уэндел говорить обо всем только в превосходных степенях.

— Что же это означает? — продолжал допыты-

ваться Александер, потому что он действительно не представлял себе, что такое «прекрасно». Вот если бы ему сказали, почем это «прекрасно» за фунт, тогда другое дело. Он умел разбираться даже в картинах и вазах на выставке, где на каждой вещи стояла цена.

— Что означает? — переспросил господин Ма и недоуменно закатил глаза. Его спасла миссис Ивенс, закричав:

— Алекс, передай миссис Уэндел солонку!

— Извините! — Александер схватил солонку, чуть не опрокинув при этом перечницу.

— Ма Вэй, ты любишь жирное или постное мясо? — поинтересовалась Кэтрин. Ее мать, не дав ему ответить, заявила:

— Все китайцы любят жирное!

Она воткнула вилку в кусок говядины и занесла над ним нож. Брови у нее взметнулись, рот приоткрылся, как будто она собиралась кого-нибудь зарезать.

— Замечательно! — вдруг пискнул господин Ма. Никто не понял, что он хотел этим сказать.

Наконец говядина завершилась, принесли сладкий рисовый пудинг.

— Ты можешь есть это? — спросила Кэтрин у Ма Вэя.

— Как-нибудь справлюсь! — улыбнулся юноша.

— Все китайцы любят есть рис! Правильно, господин Ма? — произнесла миссис Ивенс, испытующе глядя на дочь.

— Совершенно правильно! — воскликнул Ма-старший.

Александер снова захохотал — на сей раз до синевы. Но никто не обращал на него внимания, поэтому, когда его рот заболел от хохота, он остановился сам. Ма Вэй взял ложку пудинга, сунул в рот и долго не мог проглотить. Его отец проглотил, но не менее долго сидел, вытянув шею и вращая глазами, едва не теряя сознание.

— Может быть, водички? — спросила Кэтрин Ма Вэя. Тот кивнул.

— Вам тоже водички? — Миссис Уэндел приветливо повернулась к господину Ма. Он все еще сидел, вытянув шею, но через силу улыбнулся вдове. Александер развеселился.

— Алекс, хочешь еще пудинга? — Сестра бдительно следила за братом.

Пастор Ивенс молча налил господам Ма по стакану воды. Они ели пудинг и запивали, с честью преодолев эту смертельную опасность.

— Я расскажу один смешной случай! — об-

ратился ко всем Александер, абсолютно не волнуясь, слушают его или нет. Миссис Уэндел зааплодировала — ей действительно было интересно, что расскажет Александер. Господин Ма, видя это, тоже захлопал в ладоши и воскликнул: «Замечательно!» — Приехал я однажды в Пекин… — Александер засунул большие пальцы за край жилета, вытянул ноги и развалился на стуле. — А Пекин, доложу я вам, препоганое местечко! Ни одного крупного магазина, рекламы нет, на улицах грязь… Мне говорили, что Пекин очень красив, но я этого не увидел: грязь и красота не совместимы. Понимаете мою мысль?

— Кэт, — сказала миссис Ивенс дочери, увидев, что молодой Ма слишком раскраснелся, — покажи Ма Вэю кабинет твоего брата, а потом будем пить кофе в гостиной! Пол собрал немало книг, его кабинет похож на библиотеку, так что тебе, Ма Вэй, будет интересно посмотреть.

— Ну, слушайте! — нетерпеливо продолжал Александер. — Поселился я в гостинице «Пекин» — это хорошее место, там можно и выпить, и потанцевать, и в бильярд поиграть, и в картишки перекинуться… Единственное хорошее место во всем Пекине, понимаете мою мысль? Поел я, делать нечего, спускаюсь в бильярдную, а

там стоит черноусый старик, китаец, типичный китаец. Я очень люблю типичных китайцев, понимаете мою мысль? Сыграл я партию сам с собой, а он все стоит и улыбается. Ну, думаю, интересный старик! Спрашиваю его по-китайски: «Выпить хочешь?» — Александер щелкнул себя по горлу и закрыл глаза, изображая, как он соблазнял китайца.

Госпожа Ивенс воспользовалась этой заминкой и поспешно произнесла:

— Давайте перейдем в гостиную!

Пастор Ивенс еще более поспешно встал и открыл дверь. Александер подскочил к господину Ма, чтобы досказать ему свою смешную историю, но миссис Уэндел решила, что ее будет полезно послушать всем, и промолвила:

— Пойдемте лучше в гостиную, там и доскажете!

— Миссис Уэндел, на вас очень красивое платье! — Госпожа Ивенс хотела любыми способами прервать своего братца.

— Просто замечательное! — дополнил господин Ма.

Все перешли в гостиную, хозяйка начала разливать кофе. Ее муж с улыбкой обратился к вдове:

— Вы не хотите послушать граммофон? Какую

музыку любите?

— С удовольствием, но пусть мистер Лэм, — (это была фамилия Александера), — доскажет свою смешную историю.

Пастор, не в силах помешать этому, взял чашку кофе и уселся. Александер радостно откашлялся:

— Так вот, я спрашиваю его: «Выпить хочешь?» Он кивает и смеется. Я иду, а он за мной, как старый пес…

— Алекс, передай миссис Уэндел… Миссис Уэндел, что вы хотите: яблоко или банан?

Александер передал соседке всю вазу с фруктами и, нетерпеливо дрожа, словно конь, переступающий с ноги на ногу, продолжил:

— Я спрашиваю: «Ты чего будешь пить?» Он отвечает: «А ты чего?» Я говорю: «Виски». Он говорит: «И я виски». Вот мы и начали лакать, а он силен, старый черт, целых пять порций со мной выдул, и хоть бы что!

— О, мистер Лэм, оказывается, вы в Китае учили туземцев пить шотландское виски! — смеясь, воскликнула вдова.

Пастор и его жена раскрыли рты, чтобы хоть чем-нибудь прервать этот затянувшийся рассказ, но заговорили одновременно, и никто их не разобрал. Александер легко подавил их тщедушные

голоса:

— В общем, выпили мы, и тут новое дело: этот старикашка сует мне деньги за вино. Рассчитались мы с ним, а он спрашивает, где я достаю билеты на шанхайские скачки, не могу ли я и ему купить. Ведь вы, китайцы, любите играть на деньги, правда? — обратился он к Ма-старшему.

Тот кивнул. Миссис Уэндел откусила банан и тихо пробормотала:

— Учат людей тратить время на скачки, играть на деньги, а потом говорят, что эти люди…

— Господин Ма, — снова вмешалась миссис Ивенс. — В какую церковь вы ходите молиться?

Александер, прихлебывая свой кофе, чувствовал, что его смешная история становится все смешнее, и в конце концов оглушительно расхохотался.

4

В кабинете Пола его сестра села на вертящийся стул, а Ма Вэй стал разглядывать книжную полку. Здесь было всего двадцать или тридцать книг, из которых добрую половину занимало собрание сочинений Шекспира. На стенах висели репродукции знаменитых картин, купленные Полом на рынке за шесть медяков каждая. На столике

рядом с полкой были разложены трубка для курения опиума, пара туфелек, какими пользовались китаянки, бинтовавшие ноги, сломанная расписная бутылочка для нюхательного табака и пара вышитых китайских подвесков.

Друзья Пола знали, что он родился в Китае, поэтому он был просто вынужден демонстрировать им разные китайские вещи. Каждый раз, когда приятели являлись, он объединял эти предметы в небольшой связный рассказ: вот это, мол, туфельки женщины, курившей опиум, а это бутылочка для опиума, которая засовывалась внутрь вышитого подвеска. К счастью, английские парни ничего не понимали в китайских делах, и он мог врать напропалую.

— Это все Пол собрал? — с улыбкой спросил Ма Вэй, повернувшись к Кэтрин.

Она кивнула. Ей было лет двадцать семь или двадцать восемь, внешне она походила на своего отца: невысокая, с большими глазами, но маленькими зрачками. Волос почти так же немного, как у матери, однако для ее гораздо более миниатюрной фигуры их вполне хватало. В общем, она была совсем недурна собой, особенно когда сидела выпрямившись. Тогда она напоминала тихую восточную женщину, только с золоти-

стыми волосами, зачесанными назад. Во время разговора ее губы слегка улыбались, но эта улыбка не переходила в смех. Руки очень полные и красивые; иногда она поднимала их и поправляла свои волосы.

— Ну как, Ма Вэй, тебе хорошо в Англии? — спросила Кэтрин, взглянув на юношу.

— Конечно!

— Правда? — Она еле заметно улыбнулась.

Ма Вэй опустил голову и, поиграв табакеркой на столе, ответил:

— Отношения англичан к нам меня не очень беспокоят, но дела отца... печалят! Знаешь, сестрица, — он привык называть ее так еще в Пекине, — китайцы часто презирают торговцев, вот и отец относится к торговле несерьезно. А куда это годится, если мы сейчас только лавкой кормимся? Меня он не слушает, Ли Цзыжуна тоже. Целыми днями способен не ходить в лавку, а сажать для миссис Уэндел цветы! Когда же ходит, все попусту растрачивает. Услышит, что какой-нибудь покупатель хвалит китайскую вещь, и сразу дарит ее ему. Из состояния, завещанного нам дядей, мы за эти месяцы просадили уже больше двухсот фунтов. Сегодня отец приглашает случайного приятеля на обед, завтра на

выпивку — так никаких денег не хватит. Если человек скажет что-то хорошее о китайцах, он не может не угостить его, а тот и рад выпить на дармовщину. Но это еще ничего, хуже, что отец и сам все время подлаживается под чужие мнения. Например, англичане, наслушавшись всякой чепухи о китайцах, иногда спрашивают, сколько у него жен. Он отвечает: «Пять или шесть, точно не помню!» Я упрекал его за это вранье, а он говорит: «Раз люди верят, что в Китае по-прежнему многоженство, почему не потрафить им, не доставить удовольствие?» Некоторые старики и старухи буквально боготворят его за то, что он им во всем поддакивает.

Недавно генерал Гор выступал с лекцией об английской военной экспедиции в Шанхае и специально пригласил моего отца. Во время лекции указывает на него и заявляет: «Если английская армия останется навсегда в Китае, это будет величайшим счастьем для Китая! Давайте спросим присутствующего здесь китайца, так ли это? Господин Ма, скажите...» Отец чинно встал и воскликнул: «Мы приветствуем английскую армию!» В другой раз одна старуха похвалила перед ним традиционную китайскую одежду, так он на следующий же день надел шелковый халат

и отправился по улице. Ребятишки бегут за ним, кричат: «Китаеза!» Если бы он всегда ходил в национальном платье, то дело другое, но ведь он так вырядился лишь для того, чтобы потрафить всяким старухам. Знаешь, сестрица, мой отец принадлежит к поколению, до смерти напуганному иностранцами. Услышав их похвалу, он считает ее величайшей честью для себя. У него никакого представления о государственности!

Кэтрин вздохнула, а Ма Вэй продолжал:

— Только государственность или гражданственность, только она спасет Китай! Я не одобряю тех китайцев, которые, подобно японцам, увлекаются производством пушек, самолетов и другого оружия, но в сегодняшнем мире без этого не проживешь. Раз англичане считают, что у нас слабая армия, мы должны хотя бы разок побить их! Это негуманно, но иначе мы никогда не встанем на ноги…

— Ма Вэй! — Кэтрин взяла юношу за руку. — Ты хорошенько учись, а о другом постарайся не думать! Я понимаю твои терзания, твою боль, но разве ты спасешь Китай тем, что будешь попусту распалять себя? Нет. Когда в стране хаос, никто ей по-настоящему не сочувствует. Ты хоть глотку раздери, обращаясь к англичанам, французам,

японцам: «У нас древняя страна, обновить ее нелегко, помогите нам, а не грабьте на пожаре!» Все будет напрасно. Люди станут обижать тебя именно потому, что ты слаб; высмеивать тебя, если ты поднялся на протест. Отношения между государствами — это борьба не на жизнь, а на смерть! Пока вы сами не усовершенствуете свою страну, не сделаете ее сильной, никто не будет уважать вас. Государство могут спасти только знания. Ведь в Китае не хватает и пушек, и самолетов, и различных специалистов. Если ты не станешь настоящим специалистом, ты не сумеешь ничем помочь своей родине!

Сейчас тебе выдался прекрасный случай: ты приехал за границу, можешь собственными глазами увидеть наши достоинства и недостатки, сравнить их с вашими, а потом спокойно все обдумать. Не нужно поддаваться эмоциям. У англичан тоже есть очевидная слабость — нежелание учиться. Видишь эти жалкие книги Пола? А у моей матери еще хватает ума хвастаться ими перед тобой. С другой стороны, Англию утвердили в мире именно настоящие люди, специалисты и ученые. Один из них открыл средство от холеры, и все человечество им лечится; другой изобрел телефон, и все человечество им пользу-

ется. Люди никогда не будут до конца равными, большинство из них идет за яркими личностями и героями. А китайцы тоже как следует не учатся, они уступают в этом даже англичанам…

Итак, не волнуйся понапрасну, а учись, только учись! Кстати, что ты собираешься изучать? Коммерцию? Прекрасно, но ты должен глубоко проникнуть в нее, чтобы помочь соотечественникам и конкурировать с иностранцами. Что же касается отца, то вы с Ли Цзыжуном обязаны заставить его работать! Я понимаю твои трудности: ты, с одной стороны, хочешь следовать китайскому принципу сыновней почтительности, а с другой — устранить надвигающуюся опасность; но совместить это невозможно. С европейской точки зрения избавиться от опасности важнее, чем твердить о своем почтении к родителям. Я родилась в Китае и чуть-чуть разбираюсь в ваших проблемах. В то же время я англичанка и знаю проблемы Англии, так что могу сравнивать. Если тебя будет что-нибудь мучить, заходи, попробую помочь хотя бы советом!

Честно сказать, мне и самой не очень весело: с родителями я не нахожу общего языка, о брате и говорить нечего. Но у меня есть свои дела, я тоже учусь и практически не чувствую тоски. Две

самые приятные вещи в жизни, на мой взгляд, — это получать знания и использовать их…

Кэтрин снова еле заметно улыбнулась.

— Послушай, Ма Вэй, — ласково сказала она. — Я хотела бы усовершенствоваться в китайском. Может быть, мы поможем друг другу? Ты будешь учить меня китайскому, а я тебя — английскому. Но… — Она поправила свои волосы. — Где нам это делать? Я не хочу, чтобы ты часто приходил сюда; откровенно говоря, мать не любит китайцев! У тебя? Но вы…

— У нас даже есть специальный кабинет, — поспешно прервал ее Ма Вэй. — Но мне неудобно заставлять тебя ездить туда-сюда…

— Это пустяки. Я часто хожу заниматься в Британский музей, а он недалеко от вас. Погоди, я еще должна подумать. Да, пусть так и будет, жди от меня вестей!

Говоря об изучении английского, Кэтрин назвала Ма Вэю разные нужные книги и посоветовала, как записаться в библиотеку.

— А теперь пойдем в гостиную, посмотрим, что там происходит!

— Спасибо тебе, сестрица! После этого разговора мне стало гораздо веселее! — тихо сказал Ма Вэй.

Кэтрин не ответила и еле заметно улыбнулась.

5

В гостиной миссис Ивенс и миссис Уэндел сидели, сдвинув головы, и тихо шушукались. Миссис Ивенс положила левую руку себе на колено, а правой рубила воздух перед лицом гостьи, несколько раз чуть не отшибив ей носик. Гостья тоже не оставалась в долгу и, разинув рот, покачивала головой перед миссис Ивенс, как будто собираясь откусить ей руку. О чем шептались дамы, никто не знал.

Господин Ма и пастор Ивенс разговаривали не менее доверительно. Очки пастора уж съехали на кончик носа. Александер сидел на стуле, далеко вытянув ноги и держа потухшую сигару. Глаза его были закрыты, лицо пылало, изо рта вырывался храп. Когда вошли Кэтрин и Ма Вэй, госпожа Ивенс поспешно предложила юноше кофе. Кэтрин села рядом с миссис Уэндел и включилась в их разговор.

Храп Александера становился все громче. Наконец он всхрапнул так оглушительно, что даже проснулся. «Кто меня разбудил?» — спросил он, моргая.

Этот вопрос всех ужасно рассмешил. Госпожа Ивенс смеялась так заразительно, что дрожали ее

ватные волосы. Коммерсант тоже кое-что понял и расхохотался, заглушив всех остальных.

— Господин Ма, пойдемте в бар, осушим по рюмочке! — возопил Александер, беря Ма-старшего за плечи. — Пойдем и ты, зятек, ладно?

Пастор толкнул очки к переносице и вопросительно глянул на жену.

— У него еще есть дела! — ответила госпожа Ивенс. — Хватит тебе, братец, господина Ма, только смотри не напои его! Слышал?

Александер подмигнул китайцу и промолчал. Ма-старший, улыбнувшись, встал и сказал сыну:

— Возвращайся домой с миссис Уэндел, а я выпью рюмочку — только одну! Я ведь никогда не пью много.

Поцеловав племянницу, Александер подхватил господина Ма под руку:

— Ну, пошли!

Мистер Ивенс проводил их до крыльца.

— Ты в самом деле не идешь? — спросил Александер.

— Увы, не пускают, — промолвил Ивенс и повернулся к господину Ма: — Скоро увидимся! Я еще хочу обсудить с вами одно дело.

Александер и Ма выбрались на Ланкастерскую улицу и пошли вдоль железной ограды парка.

Стояло лето, дни были длинными, и в парке, несмотря на приближающуюся темноту, все еще толпился народ. Листья на деревьях были сплошь зелеными, но цветы на клумбах горели в вечерней заре, как золотые. На берегу пруда росли какие-то мелкие белые цветочки, покрывавшие землю, словно только что выпавший снег; при взгляде на них человеку даже становилось холодно. Сквозь ветви деревьев можно было видеть и воду, над которой летали чайки. Вдали играл военный оркестр, мелькали красные мундиры музыкантов, и звуки оркестра доносились вместе с порывами прохладного ветерка. На небе не было ни облачка, только на западном краю среди листвы пестрела заря — разноцветная, точно шляпки гуляющих девушек.

В гостинице напротив парка были настежь открыты все окна, обрамленные белыми, розовыми, зелеными шторами. Возле них сидели женщины с обнаженными руками и пили чай, любуясь вечерней зарей в парке. Господин Ма тоже залюбовался ею, даже проникся каким-то поэтическим чувством, но стихов все-таки не сложил, ибо отродясь их не писал.

Александер шел только вперед, изредка улыбаясь прохожим. Наконец он добрался до бара,

радостно засмеялся и, облизнув губы, увлек за собой господина Ма.

Перед баром хромой музыкант играл на скрипке, прося подаяние. Коммерсант сделал вид, что не заметил его. Другой полунищий — седой старик — протяжно кричал: «Вечерняя газета!.. Вечерняя газета!» Тут Александер смилостивился, купил газету и сунул ее под мышку.

В баре возле стойки толпились мужчины и женщины, держа в руках бокалы, разговаривая и смеясь. Одна беззубая старуха с покрасневшим лицом продиралась сквозь толпу и спрашивала: «Вы не видели моего ребенка?!» Наверное, он куда-то убежал, пока она пьянствовала. Александер с трудом дождался, когда старуха пройдет, и потащил господина Ма в глубь бара.

Здесь, рядом с пианино, сидели несколько стариков. Один из них, прислонившись к стене и закрыв глаза, курил, держа в руке бокал. Полная и высокая женщина с налитыми кровью глазами, мотая головой, бренчала на пианино. Подле нее, тоже с бокалом, стоял рыжий и красноролжий верзила, который, разинув рот с тремя или четырьмя почерневшими зубами, пытался петь какой-то марш. Голос у него был неплохой, но мелодия никак не совпадала с тем, что игралось

на пианино.

Увидев господина Ма, женщина вдруг покраснела, затем побледнела и выдавила из себя:

— О боже! Китаеза пришел.

Она снова мотнула головой и, заерзав толстыми ляжками по табуретке, забренчала еще энергичнее. Певший верзила остановился, осушил свой бокал. Все старики, сидящие по углам, не раскрывая глаз, указали на него трубками и разом воскликнули: «Пой, Джордж!» Тот опять выпил, с шумом поставил бокал на столик и запел, по-прежнему никак не согласуясь с тем, что играло пианино.

— Что будешь пить, господин Ма? — спросил Александер.

— Все равно! — ответил тот и скромно сел на стул у стены.

Александер взял вина и, прихлебывая его, начал рассказывать свои китайские истории. Старики по углам раскрыли глаза, поглядели на Ма и тут же закрыли их. Поскольку голос Александера звучал значительно мощнее, чем пение Джорджа, последний обиделся и умолк; толстуха тоже обиделась — все стали слушать коммерсанта. Господин Ма заискивающе посматривал то на одного, то на другого, то на третьего и улыбался,

не забывая при этом пить. Джордж, у которого зять был солдатом в Гонконге, приблизился к Александеру, чтобы поведать ему свои впечатления о Китае, но тот работал языком, не переставая и не давая никому ни малейших шансов. В конце концов Джордж пошамкал ртом, пощелкал своими черными зубами и уселся.

— Еще рассказать? — спросил Александер, завершив первую историю.

Господин Ма кивнул.

— А еще? — после второй истории.

Ма кивнул снова…

Английские старики уже ушли на своих заплетающихся ногах; вслед за ними, надев шляпку и покачиваясь, ушла и толстуха. Джордж все еще ждал возможности поделиться своими китайскими впечатлениями, но Александер был неумолим. Разочарованный Джордж поглядел на часы и молча вышел, продолжив свое пение на улице.

К Александеру приблизилась официантка:

— Извините, господа, уже время закрывать!

— Спасибо, девушка! — громыхнул Александер. Он еще не напился, но знал, что по распоряжению правительства бары закрываются в одиннадцать, тут уж ничего не поделаешь. — Пойдем, госпо-

дин Ма!

Звезд на небе было так много, что они теснились одна к другой. На деревьях по обеим сторонам дороги, шелестя, дрожала листва, раздуваемая прохладным ветром. Мимо проезжали редкие машины; асфальтовая улица под их фарами напоминала сверкающий ледник, который сразу скрывался во тьме, едва машина исчезала. Кругом ни звука — лишь деревья, травы и пряно пахнущие цветы.

Господин Ма, держась за железную ограду, заглянул в парк: у деревьев как будто выросли ноги, они шатались из стороны в сторону, а вокруг деревьев плясали бесчисленные звезды. Ма Цзэжэнь оглянулся, еще крепче ухватился за решетку и протер глаза, но звезды продолжали плясать, как и огни газовых фонарей. Некоторые фонарные столбы, похожие на стебли гаоляна, казались искривленными, точно их согнул ветер.

Голова не слушалась его, она лезла куда-то вперед, таща за собой ноги. Вот он повис в воздухе, словно обезьяна, зацепившаяся за ветку и лакомящаяся персиками. Ноги еще не оторвались от тела, но уже не подчинялись ему, это была настоящая революция! Все прохожие на улице почему-то шли с двойниками. Странно! В мозгу

будто закрутили граммофонную пластинку, и она жужжала, жужжала не переставая.

Он все хорошо понимал и радовался, поскольку смотреть на окружающее было очень смешно. Особенно забавно выглядели фонарные столбы. Вволю посмеявшись, Ма отцепил одну руку от ограды и пошарил ею перед собой: «Дом вон там! Ничего, пойдем медленно, не торопясь. Куда спешить? И зачем?.. Алекс, ты куда делся? Он хороший человек! А кто это со мной разговаривает?» Господин Ма пошарил рукой вокруг и наткнулся на собственный нос: «Вот кто, оказывается, со мной говорит!.. Верно, парень?..»

6

Ма Вэй и миссис Уэндел вернулись домой. Вдова чувствовала себя немного усталой, так как слишком долго болтала с миссис Ивенс. В доме не было слышно ни звука, только Наполеон лаял во дворике. Хозяйка, не переодеваясь, ринулась во дворик: Наполеон сидел под кустом роз и, задрав голову, тявкал на звезды. Заслышав шаги хозяйки, он бросился к ней и начал клубком крутиться возле ее ног.

— Хэлло, мое золотце! Один остался? А где же Мэри?

Наполеон подпрыгнул и изо всех сил тявкнул, что означало: «Скорей обними меня! Мэри убежала и забыла обо мне, а я поймал трех больших мух и спугнул черную кошку!»

Миссис Уэндел понесла собачку в гостиную. Там у окна стоял Ма Вэй и смотрел на улицу. При виде хозяйки он тихо сказал:

— Что же это отец не возвращается?

— И Мэри куда-то пропала! — садясь, откликнулась вдова. Болонка радостно прыгала на ее груди. — Наполеон, потише, я устала! Иди поиграй с Ма Вэем! — Она протянула собачку юноше, но та напоследок сумела хвостиком сбросить новую хозяйкину шляпу.

На руках Ма Вэя болонка продолжала бесчинствовать. Тогда он начал чесать ее под подбородком, и собачка заметно успокоилась, уткнула нос в грудь Ма Вэя. Тут юноша обнаружил под ошейником какой-то предмет. Вытащил — оказалось, записка! Наполеон продолжал ждать почесывания и только помахивал хвостиком.

Ма Вэй передал записку хозяйке, та развернула и прочла:

«Мам, ужин я весь испортила, яичницу со сковородки никак не отодрать. А тут пришел Вашингтон и повел меня есть мороженое, так что

увидимся позже. Наполеон во дворике, любуется розами старого Ма. Мэри».

Вдова порвала записку, прикрыла ладонью рот и зевнула.

— Миссис Уэндел, вы ложитесь, я подожду их! — предложил Ма Вэй.

— Да, подожди, пожалуйста! Чашечку кофе не хочешь?

— Нет, спасибо.

— Пойдем, Наполеон! — Хозяйка взяла болонку и вышла.

В последнее время Ма Вэй уже нравился ей: во-первых, потому что он был очень вежливым и часто отпускал комплименты, а во-вторых, потому что он не нравился Мэри. Миссис Уэндел была немного строптивой и любила действовать наперекор другим.

Юноша открыл окно и сел у чайного столика, продолжая смотреть на улицу. Услышав чьи-нибудь шаги, он всматривался в темноту особенно внимательно, но все это был не отец. Ма Вэй взял с книжной полки какой-то роман, перелистнул несколько страниц, однако читать не стал и положил книгу на место. Хотел поиграть на пианино, но вспомнил, что уже слишком поздно. Снова вернулся к окну и, нахмурившись, подумал: «Как

веселятся сейчас другие молодые люди! Ни о чем не волнуются, спокойно гуляют с девушками, курят, ходят в кино, на футбол, если есть деньги… А я?.. Вынужден смотреть на этого грубого Алекса, на госпожу Ивенс с ее ватными волосами!..»

«Кстати, искренне ли говорила со мной ее дочь? Улыбалась она очень сердечно… Ей тоже невесело, но все-таки лучше, чем мне!» Перед его внутренним взором встала фигура Кэтрин с зачесанными назад волосами, с еле заметной улыбкой, и ему стало легче. Он задумался над чем-то и в то же время не решался думать, лишь покраснел. «Мэри, конечно… но она красива! С кем она ушла сегодня? Этот парень сейчас наверняка смотрит на нее, а может быть, и целует ее алые губки!» Ма Вэй нахмурился и стукнул себя кулаком по колену. В окно влетел порыв прохладного ветра, юноша встал и глубоко вздохнул.

Издалека послышался гул машины, сердце Ма Вэя подпрыгнуло. Через минуту автомобиль уже подкатил к крыльцу, кто-то из приехавших сказал: «Вот здесь!» Это был голос Мэри! Дверца открылась, но из нее вышла не Мэри, а полисмен! Он кивнул подбежавшему Ма Вэю, и тут только из машины вылезла Мэри — бледная, с округленными глазами, со шляпкой в руках, но все же не

очень всполошенная. Она указала внутрь:

— Там твой отец!

— Умер, что ли?! — Ма Вэй бросился к машине. Он решил, что отца сбили насмерть или, по крайней мере, ранили. Горло у него перехватило, губы задрожали.

— Бери его за ноги, понесем! — спокойно сказал полисмен.

Только теперь юноша осмелился внимательно рассмотреть отца. Господин Ма лежал на заднем сиденье, скрючившись и неестественно свесив ноги. Одна его рука покоилась на груди, другая — на сиденье. На лбу виднелся синяк, на носу и глазах — следы крови, но рот, казалось, улыбался.

— Отец, отец! — схватил его за руку Ма Вэй. Рука была холодная, тоже со следами крови, но почему-то потная.

— Бери же его, он жив, ничего страшного! — усмехнулся полисмен.

Юноша пощупал губы отца: действительно, дыхание есть, и усы слегка шевелятся. Заметно успокоившись, он взглянул на полисмена и покраснел. Вместе с полисменом и шофером они потащили пьяного господина Ма, голова которого болталась во все стороны, точно собираясь

отделиться от тела. В горле у старика что-то хрипело. Его втащили на третий этаж, положили на кровать, и тут, с новым хрипом, из его рта показалась белая слюна.

Мэри, уже порозовевшая, принесла кувшин холодной воды и полбутылки бренди. Ма Вэй взял все это, но девушка, поправив себе волосы, отобрала у него кувшин со словами:

— Я напою его, а ты заплати за такси!

Ма Вэй пощупал у себя в кармане — всего несколько медяков. Тогда он полез в карман отца, открыл кошелек, который, слава богу, оказался на месте, и дал шоферу фунт. Тот радостно заулыбался, бегом спустился вниз и уехал.

В уголке кошелька юноша обнаружил что-то твердое — наверное, кольцо с бриллиантом, однако разглядывать не стал, а засунул кошелек под отцовский матрац. Затем он стал благодарить полисмена, поднес ему коробку манильских сигар, но тот взял только одну, положил в карман и, пощупав голову господина Ма, сказал:

— Ничего страшного, просто перепил немного! — Он окинул взглядом комнату и медленно пошел к выходу. — До свиданья!

Тем временем Мэри влила в господина Ма немного воды, а подоспевший Ма Вэй расстегнул

ему пуговицы на рубашке. Потом он повернулся к девушке:

— Пожалуйста, не рассказывайте о случившемся вашей матушке! Хотя бы сегодня…

— Ладно, не скажу! — Лицо ее из порозовевшего уже стало обычным.

— Как вы его обнаружили?

Мэри погляделась в зеркало.

— Я ходила с Вашингтоном в Гайд-парк и вдруг на обратном пути наступила на что-то мягкое. Испугалась ужасно, даже подпрыгнула! Смотрю — это твой отец. Лежит на земле и барахтается, как крокодил. Я осталась присматривать за ним, а Вашингтон нашел полисмена и такси. Полисмен хотел отвезти господина Ма в больницу, но Вашингтон сказал, что твой отец просто пьян и лучше отвезти его домой. Видишь, как здорово все получилось! Но я ужасно испугалась, даже губы дрожали…

— Мисс Уэндел, я не знаю, как благодарить вас! Когда увидите Вашингтона, поблагодарите и его за меня! — В душе Ма Вэй ненавидел своего соперника, но иначе сказать не мог.

— Ладно. Пойду спать! — Мэри снова поглядела на господина Ма и сказала уже в дверях: — Дай ему еще воды.

Миссис Уэндел, слышавшая шум наверху, спросила, когда дочь спустилась:

— Что там произошло, Мэри?

— Ничего, мы вернулись поздно. А где Наполеон?

— Да уж, конечно, не во дворе!

— Ха-ха! Ладно, до завтра, мам!

7

Раздев отца, Ма Вэй укутал его одеялом. Господин Ма приоткрыл глаза и тут же снова закрыл их, пошамкав губами, но веки его еще дрожали, как будто не в силах вынести свет лампы. Юноша сел у его кровати и, убедившись, что отец способен двигаться, немного успокоился. «Этот Вашингтон каждый день с ней ходит! — снова нахмурился он. — Но, с другой стороны, они выручили отца. Сегодня Мэри вела себя совсем неплохо; может, сердце у нее не такое уж жестокое? А отец здорово сплоховал! Что, если бы на него машина наехала? Чертов Александер! Завтра же пойду к Ивенсам!»

Пока его мысли скакали, рука отца шевельнулась под одеялом, как будто он хотел повернуться. Затем господин Ма открыл рот и пробормотал:

— Больше не буду пить, сынок!

Голова его скользнула по подушке, и он снова умолк, но часа в три ночи проснулся. Вынул из-под одеяла руку и пощупал синяк на лбу, который уже превратился в шишку размером с утиное яйцо. В груди словно разожгли охапку хвороста, в глотке тоже жгло, как в давно не чищенной печной трубе. Руку саднило, особенно большой палец, голова, казалось, висела в пустоте и болталась из стороны в сторону, язык прилип к гортани, точно высохшая деревянная затычка. Ма-старший разинул рот, вдохнул прохладного воздуха, и стало чуть полегче, но вся горечь изнутри ударила в глотку, как будто в ней застрял терпкий финик.

— Ма Вэй, дай попить! Где ты?

Юноша в это время дремал на стуле, его мозг витал где-то далеко-далеко. Услышав возглас отца, он клюнул носом, вздернул голову и открыл глаза. Лампа все еще горела.

— Тебе лучше, отец?

Господин Ма снова закрыл глаза и пощупал грудь:

— Пить хочется!

Ма Вэй дал ему стакан воды, но отец, увидев ее, покачал головой:

— Нет, чаю!

— Где же сейчас кипятка взять?

Господин Ма долго молчал, хотел перетерпеть, но в горле слишком жгло, и он не выдержал:

— Ладно, вода тоже сойдет!

Он разом выпил всю воду, потом облизнул губы и уронил голову на подушку. Через некоторое время старший Ма снова попросил пить, еще и еще, пока лишняя вода не начала выливаться у него через нос.

— Ма Вэй, я не умру? — тихо спросил он. — Дай мне зеркальце!

Посмотревшись в зеркальце, он удовлетворенно кивнул: все было более или менее ничего, только глаза мутные. На белках красные прожилки, а под ними что-то желтое. Шишка на лбу — это пустяки, легкая рана, но глаза!

— Так я не умру, сынок?

— Отчего же тут умирать? — Ма Вэй хотел добавить еще что-то, однако постеснялся.

Господин Ма отложил зеркальце, потом опять взял, поглядел на язык. Он все еще не мог решить, ждет его смерть или нет.

— Сынок, когда я вернулся? — Ма Цзэжэнь смутно помнил Александера, бар, парк, но не мог вспомнить, как он добрался из парка до дома.

— Поздно. Мисс Уэндел привезла тебя на ма-

шине.

— А! — откликнулся господин Ма. В душе он немного раскаивался, но не видел необходимости открыто признать свою неправоту, тем более перед собственным сыном. Это молодые должны вести себя скромно, а старики могут и побеситься, даже крепко выпить. Ведь он пока еще не умер, значит… При этой мысли от сердца у него отлегло, и он великодушно произнес:

— Ты можешь идти спать, я, наверное, выживу.

— Но я не устал! — возразил Ма Вэй.

— Иди, иди! — На самом деле господин Ма был рад, что сын не хочет уходить, однако ему захотелось подчеркнуть не только «сыновнюю почтительность», но и «отцовское милосердие»[7].

Юноша еще плотнее укрыл отца одеялом и, завернувшись в плед, сел в кресло. Ма-старший снова задремал, потом все-таки проснулся от боли. О голове и большом пальце нечего и говорить, но страшно, что болели и ноги, и локти, даже позвоночник. Господин Ма ощупал всего себя: кажется, кости не сломаны, других ран тоже нет,

---

[7] Примечания: 7
Конфуцианские понятия.

а болит! Он не хотел стонать, чтобы не волновать сына, но без этого было невозможно. С другой стороны, стонать пересохшей глоткой очень неинтересно. Обычно, когда у него побаливала голова, Ма Цзэжэнь стонал мелодично, будто стихи декламировал, а сегодня не то, не до мелодий!

Он тихо скулил, размышляя о проблеме смерти: «Когда люди умирают, они всегда стонут. Если и не умрут, то, по крайней мере, насладятся, а то живешь-живешь целую жизнь без всяких удовольствий, это уж совсем несправедливо… В следующий раз нельзя пить так много, это просто опасно! Но почему, собственно, не выпить с хорошим человеком? Это же общение! Главное — не помереть, и тогда все нормально…» Устроив голову на подушке поудобнее, он снова уснул.

Подули розовые губы солнца, принеся ветерок с капельками росы. Лондон снова поднимался. Толкали свои тележки продавцы молока и зелени, шли вперевалку рабочие с трубками в зубах. Цветы на заднем дворике миссис Уэндел обзавелись новыми лепестками, Наполеон тщательно обнюхал их и заодно поймал двух еще не совсем проснувшихся мух.

Звуки, доносившиеся с улицы, разбудили господина Ма. Внутри у него по-прежнему жгло,

во рту было нестерпимо сухо, язык напоминал подошву от только что купленных туфель. В желудке пусто, но зато грудь чем-то забита, без конца позывает к рвоте. Утиное яйцо на лбу уже не такое большое, однако все еще болит.

При мысли о своих страданиях господин Ма заметно успокоился: кто не пожалеет больного? Даже Ли Цзыжуну придется считаться с этим. Когда детишки едят немытые яблоки, их часто поколачивают, но стоит им заболеть, как все улаживается, потому что больного бить неудобно. Его не только не бьют, но и угощают конфетами, другими лакомствами. А старикам сам Бог велел болеть, их тогда жалеют еще больше. Правильно, он болен! И господин Ма застонал уже довольно мелодично.

Сын вытер ему лицо горячим мокрым полотенцем, спросил, что он хочет съесть, но Ма-старший только покачал головой. Умереть он не умер, однако почти смертельно болен, а разве больной может разговаривать? Нет, надо молчать.

Миссис Уэндел, уже узнавшая о похождениях господина Ма, и сердилась и смеялась в душе, но, поднявшись наверх, напустила на себя участливый вид. Подойдя к кровати, спросила, что он хочет съесть или выпить; Ма-старший снова

покачал головой. Вдова хотела вызвать врача, но больной замотал головой еще активнее.

Мэри, позавтракав, тоже пришла.

— Я думаю, вам сегодня опять стоит выпить! — пошутила она.

Господин Ма чуть не расхохотался, но вовремя вспомнил, что он болен, а больному смеяться не полагается, поэтому он простонал:

— Ох, мисс Уэндел, доставил я вам вчера хлопот! Когда выздоровею, обязательно куплю вам новую шляпку…

— Хорошо, только не забудьте! — усмехнулась Мэри и убежала.

Миссис Уэндел все-таки принесла завтрак. Ма-старший выпил лишь чай, но и он произвел немалый переполох в его пищеварительном тракте.

Ма Вэй отправился к Ли Цзыжуну, чтобы тот пораньше пришел в лавку. Вдова спустилась вниз по своим делам, а господину Ма для компании принесла Наполеона. Болонка вспрыгнула на кровать, обнюхала больного с головы до ног и тихо вылакала молоко, от которого отказался Ма-старший.

Когда Ма Вэй вернулся и услышал, что отец все стонет, он тоже предложил вызвать врача, но

господин Ма держался неколебимо:

— К чему этот врач? Я постону, и мне полегчает!

Хозяйка принесла из садика охапку роз и других цветов и поставила их в вазу перед кроватью. Услышав запах, Ма-старший возрадовался и, продолжая стонать, заговорил с Наполеоном:

— Ты вот посмотри и понюхай! Разве на свете есть что-нибудь более прекрасное, чем цветы? Ни ты, ни я не знаем. Когда цветы распускаются, они благоухают, а потом лепестки опадают, и все кончается. Такова и человеческая жизнь, и ваша, собачья. Никто не знает, для чего она!.. Ох, только бы не умереть! Как ты думаешь, я умру?

Наполеон ничего не ответил, только масляными глазками смотрел на кусочек сахара на тарелке, однако схватить его не решался.

Вечером пришел Ли Цзыжун, принеся больному гроздь бананов и корзину слив. Господин Ма боялся, что приказчик начнет поучать его, и застонал особенно усердно. Но Ли Цзыжун ничего не сказал, лишь долго шептался с Ма Вэем в кабинете.

Пришел и Александер, неизвестно откуда узнавший, что Ма заболел. Он торжественно преподнес больному бутылку бренди.

— Ну что ж вы, господин Ма, выпили сущую каплю и свалились на улице? Ладно, вот вам подкрепление! — Он поставил бутылку на столик, вынул манильскую сигару и мигом закоптил всю комнату.

— Я много не пью! — Ма перестал стонать и через силу улыбнулся. — Никогда много не пил, впервые попробовал, вот и свалился. Но в следующий раз мы еще посмотрим, кто кого перепьет!

— Ничего, полисмены на улицах есть! — захохотал Александер.

Наполеон, привлеченный этим смехом, тихонечко подбежал, тщательно обнюхал толстые каблуки Александера, но не осмелился погрызть их, хотя точно знал, что каблуки эти очень вкусны.

8

Погода в Лондоне меняется не сильно, но быстро. Стоит небу посереть, как на голых руках девушек от холодного ветра вскакивают пупырышки, а старики и старухи начинают наперебой чихать и простужаться. Пастор Ивенс никогда не отставал в этом отношении. Посидев в парке под деревом, он вскоре почувствовал, что в носу у него щиплет, и вовсю зачихал. Сразу вернулся

домой, лег в кровать, и жена дала ему чая с лимоном, а заодно положила под одеяло грелку. Но он продолжал чихать все громче и сильнее, так что его нос давно бы взорвался, если б не был достаточно прочен.

Пастор никогда не задевал свою жену, только во время болезни. Узнав, что господин Ма так опозорился, он был очень недоволен. А тут еще сам простудился — это усилило его агрессивность. «С таким трудом перевез сюда китайского прихожанина, а этот Александер напоил его до полного неприличия! Мы едва успеваем обращать туземцев в истинную веру, а он их тут же развращает! Вместо мудрых изречений из Библии накачивает людей винищем! Ап-чхи! Если бы он не напоил старого Ма, и я бы не простудился — ведь я поджидал их в парке. Ап-чхи! Все он, ее братец! Придется объясниться с ней как следует, чтобы он не смел совращать правоверных христиан. Она не должна больше приглашать его… Ап-чхи! Первым делом ее проучим!»

Он уже приоткрыл одеяло, чтобы пойти с ней поругаться, как в окно влетел порыв холодного ветра. «Ап-чхи! Нет уж, жизнь дороже, завтра поговорим! Но, когда поправлюсь немного, наверное, храбрость исчезнет? Это трудно сказать».

Опыт подсказывал Ивенсу, что он только дважды или трижды одерживал верх над женой, и каждый раз — во время своей болезни. Тогда жена говорила: «Ладно, замолчи, ты прав, устраивает? Я не могу скандалить с больным!» И он торжествовал, гремя в победные барабаны. А после болезни что будет? Если жена врубит сплеча, плохо дело! Но на сей раз не поскандалить с ней невозможно, никак невозможно… «Я крестил этого старого Ма, а ее братец его спаивает! Что она может мне возразить? К тому же Кэтрин наверняка будет на моей стороне. Пол обычно поддерживает мать, но он сейчас в отъезде, ха-ха! Конечно, ради китайца не стоило бы идти на скандал, однако иначе не ублаготворить Бога! Да и Ма Вэй может предъявить мне претензии: эти молодые желтолицые черти поумнее старых, дьявол бы их побрал! Или миссис Уэндел будет недовольна… Да, без скандала не обойдешься. К тому же мне всегда был противен этот Александер!»

Ивенс прижал ноги к грелке, тепло приятно потекло по ступням, он закрыл глаза и вскоре заснул. Ночью он неожиданно проснулся: за окном шумел противный дождь, в форточку дул холодный ветер, от которого нос пастора основательно замерз. Ивенс сунул голову под одеяло,

размышляя, как завтра будет ругаться с женой, и захлопал глазами. Нет, лучше не думать об этом, а то сердце все больше размягчается, с таким не победишь! На улице залаяла собака… Что это она лает? Явно не к добру!

Наутро дочь принесла ему завтрак. Пастор сначала хотел отказаться, но запах яичницы с ветчиной был слишком соблазнителен. «Ладно, поем! К тому же английские завтраки, как известно, самые вкусные в мире… Отречься от завтрака — значит лишиться своей национальной специфики. Съем, и притом все целиком!»

После завтрака Ивенс снова приободрился и решил ринуться в бой — иначе зачем он поглощал этот завтрак? Когда Кэтрин спросила его, не хочет ли он чего-нибудь еще, он ответил вопросом на вопрос:

— Твоя мать дома?

— Да, на кухне, а зачем она тебе? — промолвила девушка, забирая поднос с посудой. Она еще не успела причесаться, и волосы причудливо падали на ее белоснежную шею.

— Ее брат, твой милейший дядюшка, напоил вдрызг Ма-старшего! — Ивенс завертел глазами, потому что был без очков и не знал, куда направить свои зрачки.

Кэтрин, усмехнувшись, ничего не сказала.

— Я кровью своего сердца учил Ма вечным истинам, а Александер одним движением все испортил!

Девушка снова усмехнулась — вернее, лишь шевельнула губами, но улыбка получилась вполне отчетливой и очень красивой.

— Ты поддержишь меня, Кэт?

Кэтрин поставила поднос и, сев на край постели, ласково похлопала отца по руке:

— Конечно, поддержу! Я всегда тебя поддерживаю. Но зачем тебе ссориться с мамой? Потом увидишь дядю Алекса и скажешь ему все, что считаешь нужным.

— Меня он не послушает, он вечно смеется надо мной! — Ивенс взгрустнул при мысли о том, какая тяжкая миссия ему сегодня предстоит. — Нет, это мама должна поговорить с ним, а если я с ней не поскандалю, она с ним не заговорит! — Он наконец сформулировал свое главное опасение.

Видя, как дрожит у отца голова, как заострился его нос, Кэтрин поняла, что он действительно очень волнуется, и успокаивающим тоном сказала:

— Выздоровей сначала, а через день-два все уладишь!

— Нет, я не могу ждать! — Он знал, что после выздоровления у него уже не хватит смелости, и в то же время опасался, что это поймет дочь, поэтому быстро добавил: — Я не боюсь ее! Я глава семьи! Это мой дом!

— Я поговорю с ней, верь мне. Ладно?

Ивенс промолчал, лишь смахнул со рта остатки яичницы. Если бы его рот был поменьше, пастор был бы похож на только что вылупившегося цыпленка.

— Не хочешь еще чаю? — спросила Кэтрин, забирая поднос.

— Нет. Поговори со своей матерью. Ладно. — Пастор чувствовал, что немного заикается, но для больного это сойдет. — Итак, поговори с ней!

— Ладно, иду! — с улыбкой кивнула девушка и вышла.

— Иди, иди! Если у тебя разговор не получится, я сам за это возьмусь! — уже после ее ухода бормотал Ивенс, как бы заводя себя. — Ох, забыл сказать Кэтрин, чтобы принесла мне трубку! — Он приподнялся и поглядел, нет ли трубки где-нибудь рядом. — Впрочем, у меня еще есть сигара, которую в тот злополучный день дал мне Александер! О, как вспомню это имя, так злость берет!

После обеда, когда мать и дочь обсуждали

происшествие с господином Ма, вернулся Пол. Это был двадцатипятилетний парень, еще выше матери, с редкими, аккуратно зачесанными белокурыми волосами. Его желтые глаза постоянно рыскали по сторонам, но необязательно что-нибудь видели. На нем были голубая куртка, широкие фланелевые брюки, рубашка с отложным воротником и желто-красный галстук. Руки вечно засунуты в карманы, как будто приросли к ним. Во рту — небольшая трубочка, давно погасшая.

Войдя, он вынул из кармана одну руку, взял в нее трубку и поцеловался с матерью и сестрой.

— Пол, ты что собираешься делать в ближайшие дни? — спросила миссис Ивенс. Ее сухое лицо даже порозовело от радостного возбуждения: Пол был ее любимчиком.

— Да все то же! — процедил парень и, усевшись, вернул трубку в рот, а руки — в карманы.

Госпожа Ивенс еще больше возбудилась: все-таки он настоящий мужчина, это чувствуется в каждом его слове! В последние дни он вместе с несколькими сверстниками жил в палатке на природе, так что об этом действительно нечего долго говорить. Все то же.

— Мама, ты потолкуй, пожалуйста, с отцом, он

ведь болен и волнуется! — сказала Кэтрин, как бы завершая их предыдущий разговор.

— А что такое? — тоном судьи спросил Пол.

— Господин Ма напился! — ответила за Кэтрин мать.

— А к нам это какое имеет отношение? — сморщил нос юноша.

— Я пригласила его с сыном на обед, а он с дядей Алексом отправился потом в бар, — продолжала мать, поглядывая на Кэтрин.

— Ну и скажи отцу, что больше не будешь их звать. Невелика честь таскать к себе домой китаез!

— Нет, Пол, не говори так! Мы настоящие христиане и должны любить ближних. Это твой дядя повел Ма пропустить рюмочку…

— И напились?

— Алекс нет, а Ма свалился на улице.

— Я знаю, что дядя Алекс силен, люблю этого старика! — Пол снова вытащил изо рта потухшую трубку и, понюхав ее, обратился к сестре: — Кэт, ты что, хочешь помочь китайцам свалить все на нашего дядю? Не обращай на них внимания, это же азиаты! Помнишь, как в детстве мы бросали им в головы глиняные шарики? Они даже визжали от боли!

— Нет, не помню, — холодно ответила Кэтрин.

Тут дверь распахнулась, и перед ними, словно привидение, предстал мистер Ивенс в длинном халате.

— Скорей возвращайся к себе, — вскочила его жена. — Чуть лучше стало, а он уже бродит!

Пастор взглянул на сына.

— Хэлло, старый друг! — вскричал Пол. — Ты снова простудился? Ну-ка, ложись скорее! Давай, я тебя отведу! — Он бросил трубку и чуть не волоком потащил отца наверх.

В результате Ивенс не только не излил своего гнева, но еще больше рассердился, ибо сын фактически унизил его перед родными. Лежа в постели и куря манильскую сигару Александера, пастор вовсю ругал шурина.

9

Когда городская жизнь развивается до английского уровня, время начинает исчисляться на вес золота. Потратил попусту четверть часа — все равно что потерял золотую крупинку. Только люди, обладающие горами золота и серебра, могут бездумно танцевать, ходить по театрам, пировать, приглашать гостей, болтать, распространять слухи, охотиться, плавать, болеть, а все

остальные, простые люди, вынуждены соразмерять каждый свой шаг со временем. За спиной их вечно занятого суматошного общества всегда стоит жесткий и неумолимый предмет — часы! Экономика, зависящая от времени, значительно сократила живые связи людей между собой, сделав письма и телефоны подлинными благоценностями цивилизации. Если у миссис Уайт умер муж, то миссис Блак чаще всего не приходит к ней с соболезнованием, а ограничивается письмом — занята! Миссис Уайт звонит ей по телефону, благодарит, и все.

Господин Ма недоумевал, зачем почтальон приходит в их дом раз по пять в день: откуда столько писем? Почти каждый вечер миссис Уэндел, взяв перо и нахмурив брови, тоже писала письма, но кому? О чем писать? Он удивлялся и в то же время немного ревновал, потому что за письменным столом хозяйка выглядела очень красивой. Жаль, что она не ему пишет! Все иностранные женщины какие-то дикие… Ма-старший не мог сказать, влюбился ли он в нее, но каждый раз, когда она писала письма другим, его сердце ныло.

С тех пор как отец и сын поселились у нее, вдове действительно приходилось писать больше, чем прежде, потому что в дом, где жили китайцы,

неудобно было приглашать ни родственников, ни друзей. «Разве можно кого-нибудь посадить за один стол с желтолицыми? А кормить китайцев отдельно — слишком хлопотно. Им самим-то, может быть, и ничего, но за что же мне такое наказание? Ладно, напишу друзьям письма, передам приветы, и все будут довольны!»

Кстати, раза два она приглашала к себе гостей, но никто не приходил. Причина проскальзывала между строк ответных писем: «Не хотим мы сидеть рядом с китайцами!» Конечно, прямо об этом не говорилось, но она ведь не дура, сама кое-что видит. Вот почему, сочиняя очередное письмо, вдова почти каждый раз думала: «Пожалуй, права была дочь, не следовало сдавать квартиру азиатам! Мэри от этого не очень страдает — целыми днями носится всюду со своими приятелями, а я обрекла себя на полное одиночество: ни людей позвать, ни в гости сходить. Ради двух китайцев лишиться общества и всяких развлечений?» Она невольно роняла слезы, но понимала, что выгнать квартирантов нет оснований, китайцы ни в чем не виноваты, даже платят больше других. И она, нахмурив брови, продолжала писать дипломатические письма.

Перед завтраком Мэри вытащила из почтового

ящика два конверта. В одном был счет за газ, в другом — письмо из деревни.

— Мам, тетя Дороти прислала ответ! Посмотри!

Миссис Уэндел как раз в это время готовила завтрак и, не имея возможности оторваться, попросила дочь прочесть вслух. Мэри открыла конверт ножичком:

> Дорогая Сьюзен!
>
> Спасибо за письмо, но я снова заболела и не смогу приехать в Лондон, извини! Говорят, у вас живут два китайца, это правда?
>
> ***Твоя подруга Дороти***

Девушка бросила письмо на стол:

— Ты посмотри, мам, она не приедет! Чувствуешь почему?

— Приедет она или нет, а мы с тобой отправимся отдыхать! — Миссис Уэндел в сердцах вылила яйца на сковородку, и кипящее масло брызнуло ей на руку. — О, проклятье!

Приготовив завтрак, она положила порцию господина Ма на поднос и понесла наверх. Тот давно уже оправился от своего опьянения, даже шишка зажила, но вел себя с предельной осторожностью. Утром вставал не раньше одиннадцати, завтра-

кал только в постели.

Едва миссис Уэндел вышла из дверей кухни, как на нее радостно налетел Наполеон, вернувшийся со дворика. Вдова испугалась от неожиданности, ноги у нее обмякли, и она присела на порожек. Поднос немедленно перевернулся, яичница оказалась на ковре, а бутерброды стукнули Наполеона по носу. Собачка посмотрела на хозяйку, понюхала бутерброды, поняла, что она сделала что-то не то, и, поджав хвост, снова отправилась во дворик.

— Что с тобой, мам? — поспешно подняла вдову Мэри. — Что случилось?

Миссис Уэндел побледнела, потом покраснела, на носу выступил холодный пот, губы и руки задрожали. Она тупо смотрела на еду, валявшуюся на полу, и не произносила ни звука. Дочь, тоже побледнев, перевела мать на стул, велела ей спокойно сидеть, а сама начала собирать все с пола. Тарелки из-за ковра не разбились, только у молочника ручка откололась.

— Мам, что с тобой? — повторила Мэри.

Вдова покраснела еще больше, как будто разом вспомнив все свои жизненные горести. Губы вдруг перестали дрожать, она ощутила неодолимую потребность выговориться:

— Мэри, я не могу больше! Такая жизнь не по мне… Все деньги, деньги, деньги — всегда и во всем! Твой отец надорвался ради денег, я работала ради них же, да еще страдала… Сейчас вынуждена прислуживать китайцам, а друзья меня презирают! Неужели умные люди не могут чего-нибудь придумать, отменить эти проклятые деньги? Получается, что без денег в жизни нет никаких радостей…

Произнеся это, миссис Уэндел немного успокоилась, но слезы хлынули у нее потоком. Мэри не знала, что делать, только утирала ей глаза платочком:

— Не надо им прислуживать, мам, скажи, чтоб они съехали!

— А на что жить?

— Можно другим квартиру сдать.

— Они меньше платить будут!

Мэри не очень понимала, что произошло, но увидев, что у матери уже нет слез, начала вытирать собственные глаза. После долгого молчания вдова поднялась:

— Завтракай, Мэри, а я пойду к Наполеону…

— Мам, ты почему все-таки упала?

— Наполеон неожиданно бросился на меня и испугал.

Девушка позвала Ма Вэя завтракать. Видя выражение ее лица, он не решился заговорить: просто отнес отцу часть того, что приготовили для него.

После завтрака Мэри ушла во дворик к матери. Та стояла с Наполеоном в руках у куста роз. Солнце уже позолотило все цветы; шевеля листьями, дул легкий ветерок, и во дворике было удивительно свежо. На одуванчиках у стены облетали пушинки, похожие на крохотных старичков; они медленно поднимались в воздух вслед за ветром. Наполеон одним глазом следил за своей хозяйкой, а другим — за седыми «старичками», но от стыда не смел лаять.

— Ну как, мам, тебе лучше?

— Да. Иди по своим делам! Наверное, уже много времени? — Лицо миссис Уэндел не было таким красным, как недавно, но все-таки горело под солнечными лучами, потому что здесь она успела снова поплакать. Даже у болонки глаза, казалось, были влажными. Завидев Мэри, она вильнула хвостиком.

— Наполеон, ты хоть чувствуешь себя виноватым перед мамой? — спросила девушка. — Кто ее напугал и свалил?

Миссис Уэндел слегка улыбнулась:

— Иди на работу, Мэри, уже поздно!

— До свидания, мама! До свидания, Наполеон! Мам, ты все-таки должна поесть!

Видя, что хозяйка засмеялась, Наполеон наконец решился дважды пролаять, как бы прощаясь с Мэри.

10

После ухода дочери миссис Уэндел с Наполеоном вернулась на кухню, вскипятила чайник, сварила одно яйцо, но еда не шла в горло, и она отнесла остаток яйца болонке. Хотела убрать в доме, но почему-то было лень. Она посмотрела в окно: погода все такая же ясная. Может быть, прогуляться в парке? Услышав про парк, Наполеон навострил уши; у него даже слюнки потекли. Вдова переоделась, почистила туфли и надела шляпу. Ей не терпелось выйти на улицу, но англичане любят солидность, и показаться на людях, не переодевшись, она не могла, какое бы настроение у нее ни было. К тому же она все-таки женщина…

Конечно, она не воплощение красоты, однако тоже должна наряжаться. Эти молодые девицы, включая Мэри, не понимают, что такое красота: юбки у них до неприличия короткие, шляпки — крохотные, как яичная скорлупа. Но времена

меняются, никого не вразумишь! А если бы она сама все еще была молодой? Тоже, наверное, носила бы короткие юбки и крохотные шляпки. Ведь что женщины носят, то мужчины и любят. Мужчины! Хорошо бы сейчас пожаловаться одному из них… Может быть, господину Ма? Фу, он же китаец! Кстати, встал он уже или нет? Надо бы пойти посмотреть. Да нет, бог с ним…

— Наполеон, ну-ка иди сюда, я тебя причешу! Где ты снова вымазался?

Собачка, высунув язык, позволила привести себя в порядок, а потом задней ногой начала чесать под подбородком, как будто там были вши. Впрочем, может, они и в самом деле там были.

Выйдя на улицу, вдова села в автобус и заплатила медяк до Риджентс-парка. Она поднялась на второй этаж автобуса, где дул теплый свежий ветерок. Наполеон прильнул к перилам и пытался зубами ухватить свисающие зеленые листочки тополей, но ему никак не удавалось это сделать, потому что автобус шел слишком быстро.

Риджентс-парк благоухал цветами: темно-красные георгины, крупные голубые колокольчики, белые и желтые хризантемы — все улыбались под солнечным светом и, казалось, кричали: «Мы — посланцы природы! Мы — душа лета!» Листья

на деревьях тихо шевелились и оставляли на песчаных дорожках подвижные узоры. На белых руках девушек, сидевших на скамьях, тоже мелькали зелено-золотые узоры. Найдя свободное место, вдова отпустила Наполеона, а сама принялась вдыхать запах цветов и трав, наслаждаться солнечными лучами, пробивавшимися сквозь листву.

На сердце миссис Уэндел стало спокойнее, но в голове по-прежнему стоял туман, вспоминались всякие странные вещи. Неожиданно ветер приподнял ее юбку, солнечный свет брызнул на ноги, и она вся покрылась испариной. Поспешно поправив юбку, вдова покраснела. Двадцать лет назад она бывала с мужем здесь, сидела на лавке, слушала далекий львиный рев, доносящийся из зоопарка! Сколько времени прошло с тех пор, а она так и не ходила больше в зоопарк. Когда Мэри была маленькой, он нес дочку на руках, а миссис Уэндел шла с какой-нибудь едой, и они вместе кормили обезьян. «Как было тогда весело! И цветы, пожалуй, пахли лучше, чем сейчас. Все-таки жизнь — жестокая штука и все время меняется к худшему. Прислуживать китайцам — подобное и во сне не могло присниться!

Пора возвращаться, размышлять бессмыслен-

но. Надо жить, вот и все. Может быть, я постарела? Нет, богатые женщины и после пятидесяти выглядят как цветы! Мэри не понимает этого, но если она выйдет замуж, я останусь совсем одна, еще более одинокой!» Птица на дереве что-то крикнула, и вдове показалось, будто та произнесла: «Одинокая, одинокая!» «Да, пора возвращаться и посмотреть на господина Ма. Что это я все время думаю о нем? Странная все-таки вещь — отношения мужчины и женщины. Он китаец, люди смеются надо мной, но почему я должна обращать внимание на то, что говорят другие?» Пролетел воробей, едва не коснувшись ее шляпы. «Бедные птицы, целыми днями вынуждены летать в поисках пищи! А где же Наполеон? Его не видно…»

— Наполеон! — вскочила вдова, озираясь по сторонам. — Ты не видел Наполеона? — спросила она мальчишку, что-то собиравшего под деревом в баночку.

— Это француз, что ли? — разинул рот мальчик.

— Нет, моя болонка! — усмехнулась миссис Уэндел.

Мальчишка покачал головой и снова присел на корточки.

Вдова беспокойно отправилась в глубь парка, заглянула и в клумбы, и за деревья, но собачки нигде не было. Не на шутку испугавшись, миссис Уэндел забыла обо всем другом — лишь бы отыскать Наполеона. Она побежала к задним воротам парка, оглядела обе стороны реки, опять тщетно. На реке плавали в лодках мужчины и женщины. Они посмеивались при виде ее старомодной шляпы, однако вдове не было дела до того, смеются над ней или нет, она продолжала осматривать берега. Чуть не плача, ковыляя на подгибающихся ногах, миссис Уэндел вдруг бессильно села на траву, люди снова засмеялись, но она и не ждала от них сочувствия. Пусть смотрят, ведь она все-таки не голая! Где же Наполеон? Под мостом возле ивы плескались два лебедя с целым выводком маленьких лебедят; в поднятых ими волнах колебалось отражение моста в воде. У моста важно, как бронзовое изваяние, стоял полисмен. «Надо его спросить!» — подумала вдова и уже хотела подойти, как из-за спины послышался возглас:

— Миссис Уэндел!

Это был Ма Вэй с Наполеоном на руках!

— Боже, Ма Вэй, это ты? Где ты его нашел? — Вдова поспешно забрала собачку и покрыла ее поцелуями. — Как ты здесь оказался? Садись,

отдохни вместе с нами!

Она так обрадовалась, что снова все забыла, даже то, что Ма Вэй — китаец.

— Я смотрел, как ребятишки ловят рыбу, и вдруг что-то ткнулось мне в ноги. Гляжу — Наполеон!

— Ах ты, маленькая дрянь, нехорошее золотце, заставил свою мамочку волноваться! Ну-ка, поблагодари Ма Вэя!

Наполеон дважды тявкнул. Продолжая крепко держать его, миссис Уэндел взглянула на реку, и все показалось вдруг красивым: и лодки, и фигуры мужчин и женщин, и лебеди с лебедятами.

— Ты грести умеешь, Ма Вэй?

Юноша покачал головой.

— Жаль, гребля — прекрасный спорт! А плавать?

— Немного умею, — улыбнулся Ма Вэй и, сев рядом, стал любоваться тем, как плавают лебеди.

— За последнее время ты что-то похудел.

— Да, вы же понимаете, из-за отца…

— Понимаю, — поддакнула вдова, неожиданно ощутив в себе новый прилив сочувствия. — Вы на отдых собираетесь куда-нибудь поехать?

— Нет, — снова замялся юноша и подумал: «Знаешь ли ты, что я люблю твою дочь?»

Опять подошел мальчишка, что-то собиравший

под деревом, увидел, что миссис Уэндел держит собачку и, утирая рот, спросил:

— Это и есть Наполеон, девушка?

Вдова усмехнулась от такого вольного обращения. Между тем, мальчишка продолжал:

— А почему ты сидишь с китайцем?

— Он нашел мне собачку! — все еще улыбаясь, промолвила миссис Уэндел.

— Подумаешь! — сказал мальчишка и умолк. Потом отбежал к дереву, подобрал сук, хотел бросить, но увидел вдалеке полисмена и раздумал.

— Не обращай на него внимания, Ма Вэй, он ведь еще ребенок!

— А я и не обращаю.

«Мне вы уже не противны! — чуть не сорвалось с языка миссис Уэндел. — Ведь вы хорошо себя ведете… Пусть другие смеются над вами, а я не буду!» Она снова взглянула на реку и сказала:

— Со следующей недели у Мэри начинается отпуск, мы хотим уехать на несколько дней. Вам придется питаться вне дома, ничего?

— Конечно, ничего. А Мэри едет вместе с вами? — спросил юноша, выдергивая из земли травинку.

— Да. Вообще-то я хотела найти женщину, которая бы вам готовила…

— Но никто не хочет прислуживать азиатам? — усмехнулся Ма Вэй.

Миссис Уэндел кивнула, поразившись его догадливости. С точки зрения англичан, только французы иногда бывают умнее их, а все остальные — набитые дураки. Лишь англичане мыслят по-настоящему правильно и могут понять друг друга, а если их понимает кто-то третий, это не просто удивительно, а крайне удивительно. Видя сообразительность юноши, вдова решила заодно проверить, есть ли у него чувство прекрасного:

— Как ты думаешь, Ма Вэй, у кого шляпы красивее — у меня или у Мэри?

— У обеих.

— Ты все-таки не ответил на мой вопрос.

— У вас.

— А когда увидишь Мэри, скажешь, что у нее?

— Нет, правда, миссис Уэндел, у вас обеих шляпы очень красивы! И отец так же говорит…

— Ах вот оно что! — Вдова сняла шляпу и отряхнула ее платочком.

— Мне пора идти. — Ма Вэй посмотрел на часы. — Сейчас к нам должна прийти мисс Ивенс заниматься со мной. Вы не идете?

— Иду! — решительно ответила миссис Уэндел и подумала: «Пусть смеются, что я иду с азиатом,

мне все равно!»

11

В последнее время Ма Вэй зачастил в Риджентс-парк с книгой в руках, находил тихий уголок и читал. Иногда он прочитывал всего несколько строк, а остальное время бесцельно листал страницы, даже не понимая, что он делает. Или бросал книгу на траву и ударял себя кулаком по голове: «Ты для чего сюда приехал? Учиться!!» Он ненавидел себя за никчемность, но все было напрасно — буквы не лезли в голову.

Он не мог не только читать, но и есть, пить, разговаривать с людьми. Почему? Все из-за Мэри. Лишь видя ее, он чувствовал себя хорошо. Так это и называется любовью? Ма Вэй краснел, ему жгло скулы. Только бы отец не заметил, да и другие тоже, не исключая Ли Цзыжуна! Но эти проклятые красные пятна на скулах все время пылают, их невозможно не заметить!

Каждый день он видел Мэри дважды — за завтраком и за ужином. Сколько часов проходило между этими мгновениями? Он не мог сосчитать. Порою еще до ужина он стоял в дверях и ждал, когда она вернется с работы. Но зачем было ждать? Все равно она только кивнет, иногда улыбнется,

а иногда и нет. Пойти в ее шляпный магазин? Неудобно. Ма Вэй крутился по улице, надеясь случайно встретить ее и пригласить куда-нибудь, хотя отлично знал, что она сейчас в магазине и ждать на улице бесполезно. А вдруг? Он заглядывал в разные лавки, в автобусы… Вдруг она там? Завидев похожий силуэт, он радостно подпрыгивал, забегал вперед — нет, не она! Иногда он долго следовал за какой-нибудь девушкой, наступая прохожим на ноги, не успевая извиняться, и вновь его ждало фиаско. Да, одета она была точно так же, но лицо совсем другое… Надо продолжать поиски!

Во время дождя он тоже выходил. А вдруг ее раньше отпустят с работы? «Ты совсем свихнулся, Ма Вэй! Когда это отпускали с работы по случаю дождя? Ничего, все равно дома не усидеть, выйду!» Зонтика он не брал, ненавидел зонтик — тот заслоняет лица прохожих. Шляпа тоже мешала, с нее лило, и он мог не заметить Мэри.

Вот, это уж точно она! Идет по той стороне улицы. Его сердце отчаянно прыгало, ноги болтались в штанинах. Догнать ее! Но что ей сказать? Пригласить на обед? Сейчас три часа, она уже наверняка пообедала. Пригласить на чай? Слишком рано. «А вдруг у нее важное дело, и я оторву ее.

Вдруг она просто не обратит на меня внимания, а прохожие будут глазеть. Вдруг она рассердится и больше никогда не захочет разговаривать со мной?» Он уже почти догонял ее, но тут храбрость его покидала. Он останавливался, следил за ней глазами и, наверное, расплакался бы, если б не находился на улице.

Почему он такой робкий, такой нерешительный? Сердце было пусто, он не знал, как относиться к себе. Ненавидеть? Избить самого себя? Пожалеть? Все это от него не зависело, только от нее. Она завладела его сердцем! Может быть, попытаться просто забыть ее, не видеться с ней? Ведь на свете много девушек, зачем обязательно любить ее? Каждый раз, когда Мэри густо накрашивает губы, она так уродлива! К тому же она англичанка; совершенно незачем влюбляться в иностранку. «В будущем я непременно вернусь на родину, но разве я смогу взять с собой Мэри? Конечно, нет. Значит, все, надо забросить ее за облака, на девятое небо! Но она почему-то возвращается. Нет, это не она, это ее образ. Ямочки на щеках шевелятся, губы дрожат, чуть обнажая белые зубки, золотые волосы колышутся, словно весенние волны под солнечным светом, — все так естественно и красиво. Ни о чем так не хочется

думать и говорить, как о Мэри!

Если бы я мог обнять ее, я бы жизнь отдал за это! Однажды в кино, в темном зале, я взял ее за руку — она оказалась такой мягкой! Мэри, похоже, не имела ничего против: может быть, иностранки вообще ведут себя свободнее, чем китаянки, а может, она не совсем равнодушна ко мне… Иначе почему она стала спасать моего отца? Выходит, у меня есть надежда? Но этот проклятый Вашингтон! Он наверняка трогал ее не только за руки, но и… Ненавижу его! Если бы она была китаянкой, я непременно сказал бы ей: “Я люблю тебя!” Но ты уверен, что смог бы вести себя так смело с китаянкой? Эх, Ма Вэй, Ма Вэй, никчемный ты человек! И думать не смей о Мэри, лучше учись как следует! А то и отец у тебя бестолковый, и ты такой же, как жить будешь? Нет, мне пока не до будущего, у меня теперь сердце болит, хоть помирай!..»

Перед ним текла река, летали птички, колыхались цветы под ветром. Все это, возможно, было красивее, чем Мэри, но человек есть человек, он сделан из плоти, да и любовь не только духовное чувство, подавлять ее бесполезно. Он совсем забыл, что сегодня к нему придет заниматься Кэтрин! Да, это очень важно, не учиться нельзя.

Когда он вернулся вместе с миссис Уэндел и Наполеоном, Кэтрин уже стояла на ступеньках. На ней были голубая кофта, хорошо сочетающаяся с ней желтая юбка и голубая соломенная шляпка с розовым цветком. Девушка стояла, склонив голову, и спокойно рассматривала собственную тень. «А ведь она тоже красива!» — подумал Ма Вэй.

— Как поживаете, мисс Ивенс? Входите, пожалуйста! — поздоровалась с ней за руку вдова.

— Извините, мисс Ивенс! Вы давно ждете? — спросил Ма Вэй.

— Нет, только что пришла, — улыбнулась Кэтрин.

— Поднимайтесь наверх, я не хочу мешать вашим занятиям! — промолвила хозяйка и, взяв Наполеона, направилась в гостиную.

— Еще увидимся, миссис Уэндел! — ответила девушка, вешая шляпу на вешалку и поправляя волосы.

Господин Ма, собиравшийся идти обедать, встретил Кэтрин на лестнице.

— Здравствуйте, мисс Ивенс! Как поживают ваши батюшка, матушка, брат? — Ма-старший никогда никого не забывал перечислить.

— Спасибо, все хорошо, а вы? Я слышала, мой дядя натворил с вами дел…

— Ничего, ничего! — зачастил господин Ма, как будто радуясь. — Это я сам виноват. Он добра мне хотел, вот и пригласил по-братски. Хи-хи-хи!

Кэтрин посторонилась, чтобы дать ему пройти:

— Ради бога, не теряйте на нас времени, мы с Ма Вэем должны заниматься.

— Тогда я вас покидаю, покидаю! Хи-хи-хи! — Господин Ма спустился немного и повернулся к сыну: — После обеда я пойду в лавку. — Эти слова он произнес совсем тихо, боясь, что Кэтрин услышит. «Пойти в лавку» было не бог весть какой честью; вот «пойти в департамент» — дело другое.

В кабинете Кэтрин уселась и вынула журнал:

— Ма Вэй, давай полчаса ты меня поучишь, а потом я тебя полчаса. Вот из этого журнала я перевела кусок на китайский. Сейчас я буду читать, а ты меня поправляй, хорошо?

Юноша открыл окно, солнечный свет упал прямо на ее волосы, и они заблестели, точно нимб над головой Богородицы. Взяв стул, Ма Вэй сел рядом с Кэтрин — так, чтобы не заслонять ее от солнечных лучей. «Какие у нее красивые волосы, даже лучше, чем у Мэри! Но Мэри, неизвестно почему, все равно желаннее ее. Наверное, у Мэри

красота внутренняя, а у Кэтрин — внешняя», — думал он и тут только сообразил, что еще не ответил на ее вопрос:

— Хорошо, а что ты мне советуешь читать?

— Лучше всего прозу, например Уэллса. Ты мне будешь читать до тех пор, пока я буду понимать на слух, а как только споткнешься, я тебя поправлю. Так ты выработаешь верное произношение. А незнакомые слова выписывай заранее, я тебе буду подсказывать их наиболее подходящие значения. Годится? Если у тебя есть другие идеи, тем лучше!

— Нет-нет, меня это вполне устраивает. Только я еще без книги. Давай сегодня я тебя поучу, а в следующий раз — ты меня.

— Ладно, тогда полчаса за мной! — усмехнулась девушка.

— Мама, ты купила себе новую шляпу? — воскликнула Мэри, едва войдя в дом и увидев шляпку Кэтрин.

— Откуда ты это взяла? — удивилась мать.

— Вот же! — Мэри указала на вешалку. В ее голубых глазах светилась безграничная зависть.

— Это не моя, а мисс Ивенс.

— Ой, мам, я тоже должна купить такую! А зачем она пришла? Только мне не нравится этот

розовый цветок! — Мэри нашла в шляпке недостаток специально для того, чтобы уменьшить свою зависть, которая часто ходит рука об руку с ревностью.

— А почему ты сегодня вернулась так рано?

— Я очень волновалась после того, как ты утром упала, вот и отпросилась пораньше. Сейчас ты хорошо себя чувствуешь? Мам, мне нужна такая шляпка! В нашем магазине не продают соломенных… Где же Кэтрин ее купила? — Мэри никак не могла оторваться взором от шляпки. Своей голубизной та действительно очень гармонировала с ее голубыми глазами.

— Ты обедала?

— Нет, только съела миндальное пирожное и выпила чашечку кофе — так к тебе торопилась!

— Мне лучше, иди по своим делам. Спасибо.

— А зачем пришла Кэтрин?

— Учиться у Ма Вэя китайскому.

— Пожалуй, я тоже буду у него учиться! — Мэри снова бросила взгляд на голубую шляпку.

Тут с лестницы спустились Кэтрин и Ма Вэй. Кэтрин поприветствовала вдову и ее дочь — очень естественно, без всякого жеманства. Потом, улыбаясь, сказала:

— Мэри, ты сегодня прекрасно выглядишь!

— Ты тоже прекрасно выглядишь в этой шляпке! — кисло ответила Мэри.

— Правда?

Мэри промолчала, но про себя подумала: «Притворяется, будто сама не чувствует!»

— До свидания, миссис Уэндел, до свидания, Мэри! — произнесла Кэтрин и кивнула Ма Вэю. Но Мэри вышла вместе с ней, бросив на прощание:

— Вечером увидимся, мам!

Юноша стоял на крыльце и смотрел им вслед. Казалось, между этими девушками не было абсолютно ничего общего, кроме пола. Кэтрин держалась очень прямо, поля ее шляпки слегка покачивались, а Мэри была вся устремлена вперед, но скована своей короткой юбкой. Ма Вэй засунул руки в карманы и, нахмурившись, поднялся наверх. Уже наступило время обеда, однако есть не хотелось. Вернее, хотелось, но что-то этому мешало…

— Мам, в магазине на Оксфордской есть такие шляпки. Может быть, купим себе по одной? — говорила Мэри, сидя в кухне с Наполеоном на руках.

— У нас нет таких денег. Передай мне сахарницу! — с некоторым раздражением сказала вдова, у которой от кухонного жара раскраснелся

носик. — Мы же еще собираемся ехать на отдых? Если купим себе по шляпке, ехать не на что будет! Такая стоит по меньшей мере два фунта. — Она высыпала в салат целую ложку сахара. — Смотри, ты меня разбередила, и я сахару пересыпала!

— Без новых шляпок нельзя отправляться в путешествие! — с полной убежденностью вскричала Мэри и до боли стиснула лапы Наполеона. Болонка не решилась тявкнуть, но в душе подумала: «Когда вы чего-нибудь не можете купить, вы кого угодно убить готовы! Хорошо собакам — у нас нет шляпных проблем…»

— Оставим сейчас эту тему, Мэри. И не сжимай так сильно собачку!

Господин Ма вернулся к самому ужину. Обедал он в китайском ресторане, а потом отправился в лавку и важно выкурил там несколько трубок. Сначала он хотел заново переставить весь товар, но вспомнил, что совсем недавно занимался этим, и решил не утруждать себя. «В то же время совсем ничего не делать неудобно, дай-ка посмотрю счета! Так, за последние два месяца заработали сорок фунтов, но из них пятнадцать пришлось выплатить… Ну что тут интересного? Приход, расход — вот и вся торговля. Разве прибыль может быть постоянной?»

После ужина, когда Мэри собиралась продолжить обсуждение шляпной проблемы, Ма-старший неожиданно протянул ей конвертик:

— Это вам, мисс Уэндел.

— Ой, два фунта. За что, господин Ма?

— Я ведь задолжал вам шляпку, не так ли?

— Ура, мама, все разрешилось!

12

После своего позора с выпивкой господин Ма старался быть особенно хорошим. Утром он пошел во дворик поливать цветы, ловить жуков, подрезать траву. При этом он мурлыкал какую-то молитву и был похож на средневекового отшельника, наслаждающегося природой. На душе у него было удивительно спокойно: вокруг жужжали пчелки, но он их не отгонял — пусть себе жужжат, они ведь не мешают, лишь бы не жалили. «Два фунта Мэри — это немало, но что делать, если девочке так хочется! Может быть, и ее матери купить шляпку? Нет, в прошлом месяце мы потеряли пятнадцать фунтов, это не шутки, надо экономить. С другой стороны, и человеческие отношения — вещь важная. Когда я болел, миссис Уэндел немало поволновалась, хорошо бы ее отблагодарить… Ладно, в следую-

щем месяце так и сделаем; тогда, наверное, уже не придется выкладывать пятнадцать фунтов! Ма Вэй в последнее время похудел, отчего бы это? Парень молодой, ему нужно много есть, а он на это внимания не обращает… И еще надо сходить в лавку, а то этот Ли Цзыжун все время ворчит — с утра до вечера. Вот я и схожу, послушаю, о чем это он ворчит. О, уже десять, пора идти! Нет, еще минутку, возьму-ка я парочку горшков с цветами, поставлю в лавке — то-то красиво будет! Если Ли Цзыжун начнет ворчать, что я поздно пришел, скажу, будто цветы пересаживал. А те плохонькие хризантемы все-таки принялись, растут — и недурно растут! Правильно, их и возьму… Хризантемы в антикварной лавке — это очень изысканно. На их фоне Ли Цзыжун будет выглядеть еще вульгарнее!»

На дальние расстояния господин Ма по-прежнему брал такси, а на ближние ходил пешком, ни за что не садясь ни в автобус, ни в трамвай. Иногда он побаивался даже такси, потому что умереть в Лондоне ему совсем не улыбалось: движение на улицах страшное, того и гляди машина на что-нибудь налетит. К тому же в Пекине, если ты едешь в автомобиле, полицейские задерживают ради тебя и людей, и повозки, так что летишь с

ветерком, как настоящий чиновник, а здесь полисмен протянет руку и разом останавливает все движение: будь ты хоть премьер-министром, и то не проедешь! Что эти заморские черти понимают в отношениях низших с высшими?

Неся два горшка с хризантемами и раздувая усы, Ма-старший продирался сквозь толпу. Мать честная, откуда столько людей? И все толкаются, спешат, будто на пожар. Нет, не умеют англичане вести себя спокойно, никакой солидности!

Когда он добрался до лавки, в его ушах еще стоял уличный шум. «Помилуй, Господи, разреши мне вернуться на родину, а то я не выдержу такой суматошной жизни!» Немного успокоившись, он поставил горшки с цветами на окно, подкрутил усы и долго смотрел на хризантемы. Да, у этой один листок желтоват, надо его отщипнуть, а то все впечатление портит…

— Господин Ма! — вышел из конторки Ли Цзыжун, снова с грязными руками и закатанными рукавами; казалось, этот малый не имел никакого представления о приличиях. — Надо бы что-то придумать! В прошлом месяце мы почти не получили дохода, в этом — продали всего несколько вещей, а я не могу попусту получать жалованье! Если у вас есть какой-то выход, я готов помогать

вам; если нет — я лучше другое место найду и вам хоть несколько фунтов сберегу. Все равно дел здесь немного, так что вы с Ма Вэем вполне справитесь. Конечно, я не уверен, что найду другую работу, поэтому прошу дать мне две недели на поиски. Сейчас мы с вами толкуем откровенно, с глазу на глаз, так что скажите мне все честно, без церемоний!

Ли Цзыжун говорил решительно и в то же время мягко, это видел даже господин Ма, но его по-прежнему коробила вульгарность приказчика. Сняв очки, он начал протирать их платочком и долго молчал.

— Вы не спешите, подумайте как следует, тогда и известите меня о своем решении. Хорошо? — промолвил Ли Цзыжун, понимая, что торопить хозяина бесполезно, лучше дать ему немного времени. Понимал он и то, что от хозяйских размышлений не будет никакого толку, но, по крайней мере, не придется мозолить друг другу глаза.

Господин Ма кивнул, еще немного потер очки и надел их:

— Вот что, приказчик Ли! Если ты считаешь, что тебе мало платят, мы можем увеличить жалованье.

— Дорогой хозяин, я вовсе не прибавку себе выпрашиваю! Я не знаю, как вам объяснить… — Ли Цзыжун отчаянно зачесал в голове и начал немного заикаться. — Поглядите в глаза реальности! Я множество раз говорил вам, что мы должны что-то придумать, а вы не реагировали. Сейчас наша торговля становится убыточной, вы опять не понимаете. Посмотрите, наш сосед в прошлом месяце заработал несколько сот фунтов на продаже монгольских и маньчжурских книг, а мы…

— Кому нужны эти варварские книги, кто их покупает? — Ма-старший решил, что Ли Цзыжун не просто вульгарен, а слегка сошел с ума. Анекдот, в антикварной лавке торговать книгами! — Если тебе жалованья мало, мы подумаем. Главное — сохранить лицо!

Выражения «сохранить лицо» и «потерять лицо» употребляются китайцами очень часто. Когда господин Ма жил в Пекине и одалживал у кого-нибудь один юань, он потом непременно должен был пригласить своего кредитора выпить, иначе потерял бы лицо. Если китайский генерал получал подкрепление из Японии, ему обязательно приходилось драться с другим китайским генералом — лицо! Министр, знавший,

что его подчиненный мерзавец, не мог его уволить — лицо! Весь Китай сидит, скорчившись, под тенью этого «лица»; лишь было бы оно, а все остальное не важно. И вообще, поведение китайцев напоминает детскую игру в жмурки: главное — схватить кого-нибудь, а кого именно — не имеет значения.

Господин Ма находился в большом затруднении. Факт был предельно прост: его торговля становится убыточной, надо что-то делать. Но он, как типичный китаец, не желал думать в этом направлении: так размышляют только иностранные черти и Ли Цзыжун — этот желтолицый заморский черт! «Торговля становится убыточной? Ну и бог с ней! Если бы я не приехал в Англию, то сейчас, наверное, был бы чиновником на родине. Денег много трачу? Так деньги мои, никому до них дела нет!» Он с силой покрутил свои усики и продолжал размышлять: «Да, я не разбираюсь в торговле, но благородный человек и не обязан в ней разбираться! Давить на меня, шантажировать? Думаешь, если ты начитался всяких дурацких книг, ты поймешь меня, почтенного господина Ма?» Он возмущенно сверкнул глазами. «А сейчас еще хочешь заставить меня торговать монгольскими и маньчжурскими

книгами? Воображаешь, что заморские черти хотят учиться у кочевников, как подковывать лошадей? У нас сейчас уже не монгольская и не маньчжурская династия, а Китайская республика! И еще хочешь без зазрения совести отказаться от работы у меня? Разве с тобой здесь плохо обращаются?!»

Чем дольше он думал, тем больше отдалялся от действительности и тем больше ему казалось, что его доводы совершенно неоспоримы. Ведь он был типичным китайцем, а Ли Цзыжун — всего лишь желтолицым заморским чертом.

— Вот что, приказчик Ли! — произнес он, вставая, таким резким тоном, что Ли Цзыжун вздрогнул. — Раз ты не хочешь работать, когда тебе прибавляют жалованье, уходи, сейчас же уходи!

Он рассмеялся победоносным смехом — совсем как Чжугэ Лян[8] на сцене; сразу почувствовал, что ему не следовало так грубо обращаться с приказчиком, но слова уже сказаны и раскаиваться бесполезно. Ли Цзыжун в это время чистил бронзовый чайник. Услышав хозяина, он медленно поставил чайник на место, долго молчал, а потом

[8] Примечания: 8

Знаменитый стратег III в., герой романа XIV в. «Троецарствие» и многочисленных пьес.

улыбнулся:

— Господин Ма, мы явно не понимаем друг друга, поэтому не нужно больше лишних слов. Я не могу сейчас же уйти и специально просил у вас две недели — это было бы только по-человечески. Да и по закону, потому что с самого начала договорился с вашим братом: если кто-нибудь из нас надумает расстаться друг с другом, то предупреждает за две недели. Ладно, пусть этот срок начинается с сегодняшнего дня, благодарю вас!

Он снова взял бронзовый чайник. Господин Ма покраснел, злобно взглянул на его спину и вышел из лавки, бормоча:

— Ну и бессовестный малый! Хозяин гонит его, а он еще требует какие-то две недели! Ладно, подавись этими двумя неделями, я здесь больше не появлюсь, и так лицо потерял! Работать вместе с тобой хотя бы один день? Ни за что! Правильно, дам ему жалованье за две недели, и пусть немедленно выкатывается. Даром дам, неужели не уйдет? Должно же быть какое-то самолюбие у человека, должен он понять, что не нужен здесь. А то протянет эти две недели, потом еще две — думает, я дурак? Нет, с такими людьми невозможно общаться, никакого представления о приличиях… Завтра же уеду с Ма Вэем на родину, незачем

ему тут учиться. Вы посмотрите на этого бессовестного Ли Цзыжуна: его гонят, а он рассуждает о законе, о человечности… Мерзавец! Человек без собственного лица! И я ничего не могу сделать… Пойду лучше в китайский ресторан, съем супа с лапшой! Еще думать об этом Ли Цзыжуне, нервы на него тратить…

13

— Старина Ли, ты что, поругался с моим отцом? — беспокойно спросил Ма Вэй, входя в лавку.

— Как я могу с ним ругаться? — улыбнулся Ли Цзыжун.

— Послушай, старина, — напрягся юноша, так что у него даже лицо одеревенело и губы задрожали. — Не нужно с ним скандалить! Ты же знаешь его характер, почему со мной сначала не поговорил? Да, ты немало помогаешь нам, но не надо поучать старика. Как бы то ни было, а он прожил больше нас обоих на двадцать с лишним лет. Это наше старшее поколение!

Ли Цзыжун недоуменно почесал в затылке и прыснул:

— Что с тобой, старина?

— Ничего. Я просто говорю, чтобы ты не поучал

моего отца!

— Ох! — Ли Цзыжун хотел рассердиться, но сдержал себя. — Ты обедал?

— Да.

— Тогда присмотри за лавкой, а я перекушу чего-нибудь и вернусь. Хорошо?

Ма Вэй кивнул. Ли Цзыжун надел шляпу и вышел. Минут через десять в лавке появился благообразный старик англичанин с густыми бровями и добрыми глазами.

— Молодой человек, вы — сын господина Ма? — приветливо спросил он, наклонив набок голову.

— Да, сэр! — через силу улыбнулся Ма Вэй.

— Я сразу догадался, у вас глаза похожие. — Старик огляделся: — А где же господин Ли?

— Вышел поесть, скоро вернется. Вы хотите что-нибудь посмотреть? Я готов служить вам! — сказал Ма Вэй, подумав: «Я тоже могу торговать, не только Ли Цзыжун!»

— Не беспокойтесь, я сам посмотрю! — улыбнулся старик, заложил одну руку за спину, другую засунул в карман и принялся разглядывать вещи на полках.

Ма Вэй растерянно смотрел на его спину: прислуживать себе не дает, а попусту стоять возле него вроде бы неудобно. Изредка, когда посети-

тель оглядывался, юноша натянуто улыбался, но старик не обращал на него ни малейшего внимания.

Пришедший был невысок, но солиден, широк в плечах, чуть сгорблен — наверное, из-за возраста. Волосы снежно-белые, зачесанные назад. На лице бакенбарды, очень красиво прикрывающие рот; нос небольшой, глаза глубоко посаженные, всегда готовые помочь рту улыбнуться. Одет он был изысканно — в темно-серый шерстяной костюм с серым галстуком и тонкой золотой заколкой. Твердый воротничок очень высокий, при каждом наклоне головы прячущийся в седой бороде. Старик был без шляпы, в огромных туфлях, явно номера на два больше, чем нога. Ходил он немного шаркая, но на брюках с аккуратной стрелкой не было видно ни единой лишней складки.

— Послушайте, молодой человек, эта керамика вряд ли подлинная? — Старик снял с полки глиняный горшочек и, поставив на руку, другой рукой начал осторожно поглаживать его, как девушка свои волосы. Глаза его были блаженно полузакрыты.

Ма Вэй поспешно подошел, взглянул на горшочек, но ничего вразумительного сказать не мог.

— А, вы не знаете? Ничего страшного, я подожду

господина Ли! — Посетитель шевельнул губами под седой бородой и обеими руками поставил горшочек на место. — Где же ваш батюшка? Давно не видел его! — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Ваш отец хороший человек, но не очень умеет торговать, да, не очень… А вы учитесь в Англии? Что же вы изучаете? А, вот и мистер Ли! Здравствуйте!

— О, здравствуйте, лорд Саймон! Уже дней пять, как не видел вас! — Ли Цзыжун, весь сияя улыбкой, пожал старику руку.

Лорд поморгал и тоже засмеялся.

— Что вы сегодня хотите посмотреть, лорд Саймон? Вы уже изучили исинский чайник, который купили в прошлый раз?

— Изучил, изучил! Если у вас есть дешевая гуандунская керамика, все равно что, я хотел бы тоже ее приобрести: гуандунскую керамику я еще не исследовал. Меня устраивает любая вещь, но обязательно подлинная! — Старик указал на тот горшочек: — Это не подделка?

— Неужели я посмею обманывать вас? — Улыбающееся лицо Ли Цзыжуна начало походить на пампушку в сахаре. — Смотрите, глазурь слишком тонкая, цвет недостаточно глубок, наверняка не из Гуандуна. Но сделан не позднее, чем в нача-

ле Мин![9] Лорд Саймон, вы знаете больше меня, так что поглядите и оцените сами! Господин Ма, дайте, пожалуйста, лорду стул!

— Не нужно, не нужно, в своей лаборатории я целыми днями стою, так что привык! Спасибо! — Он снова взял горшочек и принялся его внимательно рассматривать. — Да, вы правы, цвет недостаточно глубок, верно… Но я все-таки беру эту вещь. Сколько она стоит?

— Назовите сами, лорд Саймон! — потер руки Ли Цзыжун, как заправский купец.

Старик перевернул горшочек, поглядел на цену на донышке и, сощурившись, сказал:

— Я возьму за полцены, не возражаете?

— Конечно, лорд Саймон. Отнести вам домой?

— Да, после шести я уже наверняка буду дома, так что мы с вами поужинаем. Хорошо?

— Спасибо, к шести я непременно явлюсь. А гуандунскую керамику принести?

— Разумеется, если есть. Мне хорошая не нужна, только для анализа, вы знаете…

— Знаю, знаю! У нас сейчас всего два комплекта чайничков с чашками, не очень хорошие, но зато подлинные. Итак, гуандунскую керамику

---

[9] Примечания: 9
Династия, правившая в XIV–XVI веках.

доставить вам в лабораторию, а горшочек — в кабинет, верно?

«Все-то этот пройдоха знает!» — подумал Ма Вэй.

— Верно, господин Ли, вы все точно говорите.

— И в кабинет отнести тихо, чтобы ваша супруга не заметила, правильно, лорд Саймон?

Старик засмеялся в голос:

— Ой, ой, даже мои домашние дела вам известны! — Он вынул шелковый платок и вытер глаза. — Да, ученый не должен жениться, это слишком хлопотно, слишком! Моя жена хороший человек, но все равно мешает работе. А уж если ученый одновременно и коллекционер, тогда совсем плохо. Леди Саймон любит драгоценности, а я покупаю старые горшки и разбитые черепки. Ох, женщина остается женщиной, так что горшочек пронесите в кабинет тихонько, там мы с вами и поедим. Я еще хочу спросить у вас несколько иероглифов, а то недавно купил китайскую бронзовую шкатулку, на ней надпись, и я не могу прочитать. Как всегда, шиллинг за три иероглифа, хорошо?

— А форма письма не древнейшая? — все так же сияя улыбкой, спросил Ли Цзыжун, как будто хотел развеселить не только покупателя, но и

весь мир.

— Нет-нет, я знаю, что вы боитесь древнейших форм. Ну ладно, вечером увидимся. — Лорд обернулся и похлопал Ма Вэя по плечу: — А вы еще не сказали мне, что изучаете.

— Торговлю, коммерцию, лорд Саймон!

— Это хорошо! У китайцев талант к торговле, есть и необходимое терпение, только с современными навыками слабовато. Ничего, овладеете! Смотрите, учитесь хорошенько, за девушками попусту не бегайте! Правильно? — Старик поморгал глазами, хотел рассмеяться, но только шевельнул губами под седой бородой.

— Правильно, — покраснел Ма Вэй.

— А где же ваша шляпа, лорд Саймон? — спросил Ли Цзыжун, открывая дверь и сгибаясь в поклоне.

— В машине оставил. Итак, вечером увидимся, господин Ли!

После ухода старика Ли Цзыжун уложил горшочек и два чайных сервиза в вату и, начав заворачивать, сказал Ма Вэю:

— Это очень ценный покупатель. Собирает керамику и бронзу, их у него в кабинете втрое больше, чем у нас. Раньше он был профессором химии Лондонского университета, сейчас в от-

ставке, но продолжает исследовать химический состав керамики. Очень интересный старик! Дорогие вещи покупает для коллекции, дешевые — для химического анализа. Ему уже за семьдесят, а сколько энергии! Послушай, старина, выпиши два счета и вложи в каждый сверток…

Юноша подчинился, а Ли Цзыжун продолжал:

— Ты чего это сегодня налетел на меня? Вряд ли хотел со мной поссориться, тебя, наверное, что-то мучает, вот ты и решил сорвать на мне злобу, правильно? Должно быть, любовь? Я давно вижу, что ты ходишь красный, насупленный, молчаливый, ешь плохо, осталось только шею намылить — и в петлю! — Он захохотал и продекламировал:

При взаимной любви глаза блестят,
При неразделенной они мутнеют.
Взаимная любовь всегда сладка,
Неразделенная – только горька.

— А у тебя какая?

— Неразделенная, — буркнул Ма Вэй, но на самом деле ему полегчало от этого короткого объяснения, потому что до сих пор даже поговорить было не с кем. И впрямь хоть в петлю!

— Кто же твоя избранница? Мисс Уэндел?

— Да.

— Не буду ничего советовать тебе, старина, но если когда-нибудь я влюблюсь в женщину, которая станет играть мной, я попросту перережу себе глотку. Вот так! — Ли Цзыжун провел по горлу указательным пальцем. — Единственное, что хочу сказать: когда ты думаешь о ней, задумывайся одновременно и о том, считает ли она тебя человеком. Полагаю, ты способен дать точный ответ. А если она не уважает тебя, то о какой любви может идти речь? В общем, охладись немного! Это лучшее «мороженое» собственного изготовления, которое я могу тебе предложить, лучшее лекарство от неразделенной любви. Никто из английских девушек не способен полюбить китайца, потому что мы сейчас во всем мире только материал для анекдотов! Литераторы ругают китайцев, так как это безопасно; ученые — за то, что китайцы ничем не могут им помочь; обычные люди — поскольку считают, что у нас слишком много недостатков. Вот если бы мы могли побить Англию, Германию или Францию, нас бы сразу зауважали. А еще лучше создать такое государство, в котором бы царил мир, жили настоящие люди, процветали науки, к примеру та же химия. Если мы не добьемся этого, то не получим ничего, в том числе и чужих женщин. Я однажды видел

мисс Уэндел. Не берусь судить, красива ли она, добра ли, но уверен, что она не способна оценить тебя! Она обыкновенная девушка, как раз из тех, что презирают нас, почему же она должна отличаться от своих товарок и полюбить китайца?

— А я не уверен, что она не способна на это! — опустив голову, промолвил Ма Вэй.

— Почему?

— Потому что она ходила со мной в кино и выручила моего отца.

— В кино она ходила с тобой точно так же, как и с другими могла бы пойти! Ты ведь знаешь, что иностранные девушки ведут себя свободнее, чем китаянки, тут объяснений не требуется. Что же касается помощи твоему отцу, то многие люди доставили бы его домой, увидев, как он ползает по земле. Это наши соотечественники, обнаружив человека в беде, держатся от него подальше, потому как мы воспитаны в духе индивидуализма. А иностранцы в таких случаях нередко бросаются на помощь — будь пострадавший хоть белым, хоть черным, хоть зеленым! Обычно они презирают черных или зеленых, но в минуту опасности способны не обращать внимания на цвет его кожи. Мисс Уэндел помогала господину Ма не потому, что он твой отец, а потому, что у нее

такие представления о морали. Мы считаем, что если человек лежит на земле, то и пусть лежит, а иностранцы думают иначе. У них мораль общественная, коллективная, и в этом нам не мешает у них поучиться! Недавно я читал в газете, как в Шанхае упала на улице старушка. Китайцы только стояли и смотрели на это, пока ее не поднял иностранный солдат. И после такого они не будут смеяться над нами? Но я ушел слишком далеко в сторону. Не обманывай себя и не думай, что если она пожимает тебе руку, то значит, способна тебя полюбить! Очень ей это нужно! Ешь лучше мое «мороженое» и не валяй дурака!

Ма Вэй молчал, обхватив голову руками.

— Старина, мы сегодня с твоим отцом объяснились и скоро расстанемся.

— Знаю. Но ты не должен уходить, а то наше дело развалится!

— Я не могу не уйти. Кстати, это сэкономит вам больше десяти фунтов в месяц.

— Кто же будет здесь торговать? — вскинул голову Ма Вэй. — Вот сегодня лорд Саймон спросил меня о горшке, а я ничего не смог ответить ему.

— Это нетрудно, старина. Прочитаешь несколько английских книг и многое поймешь. Я ведь тоже стал разбираться в антиквариате только

благодаря книгам! Иностранцы все на свете исследуют и обо всем книги пишут, в том числе и о китайском фарфоре, бронзе и прочем. А нам ведь много не нужно — в основном чтобы на их же вопросы отвечать! Успокойся, я буду помогать тебе и после своего ухода, мы же с тобой друзья!

— А куда ты пойдешь работать?

— Еще не знаю, это зависит от случая. Хорошо, что я недавно премию получил, пятьдесят фунтов, на несколько месяцев хватит! — засмеялся Ли Цзыжун. — Дело в том, что журналу «Эйша мэгэзин» понадобилась статья о современном положении китайских рабочих. Я целый месяц корпел над ней, и, представь себе, она выиграла на конкурсе! Верно говорят, что небо не даст птичке умереть. С пятьюдесятью фунтами я не пропаду! Конечно, работу искать придется, и это будет нелегко, но я убежден, что трудолюбивый человек с голоду не помрет! Так что выше голову, старина, гляди веселей!

Ли Цзыжун с силой хлопнул Ма Вэя по плечу. Тот, качнувшись, ответил горькой усмешкой.

14

После того как господин Ма повздорил с Ли Цзыжуном, он съел в китайском ресторане це-

лых две порции супа с лапшой — обычно он ел только одну. Попав в организм, лапша вытеснила оттуда почти всю злость, и Ма-старший готов был радоваться тому, что ссора пробудила у него такой аппетит. Он потребовал чайник чая, медленно выпил его, заплатил по счету и вышел из ресторана.

Куда же идти? Только не в лавку. Когда хозяин ссорится с приказчиком, у хозяина возникает железное право отлынивать от торговли — точно так же, как министр, вспылив, может не возвращаться на службу. Но куда же все-таки идти? Погулять по улицам? Слишком сильное движение, как бы не попасть сгоряча под машину и не превратиться в лепешку! Может, в театр сходить? Но эти иностранные пьесы такие противные: ни гонгов, ни барабанов, ни ударов по физиономии — одна заморская болтовня. «А не сходить ли к пастору Ивенсу? Правильно, надо навестить его. В тот самый злосчастный день он говорил, что хочет о чем-то посоветоваться со мной. О чем же? Ладно, это его дело. Главное, если я его навещу, это не будет ошибкой».

Ма взял такси и отправился на Ланкастерскую улицу. В машине он вспоминал Пекин, думал, как приятно и почетно было бы проехаться там,

озираясь по сторонам. А здесь вокруг сплошные машины, ничего интересного, только деньги зря тратишь!

— О, господин Ма? — открыл двери пастор. — Как поживаете? С Александером больше не виделись? Ради бога, послушайте меня, будьте с ним осторожнее!

— А как вы поживаете, пастор? Как супруга, детки? — Ма снова перечислил абсолютно всех, прежде чем сесть.

— Их сейчас никого нет, так что можем поговорить спокойно! — Ивенс толкнул очки к переносице и сморщил в улыбке нос. За время его болезни на носу добавилось несколько морщин, ибо преподобный постоянно упражнялся в чихании. — Мне нужно обсудить с вами две вещи. Во-первых, я хочу познакомить вас с пастором Брейном, чтобы вы могли стать членом его миссионерского общества и по воскресеньям ходить молиться в их церковь. Она находится недалеко от вас. Вы знаете улицу Хьюстона? Так вот, если идти по ней на восток, то напротив вокзала. Я вас буду рекомендовать, хорошо?

— Замечательно! — Теперь господин Ма в разговорах с иностранцами старался употреблять только превосходные степени.

— Ну что ж, так и сделаем. Теперь второе. У меня иногда бывает свободное время, и я хотел бы, знаете, написать книгу, что-то вроде «Истории даосизма в Китае». Но китайским языком я владею не очень хорошо и нуждаюсь в помощнике. Если бы вы согласились стать им, я был бы бесконечно благодарен!

— Разумеется, разумеется! — поспешно ответил Ма.

— Я не хочу, чтобы вы помогали мне даром, и тоже готов что-нибудь сделать для вас. — Пастор вынул трубку и набил ее табаком. — Долго думая об этом, я пришел к такому выводу: вы должны воспользоваться тем, что находитесь за границей, и кое-что сочинить, лучше всего сопоставить восточную и западную культуры. Эта тема сейчас очень модна и наверняка будет пользоваться большим спросом, как бы вы ее ни раскрыли. Главное — смелость! Вы можете писать по-китайски, а я переведу вашу работу на английский. Ручаюсь, что, когда книга выйдет, вы на ней немало заработаете. Ну, как?

— Я готов помогать вам, — запинаясь, проговорил Ма, — но писать сам вряд ли смогу. Мне уже за пятьдесят, для меня это непосильно!

— Друг мой, — повысил голос пастор, — вам за

пятьдесят? А мне уже за шестьдесят! Бернарду Шоу больше семидесяти, но он строчит вовсю! Скажите, вы видели хотя бы нескольких английских стариков, сидящих без дела? Если люди к пятидесяти годам будут выходить в тираж, то кто станет заниматься всеми делами мира?

— Я не говорю, что не хочу писать… — быстро пошел на попятный господин Ма, боясь обидеть Ивенса, но сам подумал: «Вы, заморские черти, не умеете уважать стариков, а иначе не были бы чертями!»

Англичане очень не любят говорить о своих домашних делах, Ивенс тоже не хотел объяснять гостю, почему он мечтает написать книгу, но, видя, как тот растерялся, решил кое-что добавить:

— Послушайте, друг, я непременно должен сделать что-то свое! Моя жена является секретарем китайского отдела Лондонского миссионерского общества, сын служит в банке, дочь подвизается в женском молодежном союзе — все они зарабатывают, один я ничего не делаю… Хоть я и получаю ежегодную пенсию в сто двадцать фунтов, но бездельничать не желаю… — Пастор снова толкнул очки к переносице и немного пожалел, что посвящает китайца в свои тайны.

«Женщины служат, старики тоже рвутся к ра-

боте! Просто не понимаю, есть ли у заморских чертей сердце и где оно растет!» — подумал господин Ма.

— Моя единственная надежда, — продолжал Ивенс, — стать профессором китайской филологии в университете, но для этого я должен сначала опубликовать книгу и обрести хоть какое-то имя. Сейчас на соответствующей кафедре Лондонского университета нет профессоров, потому что они не могут найти человека, который бы владел письменным и устным китайским языком. А я могу говорить по-китайски, однако в письменном не силен и нуждаюсь в подтверждении своих знаний. Если мне это удастся, я мог бы проработать еще лет пять-шесть, правильно?

— Совершенно правильно! Я с удовольствием помогу вам! — воскликнул Ма, надеясь замять идею о собственной книге. — Только подумайте: если вы станете профессором китайской филологии, то сможете сказать много добрых слов о Китае! Как это будет хорошо!

Он был уверен, что главная обязанность китаиста-филолога — хвалить Китай. Пастор восторженно засмеялся, и они оба долго молчали. Потом Ивенс заговорил:

— Ну что ж, так и сделаем, будем помогать друг

другу. Но если вы откажетесь от моей помощи, то мне придется отказаться и от вашей! Вы знаете, что англичане любят равенство или, как у нас говорят, «восемь унций — все равно что полфунта». Я не могу заставлять вас работать даром, никто не должен быть в проигрыше.

— Но я не знаю даже, с какого конца начинать сравнение восточной и западной культур!

— Необязательно именно эта тема, можно любую взять, хоть роман или сборник анекдотов напишите! Дело в том, что китайцы очень редко пишут по-английски; ваша книга наверняка будет пользоваться большим спросом, как бы она ни была написана.

— Я не могу писать как попало, Китай позорить!

Пастор разинул рот и долго не закрывал его. Он никак не ожидал услышать от старого Ма такую патетическую фразу. Тот тоже не понимал, как у него вырвалось. И бывавшие, и не бывавшие в Китае англичане смотрят на китайцев примерно одинаково, считая их коварными, грязными и глупыми существами. Отец Ивенс не был исключением и никогда не уважал господина Ма, зная, что он — обыкновенный мещанин, не способный написать никакой книги. Разговор о ней был ну-

жен совестливому пастору лишь для того, чтобы привлечь Ма в помощники и при этом изобразить хотя бы видимость справедливости.

Как и некоторые другие европейцы, пастор любил китайских стариков, потому что они не имеют представления о государстве, и не любил и даже ненавидел китайскую молодежь, которая при всей своей недальновидности хотя бы твердит о государстве и Китае. Конечно, пустая болтовня неопасна, но все-таки очень противна. Поэтому он и изумился, когда старый Ма объявил, что не хочет позорить Китай.

— Господин Ма, — после долгого молчания сказал Ивенс, — вы лучше еще подумайте, тогда и ответите! К счастью, нам отнюдь не обязательно все решать сегодня. А что изучает Ма Вэй?

— Подгоняет английский, потом хочет заняться коммерцией. Я советую ему переключиться на политику, тогда после возвращения на родину он может подняться выше, стать чиновником. Но он слишком молод и упрям, уперся в эту коммерцию и ни о чем другом слышать не хочет! Я с ним справиться не могу, а матери у него, как вы знаете, давно нет. В последнее время он отчего-то очень похудел. Он парень самолюбивый, поэтому мне неудобно спрашивать. Ладно, пусть делает

что хочет! Деньги я ему даю, такова уж наша отцовская участь, а поделать ничего не могу…

Ма говорил очень прочувственно и все время глядел в потолок, чтобы слезы вдруг не потекли. В душе у него теплилась надежда, что растроганный пастор посватает ему кого-нибудь, например миссис Уэндел. Конечно, жениться на вдове, да к тому же иностранке, не очень почетно, но за это вряд ли придется гореть в аду, как за семь смертных грехов. К тому же, если пастор возьмется за сватовство, он, возможно, забудет про эту чертову книгу о восточной и западной культуре! «Ты мне находишь невесту, я тебе помогаю читать по-китайски — разве это не соответствует вашему меркантильному принципу, при котором никто не остается внакладе?» Он украдкой взглянул на Ивенса. Тот молча сосал свою трубку, потом встал:

— Итак, в воскресенье увидимся в церкви пастора Брейна! И сына с собой захватите, молодым людям надо поддерживать в себе веру! Мой Пол каждое воскресенье на три службы ходит…

— Хорошо, увидимся в воскресенье! — поднялся господин Ма, видя, что Ивенс уже выпроваживает его. На улице он недовольно забормотал:

— Мать его, друг называется! Гость еще сидит, а

он встает и начинает прощаться! «В воскресенье увидимся!» Да будь я проклят, если пойду в эту церковь!

Тут перед самым его носом, гудя и визжа, пролетела машина.

15

Миссис и мисс Уэндел отправились отдыхать, обе в новых шляпах. На шляпке дочери вдова вышила китайский иероглиф, написанный господином Ма. Надев эту шляпку, Мэри более получаса не могла закрыть рот, а потом — оторваться от зеркала. Таких шляпок в принципе было очень много, но с китайским иероглифом — ни одной. Когда она наденет ее на побережье, все девушки просто заплачут от зависти, а некоторые и сознание потеряют! Даже миссис Уэндел была довольна и считала, что шляпка ее дочери произведет своего рода революцию; фотография Мэри непременно появится в газетах и привлечет всеобщее внимание.

— Господин Ма, — нашла его перед отъездом Мэри, — поглядите!

Она ухватила пальчиками юбку, развернула ее, как огромный веер, склонила набок головку, а другой рукой описала в воздухе сложную фигуру

и вздернула плечи.

— Прекрасно, очаровательно! — воскликнул Ма, выставив большой палец.

Услышав эту похвалу, девушка мигом сложила руки, вскинула голову и, радостно хихикнув, убежала. В действительности же господин Ма не сказал всей правды. Он написал иероглиф «красота», который еще древние составили из иероглифов «баран» и «большой», а миссис Уэндел, вышивая, перевернула их и получилась «большая рогоносица»! Ма Цзэжэнь хохотал так, как ни разу не смеялся со времени приезда в Лондон. «Ну и потешные эти иностранки! Написать на собственной голове площадное ругательство, да еще на самом видном месте! Ну просто анекдот!» Он смеялся и мотал головой так, что слезы летели во все стороны.

Вволю повеселившись, Ма спустился вниз, собираясь проводить хозяек на вокзал. Они как раз в это время ждали у дверей такси. Первое, что ему бросилось в глаза, — знакомые иероглифы. Он стиснул зубы, напряг шею и покраснел: хорошо еще, что снова не расхохотался.

— До свидания, господин Ма! — крикнули женщины, а миссис Уэндел добавила: — Ведите себя хорошо, не шалите! Когда будете выходить, не

забывайте запирать дверь!

Первым в машину юркнул Наполеон. Ма, чуть не лопаясь от смеха, выговорил:

— До свидания! Желаю хорошего отдыха!

Машина отошла, он запер двери и только тут дал волю своему веселью. Вскоре, обессилев от хохота, он решил пойти во дворик полить цветы. Уже больше недели не было дождя, и их лепестки, особенно у лилий, пожелтели. Ма осторожно удалил с цветов все лишнее, заодно подправил розы. Небо голубело, вокруг ни ветерка, издалека отчетливо доносился шум машин. Любуясь розами и прислушиваясь к этому шуму, Ма вдруг ощутил непонятную тоску. Попытался снова вспомнить о шляпке Мэри, но смеяться почему-то уже не хотелось. Он поднял голову, взглянул в голубое небо: какое оно яркое, далекое, бескрайнее и в то же время грустное! «Когда же я вернусь в Китай? Неужели так и умру в этом Лондоне? Нет, нет, вернусь, как только Ма Вэй выучится, и прах брата с собой увезу!» Вспомнив о брате, он подумал, что надо бы сходить на его могилу, но идти одному было лень. От голубого неба мысли перелетели к серому памятнику, увядшему венку, толстой сторожихе — все, как живое, встало перед глазами. Он легонько покачал головой: «Ну какой смысл

жить? Чтобы потом тебе поставили памятник, который через несколько лет разрушится? В мире вообще нет ничего вечного, некоторые заморские черти говорят, что даже солнце рано или поздно погибнет… Но, с другой стороны, жизнь все-таки хороша. Разумеется, смотря какая жизнь. Например, быть большим чиновником, наслаждаться почетом, иметь кучу жен, наложниц, толстеньких детей — все это годится!»

От пессимизма господин Ма перешел к оптимизму, а от него — к золотой середине и решил, что жить, в общем, можно. Как-нибудь существовать день за днем, и все… — он чуть не замурлыкал арию из китайской оперы или веселую песенку. Постоянная готовность «как-нибудь существовать» является одной из причин застойности Китая, но Ма об этом, естественно, не думал. Полная пассивность иногда способна рождать великих мыслителей; безудержная активность — взбадривать страну, придавать людям веру, однако соотечественники господина Ма не умели быть ни полностью пассивными, ни безудержно активными. Их соглашательская позиция была самой презренной, самой бессмысленной на свете, настоящим позором человечества!

Так и не придумав, куда же сходить, Ма в кон-

це концов вернулся домой, уселся в кабинете и закурил трубку. Хотел почитать, но привычки к чтению не было — одна только мысль о книге вызывала у него смех. «Ладно, спущусь вниз, погляжу, все ли двери я закрыл! А то еще ограбят ненароком, пока хозяев нет, и придется отвечать…»

Внутренние двери миссис Уэндел никогда не закрывала, боясь, что иначе будет трудно спасаться в случае пожара. Господин Ма заглянул в гостиную, потом спустился на первый этаж, зашел в кухню, даже в спальню хозяйки. Здесь он не был ни разу и сейчас чувствовал себя неловко, словно вор, которого вот-вот поймают. В спальне стоял легкий запах пудры, и сердце Ма заныло. Он остановился у зеркала, долго не мог отойти от него, думая то о миссис Уэндел, то о покойной жене — он и сам не понимал, о ком точно. Машинально вышел из спальни, двигаясь как в тумане, будто после тяжелого сна. Подошел к спальне Мэри — дверь приоткрыта, видна кровать, а перед ней на коленях стоит какой-то человек и, похоже, плачет. Да это же его сын! Господин Ма в ужасе замер, потом позвал:

— Ма Вэй!

Тот покраснел до корней волос и быстро под-

нялся. Отец и сын молча стояли друг против друга. Юноша, опустив голову, утирал слезы; Ма-старший теребил усики, руки его дрожали. Он все еще смотрел на сына как на подростка, растущего без матери. В последнее время, заметив, что тот исхудал, приписывал это непривычной английской пище. Ему и в голову не приходило, что сын давно вырос, что он способен… — господин Ма даже не мог подобрать подходящего слова, чтобы выразить свою мысль. После долгих размышлений он вспомнил самое старое и простое выражение: «думать о бабах!» Он не решался порицать сына, которого он считал бедным сироткой, но и молчать было нельзя. Когда парень рыдает у постели девушки, это так неприлично, позорно, стыдно! «Может быть, все-таки отругать его? Но у меня и у самого рыльце в пушку, прежде всего оттого, что я не смотрел на Ма Вэя как на взрослого, не думал об опасностях, которые его подстерегают! Надеюсь, что его отношения с Мэри не зашли слишком далеко? Если зашли, то это ужасно, ведь она иностранка! Я тоже иногда заглядываюсь на очаровательный носик миссис Уэндел, но это всего лишь шалость, жениться на ней я не собираюсь… Взять в жены иностранку? Упаси бог! А вот у сына, похоже, это серьезно…»

Господин Ма медленно отправился вверх по лестнице. Ма Вэй последовал было за ним, потом вернулся, оправил покрывало, смоченное слезами, и, прикрыв дверь, бросился наверх:

— Отец, отец!

Ма-старший откликнулся и сам чуть было не заплакал. Сын подошел к его креслу:

— Ты не волнуйся за меня, у нас с ней ничего нет! Раньше… я будто с ума сошел, а сейчас оправился… Сегодня я пришел в ее спальню только для того, чтобы подтвердить свою решимость. Я больше не буду думать о Мэри, она нас презирает! И не мудрено, потому что никто из иностранцев не относится к нам всерьез. Мы, наконец, должны набраться духа и заняться собственными делами! Ли Цзыжун твердо собирается уходить, значит, наше будущее зависит от нас самих. Но он согласен помогать нам, и я уважаю его за это, верю, что он говорит правду. Я недавно обидел его, без всяких оснований обидел, — все потому, что будто с ума сошел, а он ничуть не рассердился, выходит, он действительно хороший человек! Отец, прости меня! Если бы я был таким же деловым, как Ли Цзыжун, тебе бы не пришлось волноваться!

Господин Ма с улыбкой замотал головой:

— Я радуюсь, что ты не похож на Ли Цзыжуна!

— Отец, обещай мне, что мы будем как следует работать, научимся экономии, будем рано вставать и поздно ложиться! Мы должны послушать Ли Цзыжуна и встряхнуть себя. Если уж он нашел себе другую работу, то делать нечего, придется его отпустить. Но если не нашел, мы обязаны его удержать! Согласен?

— Ладно, ладно! — закивал Ма-старший, не глядя на сына. — На все согласен, лишь бы ты понимал, что такое добро и зло, и не стремился ко всяким несбыточным мечтам. Ты мой единственный сын, жена давно умерла, и я все для тебя готов сделать. Поговори с этим приказчиком Ли — пусть он хоть лавку разнесет, если считает нужным! Можешь пригласить его в китайский ресторан «Уголок лауреатов», я буду ждать вас там. Вот тебе фунт на всякий случай! — Он сунул в карман сына ассигнацию…

Все эти дни в сердце Ма Вэя боролись разноречивые чувства: любовь, сыновняя почтительность, дружба, жажда дела, желание учиться, самолюбие, презрение, жалость к себе. Отец никчемен, но он все-таки отец! Ли Цзыжун слишком прямолинеен, однако, в сущности, хороший человек. Помогать отцу в торговле или отдаться учебе? Если всерьез учиться, то кому передать лавку?

И еще Мэри! Она все время стояла у него перед глазами, терзала сердце, являлась во снах. Ма Вэй пытался забыть ее, но тщетно. От всего можно избавиться, только не от любви, которая пускает в душе такие глубокие корни! Мэри не любит его, но какое это имеет значение? Ее улыбка, ее речь, каждое ее движение проливалось на него сладкой росой. Точно завороженный, он следовал за ней повсюду и забыл бы ее лишь в том случае, если бы его сердце превратили в кусок железа. Но сердце Ма Вэя было отнюдь не железным, оно вздрагивало в ответ на малейший ее жест. Ему предстояло забыть ее, перестать любить, а он не мог этого сделать, потому что она была рождена для любви! Куда же деваться? В каждом молодом человеке должны быть горячность, самолюбие, а он вынужден унижаться перед ней… Почему не вспомнит о гордости, не поможет в делах отцу, не поучится у Ли Цзыжуна?.. «Все, я уже пролил слезы на твое одеяло, умолял Бога защитить тебя, но теперь больше не должен думать о тебе! Верю, что у тебя будет хороший муж и ты проживешь с ним счастливую жизнь… Отец пришел так некстати, я почти ненавижу его за это, но он ни о чем не спросил. Я сам ему все рассказал, и мне немного полегчало, а теперь пойду расскажу Ли

Цзыжуну...»

— Старина Ли! — крикнул Ма Вэй, буквально ворвавшись в лавку. — Все кончено!

— Что кончено?

— Все прошлое. Теперь я сам буду управлять своей судьбой!

— Поздравляю тебя, старина, ты молодец! Иди, иди сюда! — Ли Цзыжун с силой пожал ему руку.

— А как же ты? Уходишь или остаешься?

— Я уже договорился с лордом Саймоном, что буду работать на него. Он сейчас пишет сразу две книги: одну — о химических опытах над китайской керамикой, а другую — о своей коллекции древностей. Моя задача — помогать ему со второй книгой, потому что он не очень разбирается в иероглифах. Я буду работать у него только по утрам, до часу дня, — это мне очень подходит.

— А что же нам делать с лавкой?

— Могу дать совет: немедленно закупить побольше товара и перед Рождеством устроить крупную распродажу. Объявить о снижении цен, выпустить для покупателей красочный буклет. В издании этого буклета я готов вам помочь, вы оплатите мне только самые необходимые расходы. Не забывайте и о рекламе в журналах. А насчет закупки товара пусть твой отец обратится

к Ван Минчуаню, покормит его в китайском ресторане, я тоже попрошу Вана, и он все сделает — ведь он старый друг твоего дяди, специально занимается импортом антиквариата. Надо дать ему на закупку пятьсот фунтов, остальное я потом подскажу. Если это дело сладится, вы станете на ноги, а если нет… — сам понимаешь. Ну, как? Ты тоже должен здесь каждый день работать, а утром и вечером учиться, одного господина Ма не хватит! Когда товар придет, я помогу вам расставить его и оценить, но за это вы должны кормить меня обедами, годится?

— Конечно, годится! От этих шагов зависит наша победа или поражение. Старина, отец ждет тебя в ресторане «Уголок лауреатов», ты пойдешь?

— Нет, спасибо. Я уже говорил тебе, что стоит хоть раз попробовать родную пищу, как пристрастишься к ней, а она для меня слишком дорога! Кстати, советую тебе съездить на недельку за город отдохнуть, погулять. Все равно в эти дни я пока еще здесь.

— А куда лучше отправиться?

— Мест много! Придешь на вокзал, возьмешь туристический справочник и выберешь что-нибудь подходящее. Отдохни несколько дней, это

для здоровья полезно! Ну, а сейчас иди в ресторан и поблагодари за меня господина Ма! Приятного аппетита! — улыбнулся Ли Цзыжун.

Ма Вэй пошел, а Ли продолжал стоять в дверях и улыбаться.

Глава четвертая

1

С начала осени Лондон стал значительно оживленнее. В театрах ставились новые пьесы, в магазинах устраивались осенние распродажи — все готовились к Рождеству. Богатые люди приезжали в лондонские театры даже из провинции, закупали в городе рождественские подарки. Бедные тоже старались развлекаться, но без денег: смотрели, как вступает в должность новый мэр, как король открывает парламент. Если же в кармане у них был хотя бы шиллинг, они играли на скачках или на футбольных матчах. Добрая половина газет была заполнена результатами скачек и матчей, и люди стремились покупать газеты с раннего утра, чтобы узнать, выиграли ли они. Проигравшие, надувшись, начинали читать критические заметки или сообщения о разных странах. Другие ходили на катки, в цирки, на выставки цветов, кошек и собак, на конкурсы красоты, на автомобильные гонки — все эти состязания и выставки следовали непрерывной чередой, в них участвовали и старые, и малые.

Англичане не любят устраивать революций, а предпочитают смотреть, разговаривать и развлекаться, тогда на революции просто не остается времени.

Миссис Ивенс тоже хлопотала, собирая с прихожан пожертвования, чтобы бедные могли хорошенько поесть на Рождество. Растрепанные ватные волосы на ее голове стали еще более растрепанными, потому что причесаться ей было некогда. И пастор Ивенс хлопотал, стараясь каждый день читать со словариком китайские книги, но чем дольше он читал, тем больше встречал незнакомых слов. Занятость Пола вообще невозможно описать: ежедневно он часа по три простаивал на улице под дождем, чтобы дождаться проезда наследного принца, а потом столько же времени простаивал, еле заметно улыбаясь, перед зеркалом, потому что кто-то сказал ему, что его нос похож на нос принца. Когда принц выступил по радио и призвал жертвовать деньги в помощь безработным, Пол немедленно внес два фунта, так как без принца он за всю жизнь не догадался бы, что рабочим приходится плохо. До этого он даже высмеивал мать, которая собирала пожертвования для бедных, и знай только ходил на футбол, гольф и в кино, где ругали китайцев.

Кэтрин тоже хлопотала, изучая китайский язык, занимаясь музыкой, работая в женском молодежном союзе, но внешне продолжала оставаться спокойной, и ее длинные волосы, ничуть не растрепанные, по-прежнему ниспадали на белую шею.

Миссис Уэндел с утра до вечера топила на всех этажах своего дома, поэтому ее красный носик часто оказывался черным. А еще приходилось выкраивать время, чтобы в эти короткие дни бегать за покупками, ибо товаров, подходящих для рождественских подарков, было очень много и продавались они сейчас значительно дешевле, в том числе и торты к Рождеству. У Мэри просто глаза разбегались: все магазины и лавки на улицах пестрели товарами, один другого краше. Каждую неделю она сберегала по два шиллинга, а затем, после пяти или шести часов изучения, покупала какую-нибудь красивую и в то же время дешевую безделушку, пряча ее в свою шкатулку, предназначенную для рождественских сувениров. Кроме того, на Рождество она собиралась купить еще одну новую шляпку, а это было нелегко! Как она ни высчитывала, но нужная сумма не наскребалась. Тогда Мэри вложила целый шиллинг в скачки, надеясь хоть немного выиграть, но

лошадь, на которую она поставила, споткнулась на полдороге, и шиллинг пропал! Рассердившись, девушка чуть не поверила в социализм: «Чем беднее человек, тем чаще он проигрывает… Надо бы вообще упразднить деньги, только тогда можно разрешить проблему шляпок!»

Погода в Лондоне тоже как будто всполошилась. То ветер, то дождь, то дождь вместе с ветром, то туман. Иногда небо прояснится, а потом снова дождь или туман. Лондонские туманы очень интересны, они могут быть сразу нескольких цветов: в одном месте — светло-серые, через них все-таки что-то видно; в другом месте — темно-серые, здесь не отличишь дня от ночи; в третьем месте — серо-желтые, как клубы дыма над горящим деревом; в четвертом месте — красно-желтые, через них вообще ничего не видно, если только не стоять в комнате и не смотреть через стекло. Когда идешь сквозь туман, перед тобой все серо, лишь там, где должен быть фонарь, слегка светится желтое пятно. И туман этот лежит не слоями, а целой массой: ты идешь, и туман вместе с тобой. Тебя никто не видит, и ты никого не видишь, даже не знаешь, где ты есть. Только самые яркие автомобильные фары слабыми огоньками мелькнут мимо носа, обдадут

тебя жаром, и ты снова погружаешься в какое-то непонятное состояние.

Машины идут медленно, шаг за шагом, беспрерывно сигналя, а когда человек не слышит звука клаксона, его охватывает страх: ему кажется, что весь мир уже поглощен туманом! Постепенно ты начинаешь чувствовать, что вокруг тебя есть какие-то предметы, но боишься двинуться. Может, это лошадь, а может, телега или дерево — пока не пощупаешь рукой, не скажешь.

Господин Ма был самым большим бездельником во всем Лондоне; он не выходил из дома ни в дождь, ни в ветер, ни в туман, а лишь сидел с трубочкой перед камином, наслаждаясь через стекло и дождем, и ветром, и туманом. Китайцы во всем умеют видеть прекрасное, в том числе его живые проявления, согретые чувствами наблюдающего. Например, возвращение в лодке сквозь дымку дождя, поиски сливы под снегом, и во многих таких случаях на фоне природы изображается улыбающийся старик — китайский Бог красоты. Этот Бог живет не в небесном дворце, а в сердце каждого человека, поэтому господин Ма и улыбался. Машина пробивается через струи дождя — красиво. Девушка с зонтиком идет под ветром — красиво. Огни фонарей мерцают в тумане, точ-

но осенние светлячки, — красиво. Он посасывал свою трубку, поглядывая то в окно, то на языки пламени в камине, и все печали тотчас забывались. Об одном он только помнил — о вине.

— Эх, хорошо бы выпить старого шаосинского! — бормотал он про себя.

Но в Лондоне не было ни старого, ни молодого шаосинского, надо на родину возвращаться! Он постоянно думал о возвращении — в страну, где можно плыть на лодке сквозь дымку дождя или искать сливу под снегом. Китайцы всегда соединяют «прекрасное» с Китаем и верят, что в их стране наступит золотой век. Если науку действительно удастся объединить с прекрасным, а идею родины — с мудрой политикой, то у Китая есть надежда. К сожалению, господин Ма, как типичный китаец, обладал лишь смутным чувством прекрасного и почти не обладал знаниями. Он хотел вернуться на родину, но не понимал, что это такое. Мечтал служить и не думал, что у чиновника должна быть ответственность. Имел сына, но не знал, как воспитывать его. Увы…

Накануне Рождества он тоже решил похлопотать. Услышав, что в этот день все подносят друг другу подарки, он обрадовался тому, что можно будет продемонстрировать свою доброту.

«Итак, Ивенсов — четверо, Уэндел — двое, да еще Александер… Даже Ли Цзыжуна нельзя обойти. Раз этот малый вульгарен, я и подарок ему соответствующий приготовлю, скажем, туфли: вульгарные люди любят полезные вещи! Кто же еще? Хозяин ресторана «Уголок лауреата»; Вашингтон — правильно, ему тоже нужно что-нибудь подарить, ведь именно он затащил меня в машину, когда я напился! Правда, сейчас этот парень купил мотоцикл и вот-вот разобьется вдребезги, но это уже не мое дело. Хоть мотоцикл и опасен, надеюсь, что Вашингтон не разобьется, а если и разобьется, то меня это не касается!» Ма подкрутил усы и стал считать на пальцах:

— Сколько же всего? Четверо, трое, да еще Ли Цзыжун, хозяин ресторана, Вашингтон — итого десять. Никого не забыл? Ага, Ван Минчуань, который мне будет товар доставать, ему обязательно нужен подарок! Итак, пока одиннадцать, а там посмотрим. Для миссис Уэндел, может, шляпку купить?

Он перестал бормотать и, закрыв глаза, попробовал вообразить, какая же шляпка сделает вдову еще более красивой. Но ему представлялись только ее маленький носик, карие глазки и длинное лицо, которое вряд ли могла укоротить

какая-нибудь шляпка. «Ладно, позднее подумаем! А ведь есть еще Наполеон!» Господин Ма глубоко чтил Наполеона, потому что тот был ее собачкой. «Да, это сложно. Ну что можно подарить собаке? Откровенно говоря, еще никогда собакам ничего не дарил… Ох-хо-хо… Нет, придумал!»

На радостях Ма выбил в камин только что набитую трубку. «Достану цветной бумаги, заверну в нее семь шиллингов и шесть пенсов, перевяжу бархатным шнурком и подарю миссис Уэндел! Она как-то говорила, что после Нового года должна платить за Наполеона налог, как раз столько, вот я ей и помогу. Ну, каково? Мать их, за собаку и то налог дерут! Ладно, это выдумки заморских чертей, а мое дело, чтобы миссис Уэндел была довольна…»

Он страшно обрадовался, что сумел изобрести такой замечательный план. Придумать его действительно было нелегко! Ко времени обеда на улице по-прежнему стоял густой туман. Господин Ма хотел было пойти в лавку, но побоялся попасть под машину, хотел попросить миссис Уэндел приготовить обед, но совсем не жаждал холодной говядины. К тому же за последний месяц он как-то не решался ходить в лавку. Ма Вэй и Ли Цзыжун вовсю готовились к рождественской

распродаже, а господину Ма не давали пальцем пошевелить. Однажды он хотел взять домой вазочку для цветов, так Ли Цзыжун буквально вырвал ее у него из рук, да и Ма Вэй, изменившись в лице, надулся на отца! В другой раз, когда их не было в лавке, господин Ма сорвал все красные и зеленые надписи в витрине — ужасно вульгарные, так сын чуть не обругал его! Если уж сын идет против отца, то хуже не придумаешь… Нечего было приезжать в эту чертову страну, где даже не наказывают за непочтительность к родителям! Придется терпеть… Конечно, хорошо, что Ма Вэй старается стать сильнее, зарабатывать, но приличия при этом надо бы сохранить. Он все-таки его отец!

Туман за окном из серого стал темно-серым, а затем желто-красным. Дома на противоположной стороне улицы уже были совершенно не видны. Все фонари горели, но казалось, будто они мерцают, и это вселяло в сердца прохожих неуверенность. Тоскливо кричал продавец угля. Было такое впечатление, что кричит он прямо под окном, а сам со своей тележкой находится совсем в другом мире.

— Ладно, чем идти в лавку и нарываться на очередной скандал, лучше уж здесь посидеть! —

сказал себе господин Ма, снова устраиваясь у огня и оправдывая свое звание первого бездельника Лондона.

2

Будь ты большим или маленьким человеком, ты можешь сделать немало, если обладаешь волей и двигаешься вперед. Эти дела по масштабу бывают разными, но почти все они заслуживают уважения. Самое позорное — это попусту жестикулировать и орать, не делая ничего реального. Так ведут себя лишь люди со слабой волей, не имеющие ни взглядов, ни устремлений. Они не достойны не только уважения, но даже усмешки.

Как, например, иностранцы, обладающие пушками, самолетами, наукой, финансовой силой, смотрят на китайских студентов, размахивающих флагами, кричащих о справедливости, борющихся за власть, не желающих учиться. Смеются над ними? Нет. Они только радуются: размахивайте чем угодно и не учитесь подольше! Тогда мы вечно будем превосходить вас своими знаниями и разрывать снарядами ваши дурацкие флажки. Вот если нашим пушкам вы противопоставите хотя бы маленькие пушечки, мы, возможно, засмеемся. А над флажками

смеяться нечего, настоящие патриоты ими не размахивают!

Какая сильная штука любовь: жизнью, имуществом, всем жертвуешь ради одной женщины… Но и любовь можно победить с помощью твердой воли. Жизнь сложна, разностороння; кроме любви в ней есть и реальные дела, чувство ответственности. Счастливые люди знают все это, а несчастным остается только жаловаться на свою злую судьбу. Любовь священна, но и многое другое тоже! Нельзя целовать любимую и при этом отбрасывать все остальные святые ценности, в том числе общество и саму жизнь. Подобные люди бывают героями только в романах, а в жизни они преступники. Жизнь все-таки отличается от романа.

Пора отказаться от нелепых флажков, учиться, работать, прекратить стенания об утраченной любви, до конца исполнять свой долг перед отечеством — расколотым, измученным, но все же любимым! Это и есть лучшее лекарство для молодежи.

Когда Ма Вэй жил на родине, он тоже, как и другие, кричал, размахивал флагами и флажками. Однако теперь он увидел, что сила и процветание Англии зависят во многом от того, что англи-

чане не кричат попусту, а усердно работают. Они любят свободу, но, странное дело, в английских университетах студенты почти не имеют права голоса. Любовь к свободе совсем не исключает у англичан порядка. Несколько тысяч рабочих бастуют, и ни единого выстрела, никто не погибает. Ма Вэй понял, что порядок и выдержка — это чудодейственные талисманы сильных государств.

Юноша не мог забыть Мэри, но чувствовал, что если он будет печалиться о ней, его и отца ждет голодная смерть. И перед родиной надо нести ответственность. Он был совсем не глуп, принадлежал к новой молодежи, а она знает, что такое служение государству и обществу. Долг важнее всего! Погибнуть ради отчизны в тысячу раз славнее, чем во имя самой прекрасной женщины. Гибель ради любви — не более чем поэтическая фигура, а гибель во имя родины — целая страница истории.

Ма Вэй понял это. Его метод был прост: подавить душевную тоску физическими упражнениями и трудом. Встав утром, он прежде всего совершал пробежку по парку, иногда занимался греблей. В первый раз он чуть не свалился от усталости, а теперь бегал и в ветер, и в дождь. После двух или трех недель у него на лице появился румянец.

Возвратившись с пробежки, юноша обливался холодной водой (миссис Уэндел уже разрешила им пользоваться ванной), растирался докрасна полотенцем и начинал походить на большую креветку, только что выловленную из моря. Потом он шел завтракать, непринужденно здоровался с Мэри, она отвечала ему. Иногда они обменивались шутками. Он знал, что она красива, ну и хорошо, куклы тоже бывают красивыми. «Ты презираешь меня, а я равнодушен к тебе, — думал он. — Ты красива, а я буду деловым и ответственным. Разве эти качества не сравнятся друг с другом?»

Видя, что он порозовел, окреп и возмужал, девушка начала специально заговаривать с ним, потому что иностранки любят сильных мужчин. Ма Вэй притворялся, что клюет на ее крючок, но после завтрака сразу же убегал к себе наверх и принимался за книгу. Встретив Мэри на улице, он приветливо махал ей рукой и мчался дальше, посмеиваясь в душе: «О, как интересно! Теперь я с ней расквитаюсь!»

Жизнь и в самом деле стала интереснее, когда Ма Вэй открыл в ней смешные стороны. Позанимавшись час или два, он снова выбегал из дома и мчался в лавку. Там он старательно исполнял все, о чем договорился с Ли Цзыжуном.

Новый товар уже пришел из Китая, так что у них хватало хлопот с его сортировкой и с изданием буклета. Среди присланного были не только антикварные вещи, но и китайские вышивки, игрушки, национальная одежда. Англичане, стремившиеся подарить родным или друзьям какую-нибудь диковинную безделушку, узнали о лавке семейства Ма и покупали в ней то расшитый кисет, то старинный веер, а заодно брали и вещи подороже. Когда весь товар был расставлен, Ли Цзыжун пригласил в лавку лорда Саймона, который, склонив голову, долго все осматривал, а потом кроме своей обычной керамики купил китайскую вышитую юбку, чтобы преподнести ее жене на Рождество. В тот день лавка заработала больше ста пятидесяти фунтов.

— Здорово, старина Ма! — ероша волосы, говорил Ли Цзыжун.

— Здорово, старина Ли! — улыбаясь, отвечал Ма Вэй.

Еще они размышляли, как привлечь к лавке внимание случайных прохожих. Ли Цзыжун предложил поставить у входа в переулок столб со светящимися надписями: «Торговля китайскими древностями», «Подарки из Китая». Молодые люди действовали быстро, без всяких споров, и

через два дня реклама уже мигала красными и зелеными огнями.

Владелец соседней антикварной лавки был несколько обеспокоен их активностью. Он уже знал, что старый Ма ни на что не способен, и ждал, когда тот обанкротится, чтобы проглотить его лавку. Сверкая своей лысиной и выпятив брюхо, англичанин смотрел на бурную деятельность молодых людей, тайком пригласил Ли Цзыжуна пообедать, чтобы перетянуть его на свою сторону, но Ли с улыбкой ответил:

— Купите сначала жидкость для ращения волос, ликвидируйте свою лысину, тогда и поговорим!

Сосед погладил себя по голому темени и, не удержавшись, расхохотался. Англичане умеют смеяться над своими недостатками.

Господин Ма заходил много раз, делая вид, что хочет помочь молодежи, а на самом деле выбирая какой-нибудь подарок для миссис Уэндел. Он важно передвигался по залу, все осматривал, щупал, украдкой поглядывал на сына, но обнаруживал, что тот смотрит на него. Тогда он тихо кашлял, засовывал руки в карманы и снова начинал бродить. Едва в лавку входил покупатель, как Ма-старший сгибался перед ним в глубоком поклоне, давая понять, что он здесь хозяин, но

когда распрямлялся, видел, что покупателя уже уводит Ма Вэй.

— Хороший парень, ловкий! — бормотал он. — Только не забывай, что я твой отец!

За несколько дней до Рождества торговля стала особенно оживленной. Почти все проданные вещи нужно было завернуть и доставить покупателям. Ма Вэй и Ли Цзыжун иногда паковали часов до десяти вечера, кое-что отсылали почтой, но самые дорогие и хрупкие предметы были вынуждены относить сами. Тогда Ли Цзыжун взял в одной из соседних лавок напрокат старый велосипед и принялся с невероятной скоростью развозить товар. Господин Ма зажмуривался, видя, как Ли на своем велосипеде врывается в поток машин, и даже молил Бога даровать ему жизнь. Он говорил сыну:

— Скажи Ли Цзыжуну, чтобы он так не носился! Разве это шутки? Все время между машинами лавирует! Если будет подражать Вашингтону, рано или поздно разобьется!

Ма Вэй передал это другу, однако тот рассмеялся:

— Поблагодари отца за доброту, но он напрасно волнуется! Я уже застраховался, и если разобьюсь, страховая компания выплатит моей матери

пятьсот фунтов! Знаешь, старина, как приятно нестись между двух едущих машин? Если бы со мной не было антикварных вещей, я ездил бы еще быстрее. Вчера вечером я состязался с целой группой велосипедистов, слегка врезался в машину, но все-таки усидел в седле. Так эти ребята трижды прокричали мне «молодец»! Ей-богу!

Юноша передал это отцу, тот ничего не сказал и только вздохнул. Видя, как заняты Ма Вэй и Ли Цзыжун, он в конце концов предложил:

— Давайте я помогу вам! Я не умею торговать, но уж паковать-то товар смогу. Нет сил все время бездельничать!

Сказав это, он положил на стол трубку и кисет, взял несколько листов бумаги и попросил испытать его. Ма Вэй дал ему какую-то простую вещь. Господин Ма сунул трубку в рот, примерился и начал заворачивать. Долго возился, но сверток все получался неуклюжим. Ли Цзыжун за это время завернул уже несколько вещей, причем очень ровно и красиво. Казалось, бумага слушалась его, подчинялась его рукам. Господин Ма попробовал подражать ему, перевязал сверток, но узел получился похожим на большой нарыв, из-под которого, словно волосы миссис Ивенс, торчали концы бумаги.

— Гончар берет горсть глины, а получается горшок! — важно изрек господин Ма, взглянув на молодых людей. Они тихо прыснули. — Не смейтесь! Когда доживете до моих лет, поймете… Вы молодые, здоровые, быстрые, а я уже старик!

Он взял сверток и огляделся, не зная, куда бы его деть. Ли Цзыжун велел Ма Вэю наклеить сверху имя и адрес, юноша сделал это и отложил сверток в сторону.

— А где мой кисет? — спросил господин Ма.

— Не знаем, наверное, под бумагой, — в один голос ответили молодые люди.

Ма-старший порылся в бумаге, кисета не было.

— Ничего страшного, я найду! Подумаешь, кисет…

Он поискал по всей комнате, опять тщетно.

— Странно все-таки! Куда я его дел?

Тут он взглянул на только что завязанный сверток, молча развязал его — кисет был там.

— Ма Вэй, я иду домой! Вы тоже не слишком засиживайтесь!

Едва он закрыл дверь, как Ли Цзыжун подпрыгнул от беззвучного хохота, а Ма Вэй чуть не опрокинул чернильницу.

— Знаешь, старина Ли, я ведь дал ему ненужную вещь, которую никто не покупал, а то он нам

всех клиентов распугает!

— Завернуть вместе с несуществующей покупкой собственный кисет! Ну, это уже… Ха-ха-ха!

Они смеялись добрых четверть часа, а может, и еще больше.

3

Накануне Рождества Лондон совсем сбился с ног. Мужчины, женщины, старики, дети высыпали на улицы и тащили на себе чуть ли не все товары из магазинов, лавок и рынков. С пустыми руками расхаживали только полисмены. Машины и автобусы шли непрерывным потоком, но люди не всегда могли втиснуться в них и зачастую сами несли свои покупки. Почтальоны уже не обходились обычными сумками, а везли письма, открытки и посылки на тележках. Многие лондонцы ехали отмечать Рождество за город, а сельские жители, наоборот, в Лондон, поэтому пригородные дороги тоже были запружены.

Погода стояла мрачная, дул холодный ветер, но никто этого не чувствовал. Все магазины сверкали разноцветными огнями, разукрашенными витринами, в которых выделялись Санта-Клаусы с высокими красными шапками и мешками подарков. Люди забыли обо всем: о политике,

обществе, судах, разных неприятностях — и вдруг превратились в детей, желающих подарить друг другу что-нибудь новое и интересное. Они были сегодня особенно щедры, беззаботны, падки на лакомства, готовы уделить от своего достатка и бедным. Казалось, на землю снова снизошел Спаситель, а люди превратились в братьев.

К полуночи магазины закрылись, но машины и трамваи, по-прежнему переполненные, ходили до самого рассвета. В переулках было так же светло, как на больших улицах, в каждом доме горела рождественская елка, на которой сверкали украшения. Дети из бедных семей, ходя из дома в дом, пели молитвы и просили подаяние, богатые дети ждали подарков от Санта-Клауса, но сегодня они отличались друг от друга меньше, чем обычно, и все могли на что-то рассчитывать. Их маленькие сердца ликовали, точно у новорожденного Иисуса. В воздухе звучал звон церковных колоколов, священные песнопения, и даже люди, далекие от религии, проникались торжественностью момента.

Господин Ма купил и разослал подарки еще дней десять назад, оставив только те, что предназначались для миссис и мисс Уэндел, потому что вдова сказала ему, что заранее дарить вещи не

полагается. Отослав свои презенты, он каждый день ждал ответных подношений и выскакивал к почтальону с таким же нетерпением, как и Наполеон. И подношения эти наконец пришли: пастор Ивенс прислал Библию, его жена — молитвенник, Кэтрин — дюжину носовых платков, а Пол — просто поздравительную открытку, хотя Ма отправил ему целую коробку манильских сигар. Обычно англичане не скупятся на подарки, но Пол презирал азиатов, поэтому и ответил таким образом. Господин Ма в возмущении хотел вернуть Ивенсам все, кроме носовых платков, но потом смирился:

— Ладно, ради Кэтрин прощу их!

Последние дни он не ходил в лавку, чувствуя, что делать ему там нечего. Когда являлись покупатели, он был способен только открывать им дверь, кланяться да провожать. Некоторые старухи были от него в восторге и шептали:

— Смотрите, какой вежливый и приветливый старик!

Но сам он думал иначе: «Разве годится хозяину лишь дверь покупателям открывать? Я понимаю, Ма Вэй, ты хороший парень, но не забывай, что я твой отец! Не заставляй меня так унижаться!» Не зная, куда себя деть, он выходил на улицу, чтобы

посмотреть на всеобщее оживление, и тут его снова охватывала грусть: «Как было бы здорово оказаться сейчас в Китае! Во время Нового года я тоже всегда хлопотал… А праздник за границей совсем не радостен, как бы ни веселились люди вокруг тебя! Вот разбогатею, вернусь на родину, тогда увидите…» Прохожие, торопясь, наступали ему на ноги, и он печально решал: «Пойду лучше домой, посмотрю, что там делает миссис Уэндел. Может, ей помощь нужна?» И он с достоинством возвращался.

Миссис Уэндел с покрасневшим носиком топталась по дому, как маленькая уточка: выбивала ковры, подметала, вытирала пыль, чистила все металлические предметы от камина до дверного кольца. Картины, висящие на стенах, она украсила еловыми ветками, а перед фотографией покойного мужа поставила букет хризантем. Елки она не покупала, так как в доме не было детей, но все, что можно, украсила: всюду повесила цветные шары, белые гирлянды, бумажные фонарики, и в комнатах стало очень весело. В кухне у нее пеклись рождественские пирожки и сладости, поэтому она время от времени бегала туда, а потом снова ласточкой упархивала наверх. Ей еще предстояло написать поздравительные

открытки, отправить последние подарки, так что некогда было даже напудрить нос. Мэри по случаю праздника с утра до вечера проводила в своем шляпном магазине и совсем не могла помочь матери. Наполеон скакал с этажа на этаж и лаял то на цветные шары, то на бумажные фонарики, а иногда, пользуясь отсутствием хозяйки, утаскивал что-нибудь из кухни.

— Миссис Уэндел! — воскликнул Ма-старший, едва войдя в дом. — Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Вдова потерла свой носик:

— Спасибо, господин Ма! Если нетрудно, погуляйте с Наполеоном, а то он тут слишком безобразничает.

— Хорошо, Наполеон, пойдем!

Он сделал с собачкой круг по пустырю, благо мальчишки на сей раз не преследовали его — они тоже были заняты подготовкой к празднику. Только подошел к дверям, как появился Александер с целым ворохом пакетов в руках. Еще издалека он рявкнул:

— Почтенный Ма, сними самый верхний пакет, это подарок тебе!

Господин Ма подчинился, а Наполеон подскочил, чтобы понюхать ботинки гостя.

— Спасибо за твой подарок! — еще раз рявкнул Александер. — Приходи на Рождество ко мне, ладно? Мы с тобой всласть выпьем!

— Благодарю, благодарю! — засмеялся Ма. — А можно я приду после праздника? Я уже обещал миссис Уэндел отметить Рождество дома.

— Ха-ха! — прищурился Александер и, сделав шаг вперед, немного понизил голос: — Тебе что, вдовушка приглянулась? Молодец, молодец! Ну ладно, так и сделаем, через день-два после Рождества жду тебя у себя. Обязательно приходи! До свиданья. Ой, не торопись, достань еще четвертый пакет снизу, это для миссис Уэндел, поздравь ее от меня! Счастливо, старина!

Ма взял пакет, и Александер, несмотря на свои габариты, мигом испарился со всеми остальными свертками.

— Миссис Уэндел! — крикнул господин Ма, зайдя в дом.

— Да? — донеслось откуда-то сверху.

— Я вернулся и принес вам подарок.

На лестнице послышался стук каблучков, хозяйка мигом сбежала вниз.

— О, — воскликнула она, — это от Александера! А я ему ничего не приготовила! Что же делать?

— Пустяки, у меня еще есть коробка маниль-

ских сигар, заверните и пошлите ему, вот и все! — Ма с нежностью поглядел на ее красный носик.

— Это замечательно! Сколько вы за них заплатили? Я обязательно верну вам.

— Не надо о деньгах, — великодушно произнес Ма, продолжая глядеть на ее носик. — Подумаешь, коробка сигар на такой праздник! Вы ведь сегодня тоже немало потратили, не так ли?

Вдова, улыбнувшись, кивнула. Ма отпустил собаку и пошел наверх за сигарами.

В тот день Ма Вэй и Ли Цзыжун работали в лавке до четырех часов дня.

— Старина Ли, давай кончать, пора идти на праздник! — предложил Ма Вэй.

— Ладно, закрывай дверь! — засмеялся Ли Цзыжун.

— Фонарь у входа тоже гасить?

— Гаси. Останется еще реклама в начале переулка.

— Мне хочется подарить тебе что-нибудь, — сказал Ма Вэй. — Что лучше?

— Твой отец уже подарил мне туфли. Больше ничего не надо.

— Это отец, а я хочу сам подарить. Ты для нас так много делаешь!

— Послушай, старина, — улыбаясь, молвил Ли Цзыжун, — мы с тобой не должны заниматься церемониями! Ты ведь каждый день меня кормишь.

— И все-таки я должен тебе что-нибудь подарить. Скажи что?

Ли Цзыжун поскреб в затылке.

— Ну, говори же, старина! — заторопил его Ма Вэй.

— Раз уж ты не можешь без подарка, то купи мне часы! — сказал Ли, достав из кармана свои старые часы и прислушиваясь к ним. — Эти то убегают, то отстают часа на два — как им понравится. К тому же у них осталась только маленькая стрелка, а большой нет. Ладно, купи мне новые за несколько шиллингов!

— За несколько шиллингов? — Глаза Ма Вэя расширились. — Если уж покупать, то хорошие. Не надо халтурить. Прямо сейчас и пойдем!

Он схватил Ли Цзыжуна под руку. Тот, никогда ничего не боявшийся, вдруг оробел, отступил на шаг и даже покраснел:

— Погоди, дай мне сначала вернуть этот велосипед…

— Нет уж, поедем вместе, а то ты еще удерешь! Я устроюсь на багажнике.

Петляя, они доехали до той лавки, где Ли Цзыжун брал велосипед, заплатили за прокат и отправились дальше. Шли они очень медленно, потому что Ма Вэй доказывал, что на праздник без подарка нельзя, а Ли Цзыжун считал, что подарок должен быть подешевле. Ма Вэй утверждал, что надо покупать хорошие часы, а Ли Цзыжун возражал, что он и со своими дрянными проходил три года. Чем больше расширялись при этом глаза у Ма Вэя, тем краснее становилось лицо у Ли Цзыжуна. Наконец друзья увидели часовой магазин. Ма Вэй хотел войти туда, но Ли, воспользовавшись случаем, чуть не улизнул. Юноша совсем рассердился.

— Обещай мне, что купишь не дороже, чем за десять шиллингов, иначе не пойду! — настаивал Ли Цзыжун.

— Ну ладно, — сдался Ма Вэй.

Магазин был большой, богатый, покупать в нем часы за десять шиллингов казалось стыдно, но Ли как ни в чем не бывало сунул покупку в карман и вышел из магазина с видом победителя.

— Спасибо тебе, старина! — воскликнул он на улице и долго тряс руку Ма Вэя. — А вот я не могу тебе ничего купить, не могу.

Юноша понимал, что это правда, и перевел

разговор на другую тему:

— Ты завтра пойдешь куда-нибудь гулять?

Ли Цзыжун отрицательно покачал головой.

— Тогда приходи ко мне, хорошо?

— Завтра ни автобусы не ходят, ни трамваи, трудно из дома вылезать.

— Ну послезавтра. Пойдем с тобой в театр. Мы славно потрудились, можно и развлечься денек.

— Ладно, послезавтра! Спасибо тебе! — Ли Цзыжун снова потряс руку Ма Вэя и быстро нырнул в толпу.

Юноша смотрел ему вслед, пока он не исчез, и только тогда, опустив голову, вернулся домой.

4

Погода по-прежнему была пасмурной, в воздухе летали редкие снежинки. На улицах почти никого не осталось: все праздновали Рождество. Миссис Уэндел послала тете Дороти приглашение на праздники, но ответа долго не получала. Лишь в рождественское утро почтальон принес коротенькое письмецо и посылку. В письме говорилось, что проводить время с азиатами опасно для жизни, а Рождество — это такой радостный праздник, когда лучше избегать смертельных опасностей. Вдова надулась, вздернула свои

носик, но не решилась осуждать тетю Дороти: может, люди недаром связывают азиатов с убийствами.

Потом она вскрыла посылку — в ней оказались вязаные перчатки для миссис Уэндел и шелковые чулки для Мэри. Вдова позвала дочь, и они всласть обсудили все подарки. Девушка в этот день выглядела превосходно: губки накрашены, брови и ресницы подведены, на розовых щеках смешливые ямочки. Увидев, что она так красива, миссис Уэндел обрадовалась и чмокнула ее в лоб, забыв о своих недовольствах. После подарков мать и дочь начали обсуждать рождественское угощение. Готовила исключительно миссис Уэндел, а Мэри, вытянув белые пальчики, старалась держаться подальше от огня и лишь иногда подносила тарелки или лущила орехи, заодно кладя в рот что-нибудь вкусненькое. Ее смешливые ямочки все время ходили ходуном.

После завтрака господин Ма уселся с трубкой в гостиной, чтобы поглядеть, как готовится рождественский пир. Но вскоре миссис Уэндел его выгнала, сказав с улыбкой:

— Идите к себе в кабинет и не возвращайтесь, пока не услышите колокольчика к обеду! Ясно?

Ма-старший уже знал, что англичане любят

настаивать на своем и придумывать всякие неожиданности. Молча хихикнув, он послушно отправился наверх.

— Во время обеда будем обмениваться подарками! — добавила Мэри. — А где Ма Вэй?

Миссис Уэндел позвала юношу.

— Я здесь. Что случилось? — откликнулся он сверху.

— Пока не позвоним в колокольчик, в гостиную не входи. Слышал?

— Хорошо. Давайте я пока погуляю с Наполеоном! — предложил Ма Вэй, сбегая вниз.

— Прекрасно, идите! Обед ровно в час, не забудьте! — Вдова, передавая собачку, легонько поцеловала ее в ухо.

Господин Ма остался наверху один. «Надо бы хоть по случаю Рождества в церковь сходить! — подумал он. — А то завтра увижусь с пастором Ивенсом и сказать будет нечего. Проклятый святоша, подарил мне очередную Библию! Уж лучше безделушку какую-нибудь, чтоб было что вспомнить… Библию подарил, несчастный жадоба!»

Окончательно рассердившись, он решил не ходить в церковь. Развернул подарки, предназначенные для хозяйки и ее дочери, потом снова завернул. Бечевка показалась ему грубоватой, он

пошел в свою комнату, долго искал что-нибудь более изящное, но ничего не обнаружил. Тут он вспомнил, что у Ма Вэя есть красные чернила, взял их, подкрасил бечевку и повесил у камина. «Красный цвет яркий, все женщины его любят!» — удовлетворенно подумал он.

В комнате сына уже скопилось довольно много книг, господин Ма даже не знал, когда они были куплены. На стене висела небольшая фотография Ли Цзыжуна с всклокоченными волосами и очень вульгарной ухмылкой. Ма-старший в сердцах плюнул. Из-под кровати выглядывали чемоданы, туфли, коньки. «Ого, способный у меня парень, даже на коньках катается! Но это очень опасно, надо будет сказать, чтоб не катался, а то еще провалится в какую-нибудь полынью!»

Ма Цзыжун вернулся в кабинет, подбросил в камин угля и, сев, снова закурил. «Вроде забыл что-то. Но что? — Он постучал себя трубкой по голове. — А, запамятовал отнести свежих цветов на могилу брата! Теперь уже поздно, сегодня Рождество, все отдыхают и на улицах наверняка не торгуют цветами… Да, плохо, когда человек стареет! Все время помнил, помнил, а в конце концов забыл! Хорошо бы разбогатеть и увезти прах брата на родину, поскорее увезти! Если я с ней… Нет,

нет, нет! Взять Ма Вэю иностранную мачеху — это уж слишком! Да и на родине с ней будет трудно, а не вернуться никак нельзя… Но иностранки очень красивы… Сама-то она не слишком красива, однако чистая и гладкая! Верно говорят, что иностранки лучше китаянок: может, на лицо и не очень смазливы, зато фигуры хорошие. Талия так талия, ноги так ноги, грудь полуобнаженная и выпирает, белые руки похожи на стебли лотоса… Боже, о чем это я рассуждаю в святое Рождество?! Подумаю-ка лучше о чем-нибудь приличном, например: что мы будем сейчас есть? Наверное, все ту же жареную курицу, не иначе… Ладно, лишь бы не дали холодной говядины, за одно это можно будет возблагодарить Будду!»

Снизу донесся запах жареной курицы, очень соблазнительный, и легкий аромат бренди. «А, сегодня еще можно будет выпить!» Господин Ма сглотнул слюну.

Вернулся Ма Вэй, прогулявшийся с Наполеоном по Риджентс-парку. Оставив собачку внизу, он поднялся к себе, умылся и переоделся к обеду.

— Ма Вэй, зайди сюда! — крикнул отец. Юноша вошел в кабинет. — Как ты думаешь, когда мы сможем вернуться на родину?

— Не знаю, отец, но я тоже скучаю о доме! — от-

ветил Ма Вэй, грея руки у камина.

Господин Ма промолчал.

— Ты завтра пойдешь в театр со мной и Ли Цзыжуном? — спросил юноша.

— Нет, я не могу все время носиться, как вы…

Им явно не о чем было больше говорить. Ма Вэй, увидев на столе подарки, принес и свои.

— Ты тоже что-то купил нашим хозяйкам? — спросил отец.

— Конечно, женщины это любят!

— Женщины… — начал господин Ма, но почему-то остановился.

На счастье, в этот момент внизу зазвонил колокольчик. Ма Вэй сгреб все подарки и начал спускаться вместе с отцом.

Миссис и мисс Уэндел уже сидели за столом — свеженапудренные, в новых платьях. Наполеон с красным бархатным бантом на шее лежал на табуретке перед пианино. На пианино стояли две красные свечи, и собачка удивленно смотрела на языки их пламени, не понимая, что это должно значить. Господин Ма сунул ей в лапы конверт с семью шиллингами и шестью пенсами.

— Садитесь, господа! — с улыбкой сказала миссис Уэндел.

Ма Вэй разложил перед дамами подарки и сел

вслед за отцом. Стол был накрыт новой скатертью с цветами, под каждой тарелкой лежала разноцветная салфетка, тоже новая. Посредине стола стояли ваза с розовыми хризантемами, украшенными ярким серпантином, две вазы с фруктами и орехами, блюда с жареной курицей, ветчиной, сосисками и овощами. Весь стол был усеян ватными шариками, имитирующими снежки, и красными с золотом хлопушками. Перед каждым сидящим лежало по подарку: отцу и сыну достались маленькие фарфоровые куколки, Мэри — тряпичная куколка, а миссис Уэндел — птичка. У всех бокалов — по ловко скрученной белой салфетке. Позади господина Ма на низеньком столике стояло вино.

Хозяйка начала резать курицу, Мэри — ветчину, Ма Вэй — раскладывать овощи. Ма-старший хотел откупорить бутылку, но не решился.

— Господин Ма, открывайте вино! — попросила наконец миссис Уэндел. Только тогда он осмелел и налил всем по бокалу.

Раскладывая курицу, вдова добавляла каждому какого-то желеобразного розового соуса. Курица пахла очень вкусно, к соусу Ма Цзэжэнь отнесся с подозрением, но храбро решил есть все, что дадут. Они подняли бокалы, чокнулись, пригубили

вино и начали есть, оживленно болтая. Особенно веселилась Мэри, которая стала еще красивее от выпитого вина. После закусок хозяйка внесла рождественский пудинг, вылила на него ложку бренди и зажгла. Пудинг окутался пламенем, тогда его и разрезали. Мэри внесла тарелочки для фруктов, спросила, что каждый будет есть. Господин Ма выбрал банан, миссис Уэндел — яблоко, Мэри и Ма Вэй — орехи. Девушка щелкала орехи щипцами, а Ма Вэй — зубами.

— Ого, мама, посмотри, какие у него зубы крепкие! Орехи свободно раскусывает! — сделала большие глаза Мэри.

— Это понятно, он молодой, а вы посмотрите на меня! — воскликнул господин Ма и тоже разгрыз орех.

— Напрасно шалите! — Миссис Уэндел выпила очередной бокал и, совсем развеселившись, запустила ватным шариком в Ма Цзэжэня. Мэри тут же бросила шарик в Ма Вэя, но тот поймал его и пустил обратно. Ма-старший сначала обомлел, но вскоре сообразил, что это такая игра, и бросил шарик в Наполеона. Собачка ухватила шарик, начала его грызть, и вдруг оттуда показалась красная бумажка.

— Господин Ма, хватайте ее, это ваша шапоч-

ка! — крикнула миссис Уэндел.

Ма Цзэжэнь вырвал бумажку из зубов Наполеона — это действительно оказалась красная шапочка.

— Наденьте ее, наденьте! — подхватила Мэри.

Ма-старший подчинился, и все расхохотались. Они тоже открыли свои шарики, нацепили шапочки, но Мэри продолжала бомбардировать остальных. Господин Ма был уже с головы до ног в вате. Потом они начали взрывать хлопушки, и Наполеон испугался так, что спрятался под стол. В хлопушках тоже оказались разные предметы: у миссис Уэндел — свисток, в который она немедленно заверещала, у Ма Вэя — конфета, а у Ма Цзэжэня — еще одна шапочка, которую он надел на голову. Мэри не выиграла ничего и решила взорвать новую хлопушку. «Бах!» — и в руке у нее очутился карандаш.

— Может быть, посмотрим наши подарки? — предложил Ма Вэй.

— Давайте, — согласилась миссис Уэндел, — и сравним, чьи лучше!

— Мой самый лучший, мам! Смотри! — Мэри протянула к ней правую руку.

— О, ты обручилась с Вашингтоном? Доченька! — Вдова увидела на пухлом пальце девушки

золотое кольцо, привлекла ее к себе и горячо расцеловала.

Ма Вэй изменился в лице. Его отец молча смотрел, как женщины целуются, и не знал, что в таких случаях полагается делать. Немного успокоившись, юноша улыбнулся и поднял бокал с вином:

— Поздравляем вас, Мэри!

Он пригубил вино и не без труда проглотил его. Девушка села, обведя всех своими сияющими голубыми глазами, и склонила головку на грудь матери:

— Мам, я так счастлива! Завтра мы пойдем к нему домой, там будет официальное обручение. Я так счастлива!

Мать легонько похлопала ее по плечу и вдруг заплакала.

— Ты плачешь, мам? Ну что ты! — Мэри обвила ее рукой за шею.

— Это я от радости, доченька! — всхлипывая, улыбнулась миссис Уэндел. — Идите рассматривать остальные подарки в кабинет, а я покормлю собачку и уберу здесь!

— Пойдем, Ма Вэй! — Мэри взяла часть подарков и отправилась наверх.

Юноша печально взглянул на отца и, взяв все

остальное, последовал за ней. Господин Ма беспомощно поморгал. Он видел состояние сына, но не знал, как успокоить его. Когда молодые люди вышли, он снова наполнил свой бокал и начал медленно пить при свете лампы. Тут вернулась вдова. Поглядев на него, на разукрашенную лампу, она покраснела и отступила на шажок. Потом покраснела еще сильнее, подбежала к нему и вдруг поцеловала. Лицо Ма мигом стало багровым. Он весь задрожал, радостно засмеялся и бросился наверх. Вдова помедлила минуту и тоже пошла за ним…

Ночью, когда все уснули, миссис Уэндел, сидя на кровати, обнимала фотографию мужа, целовала ее и плакала:

— Прости меня, милый, я не сдержалась, мне так одиноко! Мэри тоже скоро покинет меня, и я останусь совсем одна! Прости меня, мой любимый! Я терпела столько лет, но больше не могу! Мне слишком тоскливо, одиноко, прости меня!

Так она и заснула, сжимая в руках фотографию.

5

Наутро после Рождества земля была покрыта слоем инея, сквозь редкие облака тихо пробивал-

ся солнечный свет. Привлеченные им, на улицы высыпали толпы народа, потому что многие во время праздника переели и сейчас, сверкая голыми икрами, устраивали пробежки за город: марафонская дистанция лучше всяких пилюль. Другие, забрав жен и детей, ехали повидать родителей. Дети чувствовали себя ужасно скованно в своей новой одежде, но зато мечтали показать бабушкам и дедушкам полученные в подарок игрушки. Третьи ночью легли очень поздно и спали до полудня, а проснувшись, мучились головной болью от перепоя. Четвертые, наоборот, встали рано и готовились пойти в театр, кино или цирк. В общем, все жаждали развлечений.

Обитатели дома миссис Уэндел тоже встали и едва закончили завтрак, как явился Ли Цзыжун. Нос у него покраснел от холода, на полях шляпы выступил иней, пальто было немного измазано, потому что он надел новые туфли, подаренные ему господином Ма, и, выйдя из дома, сразу поскользнулся. Вышел он сравнительно рано, так как его новые часы спешили на целых двадцать минут. Старые часы он тоже захватил с собой, чтобы проверить, какие из них ходят точнее. В результате он отдал предпочтение новым часам, поскольку время не мешает немного поторопить.

Если все делать медленно, так и жизнь незаметно пройдет!

— Ну, пойдем, старина! — сказал он, когда Ма Вэй открыл ему дверь.

— Войди, посиди хоть чуть-чуть!

— Нет, мы ведь решили пойти в театр, а тогда нужно заранее купить билеты. Если не достанем, можно отправиться в цирк или в кино, а позднее уже никуда не попадем!

Ма Вэй быстро надел пальто, застегнулся и выбежал на улицу.

— Попробуем сначала в Пикадилли! — предложил Ли Цзыжун.

— Хорошо, — ответил юноша, но на лице у него мелькнула печаль.

— Что с тобой?

— Да ничего, слишком объелся, — промолвил Ма Вэй, засунув руки в карманы.

— Не верю! — сказал Ли Цзыжун, продолжая внимательно вглядываться в него.

Юноша замотал головой. В этот момент он почти ненавидел приятеля. Тот был симпатичен, достоин уважения, но иногда несносен. Ли тоже подумал, что Ма Вэй, при всех своих достоинствах, бывает несносным. В действительности же они были очень привязаны друг к другу, поэтому

и переживали глубоко взаимные недомолвки.

— Снова несчастная любовь к мисс Уэндел? — спросил Ли Цзыжун. Слушать его было ужасно неприятно.

— Не твое дело! — еще грубее ответил Ма Вэй.

— Нет, мое! — засмеялся Ли Цзыжун. Видя, что друг по-прежнему молчит, он продолжил: — Мы только что с таким трудом добились перелома в торговле, а ты опять за свое! Неужели хочешь пожертвовать делом, ответственностью, надеждой, стремлениями?

— Да нет, не хочу! — Ма Вэй покраснел и искоса взглянул на него.

— Она же не любит тебя! Зачем ты волочишься за ней?

— Я сам все знаю.

— Что ты знаешь? — продолжал наступать Ли Цзыжун. Каждое его слово ударяло Ма Вэя прямо по сердцу. «Я просто дурак и действую по-дурацки! — подумал он, устремив взор в небо, еще не полностью закрытое облаками. — Я в самом деле не должен жертвовать всем ради женщины. Надо быть реалистом и смотреть правде в глаза: если я не буду как следует работать, мы с отцом пропадем, неужели не ясно?» Но вслух он произнес совсем другое:

— Глупый ты, не понимаешь важности любви!

— Я буду глупым, если полюблю женщину, которая меня не любит! — Ли Цзыжун весь напрягся и чуть снова не упал из-за своих новых, скользких туфель.

— Хватит, хватит, не говори больше об этом!

— Хватит? Это ты со мной все время споришь, ни одного дельного слова еще не сказал!

— Я ненавижу тебя!

— А я тебя! — засмеялся Ли Цзыжун.

— Ладно, придется сказать, — покраснел от досады Ма Вэй. — Дело в том, что она обручилась с другим.

— А к тебе это какое имеет отношение?

— Я не могу забыть ее, не могу! Последние два-три месяца пробовал забыть, даже не смотрел на нее, когда встречал, но ничего не получается! Она сидит в самом моем сердце! Я знаю свое место, свой долг, знаю, что она не любит меня, но забыть ее не могу. Вот она обручилась — и все рухнуло! На что я способен в таком состоянии? — Ма Вэй горько усмехнулся и замолчал.

Ли Цзыжун тоже помолчал, а потом добавил:

— Я понимаю, что ты чувствуешь себя униженным, что ты искренне старался забыть ее, но не смог. Я тоже бессилен в чем-либо убедить тебя.

Может быть, вам переехать?

— Надо посоветоваться с отцом!

Они дошли до Пикадилли, попытались купить билеты в нескольких театрах, но безуспешно — в праздники было слишком много желающих. В конце концов друзья поели в какой-то харчевне и отправились в цирк. Ли Цзыжун воспринимал все очень непосредственно: обезьяны верхом на конях, львы, прыгающие через обруч, белый медведь на велосипеде, танцующий ослик — все смешило его до слез. Но видя, что на лице Ма Вэя нет даже улыбки, он не решался смеяться вволю. После представления он сказал:

— Старина, ты должен взять себя в руки! В вашей торговле наметился просвет, и нельзя упускать его. Ты уже убедился, что упорным трудом можно побороть душевные терзания, зачем же снова в них впадать? К тому же сейчас в отношении Мэри у тебя нет никаких шансов, она обручена, и нечего лезть на рожон! Спасибо тебе, как-нибудь увидимся!

— Да, увидимся, старина!..

Когда юноша вернулся домой, его отец сидел в кабинете и разговаривал с миссис Уэндел.

— Хэлло, Ма Вэй, — улыбаясь, сказала вдова, — что видели? Понравилось?

— В цирк ходили, очень интересно.

— Я думаю, нам с твоим отцом тоже стоит сходить, в этом году цирк удачный!

«Нам? — удивился юноша. — Уже во множественном числе? Странно!»

— Давайте пойдем в субботу, и Мэри с собой прихватим, хорошо? — предложил Ма-старший.

«Опять — мы!» — подумал Ма Вэй.

— Хорошо, только не забудьте! — игриво ответила вдова и вышла.

— Отец, не переехать ли нам на другую квартиру? — спросил юноша.

— Почему?!

— Просто так, чтобы сменить место.

Господин Ма подбросил в камин угля.

— Если ты не хочешь, отец, я больше не буду говорить об этом, можно и не переезжать.

— По-моему, здесь очень удобно, незачем срываться с места и деньги зря тратить. К тому же миссис Уэндел… — Ма Цзэжэнь не стал продолжать и закашлялся.

Некоторое время они сидели молча. Внизу Мэри забренчала на пианино и запела. Играла она плохо, но голос у нее был такой звонкий, что юноша встал и беспокойно заходил по комнате.

— Ма Вэй, — тихо сказал отец, — ты не пода-

ришь мне кольцо, которое оставил дядя?

— А зачем оно тебе?

— Так подаришь или нет?

— Это же память о дяде, я сам его должен хранить. Вообще-то мне не жалко, но зачем оно тебе? Ты ведь не будешь его носить?

— Дело в том, сынок… — Господин Ма покраснел и стал немного заикаться. — Дело в том, что это кольцо мне нужно. Видишь ли, миссис Уэндел… В общем, у меня нет выхода… Ты уж прости меня.

Ма Вэй внутренне возмутился, но все-таки ничего не сказал. Откуда у него право судить отца? «На себя не мешает посмотреть! Ли Цзыжун может спорить со стариком, а я не могу. Кроме того, если отец женится на миссис Уэндел, это не так уж плохо: она женщина опытная, не столь расточительная, как молодые девчонки. Отец обретет свой дом, а может, и торговлей всерьез займется. Но не помешает ли это возвращению на родину?» Проблема была настолько серьезной, что юноша наконец заговорил:

— Отец, если ты обоснуешься здесь, то вернешься ли потом в Китай?

Этот вопрос поставил в тупик и господина Ма, он недостаточно над ним думал. Возвращаться

надо обязательно, но как быть с миссис Уэндел? Куда ее девать? «Будь я богачом, купил бы ей дом в Шанхае, обставил его по-английски, и все дела. Но я совсем не богач, и, если возьму ее с собой, у нее не будет ни общества, ни развлечений, ни привычной еды, ни даже языка. Это слишком жестоко! Она просто погибнет там! А если не возвращаться на родину, значит, мне умереть здесь, как умер брат? Нет, нет, нет! Не возвращаться нельзя, но и выхода не видно. Никакого выхода!»

— Ма Вэй, возьми его! — Господин Ма отдал сыну злополучное кольцо и ухватился за голову…

Он не знал, с кем поговорить на эту тему. С сыном? Невозможно. Между отцом и сыном неприлично вести такие разговоры. С пастором Ивенсом? «Но он не доволен тем, что я не помогаю ему заниматься китайским, и обязательно меня чем-нибудь уколет. Не с кем поговорить, абсолютно не с кем!»

Полночи он не спал и все время думал, но не думать тоже было невозможно. Иногда он засыпал, однако во сне ему являлась покойная жена. Ох уж эти женщины, даже после смерти мучают! Господин Ма всегда несколько сомневался в прекрасном поле, но эти сомнения были бессмысленны, так как без женщин не обойтись, хоть

сошли их всех в монастырь.

Наутро, когда он встал, в душе было по-прежнему мрачно, как на небе, покрытом тучами. Ма Вэй во время завтрака не проронил ни слова и яростно жевал хлеб, точно хотел стереть себе все зубы. Господин Ма искоса поглядел на сына поверх очков и тут же отвел глаза. Сердце у него защемило, а рука невольно потянулась к солонке, откуда он насыпал себе в чай целую ложку соли. Миссис и мисс Уэндел оживленно рассуждали о цирке, голубые глаза Мэри были устремлены на носик матери. Она только что согласилась пойти с ней в цирк, но услышала, что господин Ма тоже идет, и теперь давала задний ход: говорила, будто Вашингтон пригласил ее в кино, а кто-то другой — на танцы. Ма Вэю это было очень неприятно слушать, он отодвинул тарелку и вышел из гостиной.

— Ой, что с вами? — воскликнула миссис Уэндел и осталась сидеть с раскрытым ртом, как удивленная курица.

Мэри, пожав плечами, усмехнулась. Господин Ма тоже промолчал и героически хлебнул соленый чай. После завтрака он с трубкой в зубах медленно вышел из дома. Почти все магазины и лавки были закрыты, улицы выглядели пустын-

но. Взяв такси, он отправился к Александеру.

Дом Александера был большим и красным, как его собственное лицо. Когда Ма Цзэжэнь нажал на звонок, из дверей показалась одноглазая старуха — тоже большая и красная, словно накачавшаяся пивом. Ничего не сказав, она кивнула головой, и ее единственный глаз непроизвольно шевельнулся, как бы указывая Ма дорогу. Они шли вперед и молчали, прекрасно понимая друг друга и не нуждаясь в лишних словах.

Кабинет Александера оказался так велик, что его было трудно охватить взором. В камине пылал гигантский костер, который своими многочисленными языками пламени и искрами, похоже, собирался сжечь весь мир. Толстенный ковер на полу чуть не всасывал в себя человека. Четыре огромных стула стояли вокруг еще более огромного стола, ножки которого были немного потоньше слоновьих. Но зато спинки стульев значительно превосходили толщиной королевский или императорский трон. Стены были густо увешаны фотографиями, картинами, китайскими каллиграфическими прописями, саблями, мечами и оленьими рогами, которые угрожающе торчали во все стороны. Александер стоял у камина с манильской сигарой в зубах, на

ковре уже скопилась целая гора пепла.

— А, почтенный Ма, скорей заходи, погрейся! — вскричал он, подтаскивая один из стульев, и обратился к одноглазой старухе: — Миссис Хардинг, принеси-ка бутылочку тысяча девятьсот десятого года!

Единственный глаз старухи закрутился, и она вышла бесшумно, как привидение.

— Послушай, почтенный Ма, хорошо ли ты провел Рождество? Много ли выпил? Вряд ли много, вряд ли! Эта вдовушка не могла дать тебе как следует напиться! Ты понимаешь мою мысль?

Александер похлопал Ма Цзэжэня по плечу, и тот чуть не свалился в камин. Немного отдышавшись, он угодливо рассмеялся. Хозяин тоже захохотал — так что задрожал стол со слоновьими ножками.

— Почтенный Ма, я нашел тебе выгодную работенку, возьмешься?

— А что за работенка? — спросил Ма Цзэжэнь, которого явно покоробило слово «выгодная». Он по-прежнему улыбался, но довольно кисло.

— Пока не спрашивай. Главное, что по пять фунтов за раз, а всего три раза. Берешься?

Дверь открылась, в нее вошел черный кот, а за ним — одноглазая старуха с подносом, на котором

стояли бутылка вина и два стакана. Поставив поднос на стол, она налила гостю и хозяину вина, крутанула своим глазом и пошла, чуть не отдавив лапу верному коту.

— Пей, почтенный Ма! — Александер поднял стакан. — Настоящий тысяча девятьсот десятый год! Ты понимаешь мою мысль? Так говори, берешься за работу? Каждый раз по пять фунтов!

— А что все-таки за работа? — выпив, спросил Ма Цзэжэнь.

— В кино сниматься. Понимаешь мою мысль?

— Да какое отношение я имею к кино? Не смейтесь!

— Это очень легко! — Александер уселся и протянул к огню свои туфли, напоминающие небольшие лодки. — Послушай, я сейчас помогаю одной кинокомпании делать декорации, связанные с Востоком. Я ведь прожил на Востоке немало лет и знаю его, а всякие знания должны оплачиваться, превращаться в золото, только тогда от них толк. Эта кинокомпания снимает фильм о Шанхае и набирает для съемок китайцев, обязательно безносых и узкоглазых, ты понимаешь мою мысль? Обычных китайцев будут использовать лишь в массовых сценах, поэтому, кроме носов и глаз, тут ничего не требуется, режиссер

смотрит на них как на баранов. Когда снимаешь картину о деревне, нужны бараны, а когда о Китае — нужны китайцы, ты понимаешь мою мысль? Но помимо них режиссеру необходим еще почтенный китайский старик для роли богатого торговца — просто чтобы стоять в толпе и солидно выглядеть. Сняться нужно в трех сценах, и за каждую получить по пять фунтов! Делать ничего не надо: куда скажет режиссер, туда и встанешь; велит пройти несколько шагов — пройдешь. Очень легко! И за такой пустяк — пятнадцать фунтов! Возьмешься?

Выпалив все это, Александер схватил стакан и единым духом осушил его, так что даже в горле забулькало. Господин Ма слушал его и думал: «Видимо, мне все-таки придется взять в жены миссис Уэндел, а для этого покупать обручальные кольца. Если попытаться добыть деньги в лавке, то Ма Вэй и Ли Цзыжун воспротивятся. Может, сыграть этого богатого торговца? И нетрудно, и денег раздобуду, для простеньких колец хватит! Конечно, сниматься в кино не бог весть как почетно, да и с этой рванью из Ист-Энда придется якшаться, но…»

— Ну, так берешься? — рявкнул Александер. Ма Цзэжэню показалось, что у самого его уха

разорвалась бомба. — Давай выпьем еще!

— Берусь! — Господин Ма кивнул и потер ухо.

— Вот и хорошо, договорились! Дня через два пойдем вместе к режиссеру. А теперь давай пить!

Они быстро осушили бутылку.

— Миссис Хардинг! — заревел Александер. — Несите нам еще бутылку!

Одноглазая старуха повиновалась и на этот раз все-таки наступила на кота. Кот укоризненно поглядел на нее, но не издал ни звука.

Александер наклонился к уху Ма Цзэжэня:

— Вот глупый кот, даже не мяукнет! Пьян еще, вчера мы с ним вместе пили. Он если не напьется, то вечно шастает невесть где! А миссис Хардинг со своим одним глазом не может уследить за ним. Ты понимаешь мою мысль?

Он захохотал. Господин Ма тоже засмеялся и вскоре забыл обо всех своих невзгодах.

6

Новый год оказался в Англии всего лишь продолжением Рождества, его не отмечали так бурно, и все магазины были открыты. Хотя люди и твердили друг другу: «Счастливого Нового года!» — никакого особого счастья вокруг не чув-

ствовалось. Погода все время была пасмурной, туман перемежался дождем, прохожие брели, втянув голову в плечи, словно унылые цапли.

Накануне Нового года, в сочельник, разом зазвонили колокола, загудели гудки, и Ма Вэй, одиноко стоявший на улице, тайком уронил несколько слезинок. Он вспомнил о доме, недавние горести всколыхнулись в нем, но он все-таки утер слезы и вздохнул: «Надо идти вперед! Завтра Новый год, а прошлое необходимо забыть!»

Наутро он встал рано, позавтракал и решил сразу же отправиться из дома, чтобы начать новый год с пользой. Отца он попросил пойти в лавку, а сам обещал быть там после двенадцати. Сев в автобус, он поехал в Ботанический сад, добирался больше часа, но сад оказался еще закрыт. Юноша вернулся на мост, оперся о каменные перила и стал глядеть на Темзу. Вода в реке была серой, по обоим берегам тихо стояли деревья и тоже глядели на текущую воду. На ветвях сидели несколько нахохлившихся ворон и разговаривали друг с другом, будто жаловались на что-то. К одному из берегов была привязана лодочка, которая колыхалась на волнах, точно соскучившись от безделья. Мысли Ма Вэя улетали все дальше вслед за серыми волнами, он забыл даже о собственном

существовании. Далекие облака погружали реку и деревья в серый туман — такой же серый и печальный, как весь остальной мир, только более призрачный.

Часы на башне пробили десять. Юноша машинально, нехотя оторвался от моста и вернулся к Ботаническому саду. Ворота были уже открыты. Он положил на железный столик медную монету, привратник сонно взглянул на него, и Ма Вэй пожелал ему счастливого Нового года.

В саду не было видно никого, кроме нескольких садовников. Юноша развернул плечи и вдохнул полной грудью, как будто свежий воздух был приготовлен специально для него. Все деревья — старые, молодые, высокие, низкие — стояли голыми, без ветвей, словно отдыхая. На них не было ни цветов, которыми можно любоваться, ни плодов, пригодных на корм птицам, — одни худые и кривые сучья, причудливо вырисовывающиеся на фоне неба. За ними молча присели вечнозеленые деревья. Они были одеты, но не так горды и величественны, как голые гиганты. Вокруг стволов, точно сонные змеи, обвивались сухие ползучие растения. В теплицах стоял легкий туман, через стекло можно было разглядеть, что там внутри, однако Ма Вэй не пошел туда. На

клумбах по обеим сторонам дороги не виднелось ни единого цветочка, вся земля была взрыта и громоздилась угловатыми комьями.

Над рекой тоскливо стонали чайки и дикие утки. Почти все утки сидели нахохлившись, с дурашливым видом, чистя перья плоскими клювами, а чайки, напротив, беспрерывно летали и прочерчивали в сером небе серебристые линии. Небольшие черные уточки без передышки плавали, оставляя в воде треугольный след. Они не взлетали, не выходили на берег, а только плавали, внимательно следя за каждой тенью и чуть что ныряя. Ма Вэй проникся невольным уважением к этим трудолюбивым существам: дикие утки слишком ленивы, чайки — легкомысленны, но черные уточки явно не пропадут.

Трава на земле почему-то была еще зеленее, чем летом, хотя и не такая яркая. Та, что росла на берегу, среди влаги, отчетливо пахла, причем очень вкусно. Ма Вэй пошел по берегу, вдыхая этот запах, ступая по мягкой траве, глядя на отражения в воде, и на сердце у него стало спокойнее, сохранилось лишь облачко грусти. Несколько белых гусей, вытягивая шеи, выпрашивали у него еду, но у юноши ничего с собой не было, и глупые птицы разочарованно поглядывали друг

на друга. На соснах виднелись шишки, которые напомнили Ма Вэю о китайских пагодах среди старых сосен. Он повеселел, долго стоял на берегу, а мысли уносили его далеко на восток.

Тут он заметил парочки гуляющих и решил скрыться от них в бамбуковую рощу. В роще было безлюдно, тихо, слышался лишь шелест листьев, усеянных каплями росы. Нагнувшись, юноша посмотрел на надписи возле каждого сорта бамбука: японский, китайский, индийский — в общем, весь Восток. «Да, империалисты не дремали! — подумал Ма Вэй. — Они захватывали не только чужие земли, государства, но и чужие вещи, вплоть до растений и животных. Они изучают все — географию, язык, нравы, обычаи, — в этом и состоит их преимущество, а не только в военных делах. Грубая сила в один прекрасный день может быть подавлена, но знания нужны всегда! Англичане свирепы и в то же время достойны уважения!»

Сырость, идущая от земли, сковывала ноги холодом. Ма Вэй вышел из бамбуковой рощи и отправился к двум холмам, поросшим рододендронами. Между холмами тянулся овраг, здесь было теплее, чем в других местах; опавшие листья пахли каким-то лекарством. «Как

красивы рододендроны весной, когда они распускаются! — подумал юноша. — Красные, белые, розовые, точно… личико Мэри». При этих мыслях он снова взволновался; сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди, он с силой укусил себя за палец. «Никчемный я человек! Но я все-таки должен забыть ее, не пристало мне подражать отцу!» Он вынул из кармана колечко, тупо посмотрел на него, а потом яростно швырнул его на землю, в желтые листья. Бриллиант продолжал сверкать оттуда, точно звездочка.

Через некоторое время юноша услышал вдалеке звук шагов. Он подобрал колечко, опять сунул его в карман и пошел по извилистому оврагу, не желая никого видеть.

— Ма Вэй, Ма Вэй! — вдруг донеслось сзади.

Он сделал еще несколько шагов и только тогда обернулся.

— А, это вы, мисс Ивенс.

— С Новым годом, с новым счастьем! — воскликнула по-китайски девушка и, улыбаясь, пожала ему руку.

В последнее время Кэтрин немного пополнела, и сейчас, с лисьим воротником на шее, казалась еще дороднее. На ней был голубой суконный костюм и синий бархатный берет, края которого

свободно ниспадали вниз. От нее веяло удивительным спокойствием — может быть, даже бóльшим, чем от растущих вокруг невозмутимых рододендронов.

— Ты так рано, сестрица! — улыбнулся в ответ Ма Вэй.

— А сюда стоит приходить только рано. Потом уже бывает слишком людно и неинтересно. Ну, как ты провел Новый год? — Она потерла нос платочком, и Ма Вэй обратил внимание на то, что ее рука, обтянутая перчаткой, выглядит очень красиво.

— Хорошо. А ты куда-нибудь ходила?

— Нет, очень холодно было, никуда не тянуло, — ответила она, выходя с ним из оврага.

Юноша промолчал и нахмурился, устремив свои черные глаза в землю. Кэтрин бросила взгляд на его лицо.

— Ты почему все время такой невеселый? — Она говорила очень мягко и участливо, в глазах ее светился ум. Ма Вэй вздохнул. — Ну, скажи мне, скажи! — И она улыбнулась — чисто и искренне, как небесная фея.

— Не о чем рассказывать, сестрица! — натянуто усмехнулся Ма Вэй, как будто заплакал. — Кроме того, о некоторых вещах неудобно говорить тебе,

ведь ты девушка.

Она тоже усмехнулась, понимая, что он прав, и все же любопытство пересилило:

— Говори, говори, не обращай внимания на то, кто я. Почему девушки должны слышать меньше, чем мужчины? — Казалось, она решила высмеять все предрассудки на свете.

— Может быть, найдем спокойное место и посидим? — спросил он.

— Если ты не устал, лучше поговорим на ходу, а то сидеть слишком холодно. У меня уже ноги в ледышки превратились. Ну, говори же!

— Все это неразрешимые проблемы, — молвил он, по-прежнему колеблясь, стоит ли говорить с ней откровенно.

— Вот я послушаю, тогда и решу, какие они! — живо откликнулась девушка.

— Ну ладно, скажу о самом главном, а на остальное у меня все равно слов не хватит, — сдался Ма Вэй. — Дело в том, что я люблю Мэри, а она меня не любит, но забыть ее я не могу! Уж какие способы ни пробовал — все без толку. Ненавидеть себя бесполезно, ненавидеть ее — тоже. Я помню о своем деле, о своей ответственности, но образ Мэри все время жжет мне сердце. Это первая непосильная проблема. А вторая связана с отцом,

он, похоже, решил обручиться с миссис Уэндел. Ты же знаешь, что многие англичане смотрят на китайцев как на собак, и если он женится на ней, то просто ввергнет ее в ад, от нее отвернутся все родственники и знакомые. Если же отец возьмет ее с собой в Китай, она сойдет там с ума, столкнувшись с незнакомыми обычаями, с безденежьем — никто не выдержит этого! Я пока молчу, не мешаю их счастью — а может быть, несчастью? — не могу протестовать. Есть и еще одна трудно разрешимая проблема, касающаяся нашей торговли, которая сейчас пала на мои плечи. Я хочу учиться, но не могу не заниматься лавкой, а когда занимаюсь ею, то не могу как следует учиться. Отец совершенно не способен к торговле, у него в месяц получается на несколько десятков фунтов убытка. Если же я попытаюсь заменить его, то зачем я сюда приехал? Ты видишь, у меня не остается времени даже на то, чтобы заниматься с тобой английским! Я просто не знаю, что делать. Сестрица, ты умная, хорошо к нам относишься, помоги хотя бы советом!

Перед ними росли две мохнатые сосны с несколькими неровными шишками. Слабый солнечный свет, пробиваясь сквозь серые облака, золотил сосновые ветки. Кэтрин поправила свой

лисий воротник, и от нее пахнуло ароматным теплом.

— Разве Мэри не обручилась с Вашингтоном? — медленно спросила она.

— А откуда ты знаешь?!

— Я с ним знакома, — изменилась в лице девушка. Потом улыбнулась, но не очень естественно. — Она уже принадлежит другому, так зачем думать о ней?

— Это совсем непросто решить!

— «Непросто решить», «непросто решить»... — сказала она как будто самой себе, кивнула, и края ее берета дрогнули. — Да, никто до конца не понимает, что такое любовь!

— Что же ты посоветуешь, сестрица? — взволнованно спросил Ма Вэй. Кэтрин словно не слышала. — Ты в субботу занята?

Девушка взглянула на него:

— А что?

— Я хочу пригласить тебя в китайский ресторан. Придешь?

— Спасибо, приду. В котором часу?

— В час дня, в «Уголок лауреатов».

— Ну что ж, договорились. Смотри, какие красивые шишки на сосне, похожи на колокольчики!

Они молча вышли из сосновой рощи, обогнули

пруд и, не сговариваясь, направились к выходу. У ворот оглянулись — в саду было по-прежнему тихо, красиво, уединенно и холодно. Каждый из них думал о своем, но у обоих к мыслям примешивались неясность, любовь и тоска. Счастливый Новый год? Не похоже.

7

Из всех китайских ресторанов Лондона «Уголок лауреатов» был самым процветающим. Просторный, довольно недорогой, он с утра до вечера привлекал к себе посетителей. Среди них были не только китайцы, но и сиамцы, японцы, индусы, а из англичан — прежде всего бедные художники, социалисты с красными галстуками и толстые любопытные старухи, которые любили выпить здесь чашку чая «Драконов колодец» или съесть миску жареного риса с мясом и яйцами. Художники и социалисты приходили сюда, чтобы продемонстрировать свой интернационализм, а толстые старухи — чтобы почерпнуть побольше материала для болтовни, хотя в действительности им не нравились ни чай без молока, ни жареный рис. Китайцев тут было как раз немного, потому что они считали здешнюю еду не очень национальной и не привыкли к услугам офи-

цианток. По их мнению, в китайском ресторане не может быть порядочных женщин, так как те не желают общаться с китайцами. Ведь все они знают, что это опасно для жизни! Но женщины не слишком строгих правил могли строить глазки и индусам, и японцам, а потом и отдаться за два-три фунта или коробку конфет, китайцев они, как правило, не замечали, потому что все презирают китайцев, и проститутки здесь не исключение. У них тоже есть своя воля и гордость: с какой стати они будут угождать людям, которых все презирают?

Хозяин ресторана Фань, человек очень обходительный, вечно улыбался и ходил с прищуренными глазками, как будто с детства не мог отоспаться. Художники любили его, потому что он разрешал им рисовать на стенах все, что вздумается: женщин с бинтованными ножками, изможденных стариков, курящих опиум, крестьян с косами, кладущих поклоны Будде. Эти художники знали Китай точно так же, как остальные англичане, но зато могли изливать свои познания в красках, в результате чего все стены были измалеваны. Социалистам хозяин Фань нравился потому, что он часто говорил: «Моя не любит капитализму!» Это нравилось и толстым

старухам, которые находили очень забавным то, что он смешивает падежи и спряжения. Если обычные англичане презирают китайцев, то богатые англичане склонны относиться к ним как к игрушкам. Ведь китайцы едят палочками, почти не пользуясь ложками, ножами и тем более вилками, подают суп напоследок, пьют чай без молока и сахара, ничего не добавляют в рис — с точки зрения обычных англичан вроде миссис и мисс Уэндел, это отвратительно, а на взгляд толстых богатых старух — как раз очень мило и забавно.

Господин Ма уже полюбил хозяина Фаня, словно ближайшего друга или родного брата. Хоть торговцев он и презирал, но Фань пленил его своим обхождением, вечно прищуренными глазками и некоторыми особыми блюдами, которые он готовил для господина Ма. С таким человеком просто было невозможно не сблизиться. Видать, и среди торговцев иногда встречаются хорошие люди! Вот китайские студенты в ресторане очень противны и вульгарны, с ними не о чем разговаривать. К тому же, вернувшись на родину, они станут чиновниками, а эта мысль была невыносима для господина Ма, у которого карьера не удалась. При каждом удобном случае он строго

глядел на студентов поверх очков.

Особенно теплые отношения сложились у него с социалистами. Хоть газет он не читал и не знал, что в них ежедневно ругают Китай, но чувствовал, что большинство англичан никогда не станут ему друзьями. Даже толстые старухи, любящие слушать рассказы господина Ма, иногда поддевали его, и он улавливал это. Только социалисты неизменно расхваливали Китай, а свое правительство обвиняли в агрессивной политике. Господин Ма не имел настоящего представления о государстве, но все-таки гордился тем, что он китаец. Когда социалисты хвалили его народ, Ма невольно улыбался и приглашал их отобедать, а они после обеда называли его подлинным социалистом, потому что он платил за них.

Если он говорил обычным англичанам, что китайцы пьют чай без молока, его собеседники, как правило, восклицали: «Что? Без молока? Но как же они его пьют? Это просто ужасно!» А когда он говорил то же самое социалистам, они отвечали: «Китайцы лучше нас знают, как пить чай, ибо это они подарили его миру. Без них у нас не было бы ни чая, ни шелка, ни книгопечатания… О, китайская цивилизация! Ее просто невозможно

описать!»

Услышав такие речи, господин Ма ликовал, еще больше проникался мыслью о том, что он — представитель лучшей в мире цивилизации, и снова приглашал социалистов отобедать.

Когда Ма Вэй пришел в «Уголок лауреатов», его отец, съев китайских пельменей, уже ушел домой, потому что так повелела миссис Уэндел. Первым делом юноша увидел знаменитый ворот, с помощью которого еда подавалась на второй этаж. Этот ворот был личным изобретением хозяина Фаня и очень соблазнительно скрипел, пробуждая у клиентов аппетит. Ресторан делился на две части: внешнюю и внутреннюю. Внешняя была длинной и узкой, на ее стенах изображалась вся история китайской цивилизации, включая женщин с бинтованными ножками и стариков, курящих опиум, и некоторые знаменитые стихи вроде «В день поминовения дождик моросит»[10].

---

[10] Примечания: 10

Известное стихотворение поэта IX в. Ду Му. Вот его полный текст:

В день поминовения дождик моросит.
У прохожих на дороге вся душа болит.
Вот один из них спросил: «Где здесь кабачок?»
«Кабачок вон в той деревне!» – мальчик говорит.

Две последние строки пользовались особой любовью китайских пьяниц.

Внутренняя часть, напротив, была короткой и широкой, здесь на стенах висели разные рекламы с красавицами. Китайцы больше любили внутреннюю часть, потому что она напоминала привилегированные отдельные кабинеты, а иностранцы — внешнюю, где можно было насладиться экзотическими картинами на стенах и скрипением ворота.

Сейчас внешняя часть была уже заполнена. Ма Вэй прошел прямо во внутреннюю и сел за столик у стены. Неподалеку сидели два незнакомых ему китайских студента. Он слегка поклонился им, но они не ответили.

— Вы кого-нибудь ждете? — спросила официантка.

Ма Вэй кивнул. Студенты за соседним столиком говорили о том, как бы убедить посольство выразить протест против фильма, искаженно изображающего Китай. Одного из них, как понял юноша, звали Мао, а другого — Цао. Мао был в очках, но почти без бровей; Цао — без очков, но явно близорукий. Мао стоял за то, чтобы заставить консула сделать все, что нужно, а если он откажется, то избить его вместе с подчиненными. Цао возражал, говоря, что когда государство слабо, то протесты бессмысленны, а когда оно

сильно, то протесты просто не требуются. Студенты спорили все громче и ожесточеннее. Мао с удовольствием дал бы Цао по физиономии, но тот не обнаруживал ни малейшего желания быть избитым, поэтому Мао не решался действовать. В конце концов они замолчали и сердито уткнули носы в тарелки.

Вошла Кэтрин.

— Извини, Ма Вэй, я немного опоздала! — Она поздоровалась с ним за руку.

— Нет-нет, ничуть! — ответил юноша, передавая ей меню.

Кэтрин поправила платье и очень непринужденно села. Цао и Мао одновременно взглянули на нее и заговорили — сначала по-китайски, потом по-английски. Кэтрин заказала порцию «весенних рулетиков» с мясом, Ма Вэй тоже выбрал что-то.

— Ну как ты в эти два дня, получше? — спросила она с еле заметной улыбкой.

— Значительно лучше! — улыбнулся в ответ юноша.

Мао злобно посмотрел на него. Ма Вэю стало не по себе, но он продолжал беседовать с девушкой.

— Ты не видел в последнее время Вашингтона? — тихо поинтересовалась она, разглядывая

меню.

— Нет. Знаю, что он и к Мэри не заходил.

— А! — как будто успокоилась Кэтрин и вдруг отвела взгляд.

Принесли «весенние рулетики», Ма Вэй подцепил один палочками и положил ей. Она разрезала рулетик вилкой и очень аккуратно съела кусочек, при этом ее подбородок лишь слегка шевельнулся. Мэри ела совсем не так изящно, аппетитно и красиво. Юноша тоже отправил себе в рот рулетик, но в это время Мао сказал по-английски:

— Проститутки существуют для того, чтобы с ними спать, а в общественные места их водить не полагается! Знаешь, Цао, я не против продажных женщин, сам не раз пользовался их услугами, но не люблю, когда молодой парень тащит проститутку в ресторан, да еще угощает ее нашей национальной едой! Тьфу!

Кэтрин густо покраснела, положила вилку и хотела встать. Ма Вэй, наоборот, побледнел и дрожащими губами бросил только одно слово: «Погоди!»

— Что с тобой, Мао? — произнес близорукий, уже по-китайски. — Ведь иностранные женщины — не все проститутки.

— Нет, все! И я не люблю, когда их нагло тас-

кают по общественным местам! — взглянув на Ма Вэя, продолжал Мао по-английски. — Этим барчукам главное — покрасоваться, чтобы люди видели, что у них есть деньги. А для меня главное — переспать!

Кэтрин встала, Ма Вэй тоже.

— Погоди, — сказал он, — сейчас я проучу его!

Девушка стояла молча, вся дрожа. Ма Вэй подошел к столику студентов.

— Ты о ком говоришь? — зловеще спросил он, и глаза его полыхнули белым блеском.

— Ни о ком. Разве в ресторане нельзя разговаривать? — Мао струхнул, но все же не хотел отступать.

— О ком бы ты ни болтал, сейчас же извинись, а то я тебе покажу! — Юноша грохнул кулаком по столу.

Мао, словно кузнечик, отскочил к стене и замотал головой. Ма Вэй подступил к нему, студент жалобно скривил физиономию, но продолжал мотать головой. Цао попытался удержать юношу:

— Говори спокойно, не сердись!

Ма Вэй толкнул его и разом усадил. Потом усмехнулся и быстро дал Мао две пощечины. Тот взвыл от боли, но головой мотать перестал. Подбежали, переглядываясь, две официантки,

посетители из внешней части ресторана, вечно улыбающийся хозяин Фань. Никто ничего не понимал. Кэтрин, опустив голову, пошла к выходу.

— Что ты здесь делаешь, Кэт? — вдруг спросил ее кто-то.

— А, это ты, Пол? Пойдем домой! — Она старалась не смотреть на брата.

— Погоди, я сначала выясню, что тут происходит!

Он протиснулся сквозь толпу, оттолкнул хозяина ресторана, и тот, по-прежнему улыбаясь, упал, ударившись головой о ножку стола. На лбу у него мигом вскочила синяя шишка величиной с гусиное яйцо.

— Ты что делаешь, Ма Вэй? — грозно спросил Пол, засунув руки в карманы. — Не воображай, что ты человек и можешь гулять с нашими девушками! А если слов не поймешь, попробуешь моих кулаков!

Ма Вэй молчал и из бледного становился красным.

— Вот видишь, старина Цао, как вредно таскать с собой проституток! — воспользовавшись случаем, вставил Мао.

Юноша, стиснув зубы, бросился на него, и тут Пол нанес ему удар в челюсть. Ма Вэй попятился,

упал на стол, но все-таки не свалился. Мао кузнечиком выпрыгнул из толпы и скрылся. Хозяин, заискивающе хихикая и щупая шишку на лбу, хотел разнять дерущихся, однако не посмел.

— Ну что, еще хочешь? — презрительно усмехнулся Пол.

Китайцы рвались на помощь, но англичане удерживали их:

— Пусть дерутся, сами справятся, драка должна быть справедливой!

Социалисты, всегда стоящие за мир, на этот раз молчали. Ведь верх одерживал англичанин, поэтому «справедливость» их вполне устраивала; они спокойно ждали, кто в конце концов победит. Ма Вэй чуть передохнул, сорвал с себя твердый воротничок и кинулся на Пола. Тот, побледнев, удержал правую руку соперника и ударил его по левой руке, но юноша все-таки заехал ему в подбородок. Теперь попятился англичанин. Раскинув руки, он изо всех сил пытался удержать равновесие, и тогда Ма Вэй спокойно нанес ему решающий удар. Пол рухнул, задрав ноги. Видя, как он беспомощно барахтается, Ма Вэй поднял его:

— Давай мириться!

Англичанин отвернулся, не желая пожать

протянутую ему руку. Ма Вэй усадил его на стул, нацепил свой воротничок и медленно пошел к выходу, облизывая кровоточащую губу. Социалисты, глядя на него, по-прежнему молчали, но в душе были очень недовольны: этим поборникам мира совсем не улыбалось, что иностранец побил англичанина. Их позиции серьезно изменились.

Господ Мао и Цао давно не было. Юноша поискал глазами Кэтрин — она тоже исчезла. Ма Вэй поправил воротничок, стер с лица кровь и горько усмехнулся.

8

— Мам, мам! — говорила со слезами Мэри, и ее глаза напоминали влажные голубые виноградины. — Я уже много дней не видела Вашингтона, даже написала ему, а он не отвечает! Я должна пойти к нему, узнать, в чем дело… Теперь я ненавижу его! — Она упала на грудь матери и разразилась рыданиями.

— Мэри, милая, не плачь! — похлопала ее по голове мать, тоже со слезами. — Он наверняка занят и не может прийти к тебе. Дела часто оказываются несовместимы с любовью. Верь ему, не подозревай невесть в чем, он наверняка занят! Ты привыкла ходить куда-нибудь по субботам,

а тут его нет, вот ты и расстроилась. Подожди, вечером он непременно придет, а если не придет, я пойду с тобой в кино, хорошо?

Мэри, подняв голову, обняла мать и поцеловала. Миссис Уэндел поправила ей волосы на лбу, и дочь, продолжая всхлипывать, вытерла глаза платочком.

— Мам, ты думаешь, он занят? Ты действительно так думаешь? Но почему же он тогда не напишет хотя бы открытку? Нет, я не верю! У него появилась другая девушка, он забыл меня! Мужчины все такие, я ненавижу его!

— Не надо так говорить, Мэри! В любви бывают всякие моменты. Терпи, верь, и в конце концов он будет твоим! Твой отец в свое время… — Она запнулась и покачала головой.

— Ты постоянно говоришь: терпи, верь… Почему женщины вечно должны терпеть, а мужчины ведут себя, как им вздумается?

— Ведь ты уже обручилась с ним, не так ли? — просто и в то же время жестко спросила миссис Уэндел.

— Когда люди обручаются, они оба должны соблюдать условия! Если он хочет их нарушить, почему я обязана страдать? К тому же это он настаивал на обручении, я только согласилась, а

теперь… — Мэри, по-прежнему сидя в объятиях матери, засучила ногами по ковру.

— Не говори так, — успокоительно произнесла вдова. — Люди не могут оторваться от законов природы: мужчины ищут женщин, а женщины не обходятся без мужчин. Брак — это и результат любви, и ее опыт, и ее начало. Послушай меня, Мэри: терпи, верь, и он от тебя никуда не денется. Думаю, что в эти дни он действительно занят.

Девушка встала и, посмотревшись в зеркало, начала ходить по комнате.

— Мама, я и одна живу очень хорошо, зачем мне мужчина?

— Что значит «зачем»? — резко спросила миссис Уэндел.

— Если мне понадобится партнер, я всегда найду его и буду следовать законам природы! — с некоторой насмешкой произнесла Мэри, хотя и не очень веря в то, что говорит.

Вдова осуждающе поглядела на дочь и вздернула свой носик. Девушка тоже замолчала. Ей стало немного легче. Она действительно не верила в то, что говорила, но так было проще излить свою злость. Пока любовь людей к семье еще не полностью отмерла, браки неизбежны, в какой бы форме, по каким бы обрядам они ни совершались.

Человек по природе эгоистичен, а самый приятный вид эгоизма — создание собственной семьи. Это природное свойство нелегко искоренить, сколько бы люди ни ратовали за отмену брака. И Мэри интуитивно чувствовала это.

Миссис Уэндел тоже не принимала слов дочери близко к сердцу, а думала о другом: как ее развеселить. Она знала, что молодежь, особенно современная, не выносит бездействия, ей все время нужно что-то делать — либо танцевать, либо гонять на чем-нибудь, либо ходить в кино… Поразмыслив, вдова остановилась на кино, но сегодня она не могла пойти туда с Мэри, потому что договорилась о встрече с господином Ма. Вспомнив об этом, она подумала: как ей сказать дочери о своем намерении выйти замуж? Мэри так горда, разве она стерпит, чтобы ее мать вышла за китаезу? Может быть, этот брак вообще не имеет смысла? Тогда придется оставить всякую надежду на личное счастье. Неужели поступать так, как говорит Мэри: если нужен партнер, тут же находить его? Но результат может оказаться еще хуже — ни общество, ни обычаи не позволяют свободных отношений между мужчинами и женщинами! Да и возможны ли в принципе такие свободные отношения? Неразрешимая

проблема!

Вдова потерла свой носик и взглянула на дочь, которая, вся покраснев, продолжала ходить по комнате.

— Миссис Уэндел! — тихо позвал из-за двери господин Ма.

— Входите! — откликнулась хозяйка.

Ма Цзэжэнь был со своей неизменной трубкой, в накрахмаленном воротничке, который свободно крутился на его шее, и с новым, криво повязанным галстуком.

— Ну-ка, подойдите! — усмехнулась вдова. Она поправила ему галстук, а Мэри искоса смотрела на них обоих.

— Мы ведь договорились пойти с вами за покупками? — робко напомнил господин Ма.

— Да, но Мэри не очень… здорова, я не хочу оставлять ее одну! — Хозяйка повернулась к дочери: — Может быть, пройдешься вместе с нами?

— Нет, я буду ждать Вашингтона. Вдруг он сегодня придет? — Гнев Мэри уже улетучился, она по-прежнему надеялась.

— Ну что ж, хорошо, — ответила мать и пошла переодеваться.

Тут как раз вернулся Ма Вэй — весь бледный, взъерошенный, с кровоточащей губой (Пол чуть

не выбил ему один зуб), грязным воротничком и следами крови на галстуке.

— Что с тобой? — воскликнул господин Ма, и воротничок на его шее описал полный круг.

— О, Ма Вэй! — дрожащими губами пролепетала Мэри.

Юноша гордо усмехнулся, сел в кресло и вытер рот рукавом. Отец приблизился к нему и повторил:

— Что с тобой?

— Подрался! — ответил Ма Вэй, глядя в ковер.

— С кем? — побледнел отец. Усы у него встали торчком.

— С Полом. И побил его! — ухмыльнулся юноша, разглядывая свои руки.

— С Полом?! — одновременно вскрикнули Ма и Мэри и, застеснявшись, разом замолчали. Потом Ма-старший продолжил: — Мы не должны никого обижать!

Господин Ма больше всего на свете боялся драк. Даже напившись пьяным, он не был способен запустить бокалом в голову ближнего. Свою жену он иногда поколачивал, но это совсем другое дело; к тому же жена не могла дать ему сдачи. Маленькому Ма Вэю он с утра до вечера твердил, чтобы тот ни с кем не ссорился, обходил

драчунов стороной… А сегодня, в Лондоне, его сын сцепился с заморским чертом, да к тому же с Полом, отпрыском пастора Ивенса! Ма Цзэжэнь тупо смотрел на сына и чуть не терял сознание.

— О, Ма Вэй! — словно испуганная птица, вскрикнула, подойдя, миссис Уэндел.

— Он побил Пола! — пробормотал господин Ма. — Что же делать? Что делать?

— Ты, я вижу, изрядный шалун! — укоризненно сказала вдова и обратилась к Ма-старшему: — Ничего, дети часто дерутся! — Она повернулась к дочери: — Мэри, принеси чистой воды, вымой ему рот! — Потом снова обратилась к Ма-старшему: — Пойдемте!

Господин Ма покачал головой. Миссис Уэндел взяла его под руку и повела, он покорно вышел.

Тем временем Мэри принесла банку воды, лекарство, останавливающее кровь, и немного ваты. Первым делом она велела Ма Вэю выполоскать рот, потом смоченной в лекарстве ваткой протерла ему губы. Ее большие голубые глаза с длинными ресницами маячили перед ним и светились добротой, сочувствием; ее волосы, похожие на золотые электрические проводки, касались его лица. Юноша покраснел и опустил голову, не решаясь смотреть на нее, но чувство-

вал тепло, исходящее от ее груди, и это заставляло его вздрагивать.

— Почему вы подрались? — спросила девушка.

— Я обедал с его сестрой, а он вошел и ударил меня…

— Ах вот оно что! — Мэри взглянула на него с неодобрением, так как он посмел драться с англичанином, и в то же время с уважением, ибо он не только посмел драться, но и победил. Культ героев — особенность европейцев, победивший у них всегда прав, и Мэри нашла, что Ма Вэй даже симпатичен. Запачканный воротничок, кровь на галстуке, всклокоченные волосы — все это было необычным и полным притягательной силы. Ведь истинно мужское начало состоит прежде всего в храбрости, физической мощи, грубости, которые заставляют женщин еще больше верить в мужчин и тянуться к ним. Девушка протирала Ма Вэю губы, но ее сердце было уже захвачено этим культом героев, и она машинально попадала ему то на щеку, но на нос. Его желтое лицо уже казалось ей не противным, а золотистым, над черными волосами как будто сиял ореол. Да это был настоящий мужчина, герой, рыцарь, воин!

Вытирая ему рот, она невольно оперлась о его колено. Он медленно, дрожа, положил ладонь на

ее руку и неотрывно смотрел в красные, пухлые губы.

— Мэри, Мэри, — с трудом проговорил он, — ты знаешь, что я люблю тебя?

Она отдернула руку и встала:

— Любишь? Это невозможно!

— Почему? Потому что я китаец? Но любовь не признает государственных границ! Неужто китайцы настолько никчемны, что и любить не имеют права? — Он тоже встал и продолжал смотреть на нее. — Я знаю, ты презираешь азиатов, думаешь, что они все убийцы, отравители и насильники. Но вот мы живем рядом с вами скоро год, разве ты не видишь, что я совсем не такой? Понимаю, ваши сведения о китайцах выужены из газет и низкопробной литературы, но неужели ты веришь этим сплетням? К сожалению, ты уже обручилась с Вашингтоном, поэтому я хочу лишь, чтобы ты стала моей доброй подругой и знала, что я люблю тебя. Ведь любовь проявляется не только в физической близости. Если ты поверишь в мои дружеские чувства, я буду навеки счастлив. Я завидую Вашингтону, но из любви к тебе подавлю в себе всякую ревность… — Ма Вэй не мог больше говорить и даже стоять: ноги не выдерживали тяжести тела, и он с шумом опустился на стул.

Мэри долго молчала и причесывалась маленьким гребешком. Потом вдруг спросила:

— Ты в эти дни видел Вашингтона?

— Нет. Кэтрин тоже спрашивала о нем, но я ничего не смог ответить.

— Кэтрин? А почему она спрашивала о нем? Разве она с ним знакома? — Глаза Мэри округлились, она покраснела и спрятала гребешок в карман.

— Я не знаю, — нахмурился Ма Вэй. — Извини, если случайно задел тебя, но я не знаю их отношений. Так или иначе, у человека может быть не один друг, не правда ли? — Он иронически усмехнулся.

Девушка гневно взглянула на него и, ни слова не говоря, выскочила за дверь.

9

Миссис Уэндел, вытянув шею, шла по улицам, переулкам, а господин Ма, съежившись, поспевал за ней. Поспевать становилось все труднее, потому что ее энергия неуклонно усиливалась, а его — ослабевала. После обручения им следовало идти, по крайней мере, рядом или под руку, но прогуливаться под руку со старым китайцем было немыслимо, и вдова уже немного раскаива-

лась. Да и Ма Цзэжэнь был близок к раскаянию: если бы он шел с китаянкой, та болталась бы на несколько саженей сзади, а теперь женщина им помыкает! Но иногда миссис Уэндел останавливалась, поджидала его, он подбегал, они оба улыбались, и раскаяние проходило.

Они зашли в большой ювелирный магазин. Господин Ма хотел посмотреть обручальные кольца, а продавец раскрыл перед ними коробку с медными колечками по четыре пенса, какими играют маленькие девочки. Ма Цзэжэнь попросил кольца подороже, продавец удивленно взглянул на него и достал коробку с посеребренными кольцами по три шиллинга за пару.

— Пожалуйста, еще дороже! — сказал господин Ма.

Продавец натянуто усмехнулся:

— Они будут стоить фунт!

Миссис Уэндел побагровела и тронула Ма за руку:

— Пойдем туда, где продают дорогие вещи!

Ма Цзэжэнь кивнул.

— Извините, госпожа! — поспешно молвил продавец. — Я ошибся, думал, что господин — китаец, а он, оказывается, японец! У нас много японских клиентов… Извините, пожалуйста, я

сейчас достану хорошие кольца!

— Этот господин — китаец! — с вызовом произнесла миссис Уэндел.

Продавец еще раз взглянул на Ма Цзэжэня и принес новую коробку, с золотыми кольцами.

— Эти все дороже десяти фунтов! — злорадно ухмыльнулся он.

Господин Ма тоже вошел в раж и оттолкнул коробку:

— А дороже двадцати фунтов есть?

Продавец изменился в лице, явно возмечтав вызвать полицию, потому что китаец, который носит с собой больше двадцати фунтов, — это наверняка разбойник; у обычных китайцев и фунта не увидишь. Пока он колебался, миссис Уэндел схватила господина Ма за руку и вывела из магазина. Продавец тут же бросился записывать приметы китайца, чтобы удобнее было доложить полиции, если где-нибудь произойдет грабеж.

— Не будем ничего покупать, не будем! — твердила в ярости вдова.

— Не надо сердиться! — попытался успокоить ее Ма Цзэжэнь. — Это не магазин, а лавчонка, в нем нет приличных вещей, пойдем в другое место!

— Нет, я не вынесу этого, возвращаемся до-

мой! — бросила она и, увидев подошедший автобус, птицей влетела в него. Господин Ма пробежал несколько шагов за автобусом, растерянно поглядел ему вслед и пробормотал:

— Ох уж эти иностранки, какие строптивые!

Долго он сокрушался: невеста сбежала, сын его не слушается, чиновничья карьера не удалась, машины носятся как бешеные… «Что же делать? Абсолютно непонятно! Пожалуй, остается только терпеть, но не стоит сразу возвращаться домой — пусть они увидят, что мне все равно, а то чем лучше я себя веду, тем больше они распоясываются. Правильно, не буду торопиться!»

Он взял такси и отправился к пастору Ивенсу.

— Я знаю, для чего вы приехали, господин Ма! — сказал пастор, пожимая ему руку. — Не нужно извиняться, парни часто дерутся!

Ма Цзэжэнь, заготовивший целую телегу добрых слов и извинений, был несколько обескуражен и лишь горько усмехнулся. Пастор за последнее время немного похудел, ибо дни и ночи корпел над китайскими книгами, уже словарь истрепал, но так ничего и не понимал. В его желтых глазах застыло разочарованное выражение.

— Отец Ивенс, я просто не знаю, что делать! — воскликнул Ма, войдя в гостиную. — У меня ведь

нет никого, кроме сына, а он все время преподносит мне сюрпризы, теперь вот с Полом…

— Садитесь, господин Ма! — промолвил пастор. — Не поминайте больше об этом, парни уже разобрались между собой! Пол еще в школе часто дрался, я ничего не мог с ним поделать, да и не хотел, признаться. Скажите лучше, вы ходили в миссионерское общество?

Ма покраснел и ответил не сразу:

— На следующей неделе пойду, обязательно пойду!

Ивенс не стал больше допытываться, но в душе был недоволен. Толкнув очки к переносице, он сказал:

— Господин Ма, вы все-таки должны помочь мне, у меня с китайским совсем плохо. Если вы не поможете, то…

— Обязательно помогу, непременно! — с жаром вскричал Ма, а сам подумал: «Раз он готов простить Ма Вэю драку с Полом, отчего бы действительно не помочь пастору? Тогда никто из нас не будет внакладе!»

Пастор как будто угадал его мысли:

— Я прошу вас о помощи вовсе не потому, что наши сыновья подрались — это, в конце концов, их забота. Если вы поможете мне, я тоже могу

кое-что для вас сделать. Время — деньги, я отнюдь не хочу, чтобы вы даром тратили свой досуг.

— Понимаю, — кивнул господин Ма, думая: «Эти заморские черти страшно прилипчивы, не могут не загнать тебя в угол!»

Ивенс поморгал своими желтыми глазами:

— Так когда у вас есть время? И что я могу сделать для вас? Давайте договоримся прямо сегодня, чтобы начать как можно быстрее!

— Я в любой день свободен!

Пастор хотел что-то сказать, но в этот момент вошла его жена со спутанной ватой на голове. Овраги по обе стороны ее носа выглядели особенно глубокими, а глаза под вспухшими веками — особенно свирепыми.

— Господин Ма, что позволяет себе ваш сын? — грозно спросила она.

— Я пришел, чтобы…

— Что позволяет себе ваш сын? — повторила она, не дав гостю договорить и надув шею. — Я вижу, ваши парни совсем обнаглели и решаются бить наших детей! Лет двадцать назад вы дрожали, встретив иностранца, а сейчас смеете лезть в драку? Вот убьют одного из вас, тогда узнаете! Это вам не Китай, чтобы целыми днями устраивать свары! В Англии есть законы!

Ма Цзэжэнь молча проглотил слюну. Видя, как он жалок и как страшна его супруга, пастор открыл рот, но тут же закрыл его. Он знал, что Ма Вэй не ранил Пола, а только слегка надавал ему по шее. Миссис Ивенс любила своего сына, однако тоже не стала бы сердиться из-за такого пустяка. Разгневало ее другое — то, что Пола победил китаец. Англичане привыкли к тому, что весь мир находится под их ногами: Гонконг, Индия, Египет, Африка… Сыны Альбиона не только сами гордились собой, но и хотели, чтобы все другие нации признавали их превосходство. Вот почему миссис Ивенс и не могла стерпеть позора — его мог снести лишь такой слабый человек, как ее муж; она почти ненавидела его!

— Мама! — приоткрыв дверь, крикнула Кэтрин.

— Что случилось? — повернулась миссис Ивенс, словно дуло горного орудия.

— С тобой хочет поговорить мисс Уэндел.

— Зови ее сюда! — выстрелила госпожа Ивенс.

Мэри вошла, Кэтрин за ней. Хозяйка приблизилась и с милой улыбкой поздоровалась. Казалось, она совсем забыла о муже и господине Ма. Пастор тоже поздоровался, но Мэри почему-то не ответила, только мяла в руках шляпу. Шея у нее

была красной, а лицо — белым, в расширенных глазах блестели слезы. Девушка вытянула шею и вдруг засучила ногами по полу, точно не в силах стоять.

— Садись, Мэри, — все с той же улыбкой сказала хозяйка.

Пастор подал гостье стул, она неловко села и даже не поправила юбку, из-за чего показались ее полные ноги. Миссис Ивенс недовольно покривилась. Кэтрин тоже была бледной, но очень спокойной, лишь глаза выдавали волнение: она поглядывала то на мать, то на Мэри. Господина Ма она как будто не заметила.

— Ну что, Мэри? — Миссис Ивенс ласково положила ей руку на плечо и заодно бросила свирепый взгляд на Ма Цзэжэня.

— Спросите вашу дочь, она знает! — Мэри дрожащей рукой указала на Кэтрин.

Миссис Ивенс повернулась к дочери и ничего не сказала, спросила только взглядом.

— Мэри считает, что я похитила ее Вашингтона! — с расстановкой произнесла Кэтрин.

— А кто это такой? — покрутила головой хозяйка.

— Малый на мотоцикле, рано или поздно разобьется! — тихо вставил господин Ма.

— Мой жених! — закусила губу Мэри.

— Зачем тебе его похищать? Да и как? — спросила хозяйка у дочери.

— Я никого не похищала! — спокойно и твердо ответила Кэтрин.

— Как же не похищала, если он ко мне не приходит? — вскричала Мэри. — Ты только что сказала, что часто с ним видишься. Говорила или нет?

— Говорила. Я не знала, что он твой возлюбленный, знала только, что он мой друг. А друзья часто ходят вместе! — улыбнулась Кэтрин.

Госпоже Ивенс наскучило слушать эту дискуссию. Она привыкла все решать сама, а тут еще разбирайся в девичьих глупостях! И она, надув шею, спросила:

— Кэт, ты действительно знаешь этого Вашингтона?

— Да, мама.

Та нахмурилась.

— Миссис Ивенс, вы должны помочь мне, спасите меня! — вскочила Мэри. — В этом все мое счастье, вся моя жизнь. Скажите Кэтрин, чтобы она отпустила его, он мой, мой!

Хозяйка холодно усмехнулась:

— Мэри, будь осторожнее в словах! Моя дочь не похищает мужчин с улицы! Ты явно ошиблась.

Если бы Кэт была такой дурной, как ты думаешь, я бы приструнила ее. Я ее мать и сумела бы ее приструнить! — Переведя дух, она обратилась к дочери: — Кэт, свари кофе! Мэри, ты хочешь чашечку кофе?

Девушка не ответила. Видя, что все молчат, господин Ма решил сказать словцо:

— Мэри, пойдем домой!

Та кивнула. Ма Цзэжэнь попрощался с пастором и, не решаясь взглянуть на миссис Ивенс, взял за руку Мэри. Рука у нее была холодной. Кэтрин все так же спокойно улыбнулась господину Ма и сказала девушке:

— До свидания, Мэри. Мы ведь добрые подруги, не так ли? Не думай обо мне дурно, до свидания!

Мэри замотала головой и надела шляпку. Господин Ма кликнул такси.

10

Во время завтрака все сидели надувшись. Господин Ма считал виноватым сына, сын — отца, миссис Уэндел страшно жалела дочь, но еще больше — себя, Мэри находила мать смешной, однако смеяться почему-то не хотела. Короче говоря, никто не решался сказать ни слова, но все сидели надувшись. На бедного Наполеона просто

не обращали внимания. Он попробовал лизнуть ногу Мэри — та убрала ее; попытался понюхать ботинки господина Ма — они тоже были спрятаны от него. Недовольный Наполеон отправился во дворик и надулся на высохшие розы. Почему эти комичные люди все время на что-то дуются? Они не понимают, что в такие моменты, как и собаки, выглядят еще комичнее!

После еды господин Ма медленно пошел наверх и закурил свою трубку. Мэри холодно поцеловала мать и, надев шляпку, ушла на работу. Ма Вэй тоже собрался в лавку и уже надел пальто. Внезапно его подозвала хозяйка. Глаза у нее были заплаканы, когда она тихо сказала:

— Ма Вэй, вы должны переехать.

— Почему, миссис Уэндел? — натянуто улыбнулся юноша.

Вдова тяжело вздохнула:

— Этого я не могу сказать. Причин нет, но лучше вам подыскать другую квартиру. Ради бога, извините!

— Мы в чем-нибудь провинились?

— Нет, абсолютно ни в чем! Именно поэтому я и прошу вас переехать! — Хозяйка попыталась засмеяться, но у нее это не вышло.

— А как же отец?

— Ни о чем не спрашивай! Твой отец… твой отец… ни в чем не виноват! И ты хороший парень! Вы оба нравитесь мне, но сейчас вы не можете здесь больше жить, не можете… Ладно, Ма Вэй, иди скажи об этом отцу, а то я не в силах! — По ее щекам покатились две одинокие слезинки.

— Хорошо, миссис Уэндел, я сделаю все, о чем вы просите! — Он пошел наверх, а вдова, кивнув, стала вытирать глаза платочком.

— Отец, хозяйка велит нам съезжать! — с беззаботным видом сказал он, желая проверить, как тот поведет себя.

— А-а! — протянул господин Ма и поглядел на сына.

— Будем искать другую квартиру? — спросил юноша.

— Погоди! — Отец вынул трубку изо рта. — Погоди, я скажу тебе, если надо будет.

— Ладно, тогда я пойду в лавку! Вечером увидимся!

И Ма Вэй убежал. Ма-старший сидел еще долго, но придумать ничего не мог. Хотел спуститься и начистоту поговорить с миссис Уэндел — не решился. Неужели безропотно уезжать? Может быть, попросить пастора Ивенса потолковать с ней? Нет, он не станет заниматься такими пустя-

ками, заморские черти вообще не любят влезать в чужие дела. «Вот вам и преимущества свободного брака! Если б нам помогала сваха, то побегала бы раза два и все сладилось… А сейчас смотрите, как трудно: и посредников не найти, и самому действовать неудобно!»

Он снова долго сидел, но, не в силах ничего придумать, попробовал догадаться, что руководило миссис Уэндел: «Почему она забила отбой? Не понимаю, ничего не понимаю! Может быть, она решила, что я слишком беден? Но у меня же лавка! Считает старым? Но и она далеко не девочка. Недовольна тем, что я китаец? Но ведь китайцы — самые цивилизованные люди! Считает некрасивым? Но все, у кого есть глаза, видят, насколько я аккуратен, порядочен, благообразен! Уж не присмотрела ли она себе кого-нибудь другого? — Усы у него встали торчком. — Ну и ладно, она тоже не бог весть какая находка! Носик остренький, характер колючий, так что нечего вокруг нее увиваться! Надо быть гордым… Переезжать так переезжать!»

Окончательно распалив себя, он вскочил и направился вниз по лестнице, бормоча:

— Вот пойду сейчас и напьюсь, и ничего она мне не сделает, я сам себе хозяин! — Он ударил себя

кулаком в грудь и покрутил пальцем в воздухе.

Услышав его шаги, миссис Уэндел хотела подойти к нему, но он лишь искоса взглянул на нее, надел пальто, шляпу и вышел. Брякнув на прощание дверным кольцом, он повторил:

— Я сам себе хозяин!

Вдова одиноко плакала на кухне…

Тем временем Ма Вэй сидел в своей конторке, окруженный грудой объявлений о весенней распродаже, буклетов и открыток, наваленных на столе. Двигаться не хотелось. Казалось, все было достаточно просто, хоть по пальцам пересчитывай, но на самом деле сложно и запутанно. Переехать, решительно поговорить с отцом, начать новую жизнь? Легко сказать! Например, нужно ли вообще переезжать? Стоит ли ссориться с отцом, что это даст? Так ли уж необходимо полностью забывать Мэри? У великих и маленьких людей трудности и мучения одинаковы, но великие потому и велики, что обладают решительностью. Ма Вэй же обладал всем, кроме решительности.

Он сидел и сидел, как в коробке; мысли его были мрачны, словно лондонские туманы; кругом ни капли света — одна тоска. Любовь, которая теплилась в его сердце, точно рассеялась между

Мэри, отцом, Ли Цзыжуном, осталось лишь тело, сидящее на стуле. Ад, настоящий ад! Хоть бы покупатель какой-нибудь пришел, но за полдня, как назло, ни одного клиента. И отец не идет.

Наконец явился Ли Цзыжун. Он показался Ма Вэю воплощением солнечного света.

— Старина, что же ты не отсылаешь открытки? — спросил Ли, указывая на заваленный стол.

— Не спеши, сегодня обязуюсь все отослать! — попробовал улыбнуться Ма Вэй. — Ты что делал в эти дни?

— Что делал? Снадобье от бедности варил! — Ли Цзыжун снял шляпу, аккуратно обтер ее рукавом и положил на стол. — Хочу поделиться с тобой приятной вестью…

— Какой вестью?

— Моей, — слегка покраснел Ли. — Я обручился.

— Ты?! Не верю! Я никогда не видел тебя ни с одной женщиной!

— Не веришь? Ну что ж, я тебя не виню. Действительно, это мать мне сосватала. Двадцать один год, умеет готовить, шить и собой недурна.

— Так ты не видел ее? — напрягся Ма Вэй.

— Видел. В детстве мы играли вместе! — ответил довольный Ли Цзыжун и взъерошил себе

волосы.

— Старина, ты такой прогрессивный человек и вдруг так поступаешь! Подумай о будущем, подумай как следует! Ты способный, образованный, а она? Обыкновенная деревенская девчонка, не знает ни одного иероглифа, умеет только шить да готовить…

— Нет, она знает несколько иероглифов! — вступился за свою невесту Ли Цзыжун.

— Несколько иероглифов! — нахмурился юноша. — Послушай, я не одобряю твоей позиции. Я вовсе не завышаю наше с тобой значение и не презираю простых женщин, а прошу тебя хорошенько задуматься о будущем. Как она сможет помогать тебе, если не знает иероглифов?..

— Несколько знает! — повторил Ли Цзыжун.

— Ну ладно, пусть несколько! Но ведь она не сможет помогать тебе в делах. Твои знания, идеи никак не сочетаются с ее мыслями и малограмотностью!

— В твоих словах есть резон, — подумав, ответил Ли, — но все-таки послушай. У меня ведь тоже есть свои резоны. Давай сядем!

Они сели друг против друга. Ли Цзыжун спросил:

— Ты считаешь, что я слишком консервати-

вен?

— Если не сказать: глуп.

— Ничуть нет! Я считаю, что брак необходим, потому что отношения между мужчинами и женщинами… — Ли Цзыжун заскреб в затылке, взглянул на потолок, но так и не нашел подходящих слов. — В общем, сейчас брак очень труден. Я понимаю, что лучше всего жениться по взаимной любви, но ты взгляни на наших китаянок — и просто похолодеешь от ужаса! Разве те из них, которые окончили школу или институт, по-настоящему образованны? С другой стороны, разве они умеют стирать и готовить? Любовь любовью, но в основе ее должны лежать взаимная поддержка, понимание, ответственность. Я не могу полюбить девушку, которая не способна ни понять, ни поддержать меня, как бы красива и прогрессивна она ни была!

— Ты считаешь, что готовка и стирка — единственный долг женщины?

— Совершенно верно, по крайней мере, в сегодняшнем Китае! У нас сейчас нет возможностей предоставлять работу женщинам, потому что тысячи и десятки тысяч мужчин сидят без дела. Надо, чтобы все мужчины работали, а женщины помогали им управляться с семьей. Люди могут

наслаждаться жизнью только при счастливых и прочных семьях, тогда и общество процветает! Самое опасное — это недостаток знаний, а наши учащиеся — и женщины, и мужчины — как раз этим и страдают. Не мудрено, что они губят любое дело. Прочитают один-два романа, завопят как безумные о свободной любви, а в результате делают то же, что и раньше, то есть спят друг с другом вповалку! В отношениях между ними нет ни настоящей радости, ни взаимной ответственности. Я не могу сказать, что ненавижу таких людей, но лучше уж женюсь на простой деревенской девчонке, умеющей готовить и стирать, чем свяжусь с современной полузнайкой, прочитавшей несколько романов!

— Ладно, оставим это, старина! — с улыбкой сказал Ма Вэй. — Поговори об этом с моим отцом, он наверняка одобрит тебя! Мы с тобой все равно не переубедим друг друга, так что хватит, а то еще подеремся!

— Я знаю, что ты презираешь меня, считаешь вульгарным. Думаешь, я не понимаю новых идей?

— Нет, я презираю в тебе только чрезмерный практицизм, приземленность.

— А я презираю в тебе чрезмерную непрактич-

ность, отрыв от жизни!

Тут они начали смеяться.

— Теперь мы, кажется, поняли друг друга? — спросил Ли Цзыжун.

— Умом поняли, а в чувствах отстоим друг от друга дальше, чем Солнце от Земли!

— Но все-таки должны попытаться понять и в чувствах?

— Обязательно.

— Тогда поздравь меня с обручением!

Ма Вэй встал и торжественно пожал Ли Цзыжуну руку.

— Послушай, старина, я ведь пришел сюда вовсе не спорить, а о деле как раз забыл! — вдруг сокрушенно сказал Ли. — Я хочу пригласить тебя…

— Куда, на свое обручение?

— Нет, на мое личное приглашение ты можешь надеяться только тогда, когда я разбогатею! — засмеялся Ли Цзыжун, очень довольный своей шуткой. — Но поесть ты и в самом деле можешь. Сегодня вечером леди Саймон собирает у себя гостей; там все будет: и еда, и выпивка, и музыка, и танцы. На этот прием она намерена истратить много сотен фунтов, иностранные богачи умеют сорить деньгами! Для чего же она устраивает этот прием? Чтобы собрать пожертвования на

больницу — ни за что не догадаешься — для кошек и собак! Больницы для бедных уже есть, а где будут лечиться кошки и собаки? Эта мысль давно мучила леди Саймон, она поделилась ею с мужем, вот он и посоветовал устроить благотворительный вечер. О чем это я говорил? — Он хлопнул себя по лбу. — Правильно, так вот леди Саймон попросила меня найти китайца, который сумеет развлечь ее гостей, может быть, и песню спеть. Леди поинтересовалась, умею ли я петь, я ответил, что могу, если она хочет, чтобы ее гости разбежались. Она засмеялась и сказала, что не собирается разгонять гостей. Тут я и вспомнил о тебе. Ты же умеешь петь арии из нашей классической оперы, спой одну сегодня вечером! Леди Саймон тебя не обидит. По моим наблюдениям, английские аристократы почти так же выдержанны и вежливы, как их рабочие, я не люблю только английские средние слои. Ну, пойдешь? Целый вечер будешь есть и пить на дармовщинку, да еще познакомишься с жизнью высшего английского общества. Пойдешь?

— Но у меня нет ни фрака, ни смокинга! — сказал Ма Вэй, хотя ему очень захотелось пойти.

— А китайская одежда есть?

— Есть. Шелковый халат и парчовая куртка.

— Прекрасно! Забирай эти наряды и иди в кабинет к лорду Саймону, я буду ждать там. Когда переоденешься, я представлю тебя леди Саймон. Она просто в восторг придет, если ты в национальной одежде споешь китайскую арию! Ты помнишь, как ее муж недавно купил у нас вышитую юбку? Потом я еще нашел ей на Пикадилли темно-синий китайский халат с мехом шиншиллы, так что сегодня леди Саймон тоже будет красоваться в китайском наряде — и для того, чтобы гостей удивить, и потому, что наша одежда действительно очень красива. Если я когда-нибудь стану президентом, то непременно запрещу китайцам ходить в европейском платье! На свете нет ничего красивее и изысканнее китайской одежды.

— Но европейская одежда на китайцах тоже экзотична! — возразил Ма Вэй.

— Это вульгарная, а не подлинная экзотика!

— Европейская одежда удобнее и практичнее.

— Китайские куртки тоже практичны и удобны для работы. А шелковые и холщовые халаты очень легки и красивы!

— Ты ретроград, старина Ли!

— А ты экстремист, старина Ма!

— Ладно, хватит об этом, а то скоро подеремся!

— Итак, в семь часов вечера в доме Саймона! Там будет французская кухня, так что не ужинай! Вечером увидимся! — Ли Цзыжун взял шляпу. — И срочно отошли все эти рекламы и открытки! Если я еще раз увижу их здесь, мы и впрямь подеремся!

— Не послать ли экземпляр будущей госпоже Ли?

— Можно, она ведь знает несколько иероглифов.

— Но ведь все это на английском, господин!

Ли Цзыжун нахлобучил шляпу, ткнул Ма Вэя кулаком и убежал.

11

Теплый ветер играл со струйками дождя, и они падали на землю уже обессиленные. Уличные торговки выставили на своих лотках нарциссы и другие весенние цветы, придав мрачному Лондону яркие пятна надежды. Новогодние представления в цирке, балете и прочих местах уже закончились: люди интересовались только последним футбольным матчем да предстоящими соревнованиями по гребле между Кембриджским и Оксфордским университетами. Любовь к играм и развлечениям сидит в англичанах

так же глубоко, как привязанность к говядине и трубочному табаку.

На деревьях в парке уже набухли розовые почки, покрытые росой; земля у корней, как живая, дышала сыростью; на немногочисленных диких нарциссах появились белые бутоны. Молодая травка была еще зеленее, чем летом. Ветер набегал на нее, шевелил травинки, и с них падала роса. Лондон снова шумел и хлопотал, но здесь, в парке, было тихо и уединенно, чтобы люди хотя бы изредка могли подышать чистым воздухом.

Господин Ма, заложив руки за спину, осторожно шел по траве, боясь раздавить какого-нибудь спрятавшегося червячка. На полях шляпы у него уже скопилась роса, туфли промокли, но он все-таки шел вперед, к улице, где стоял памятник жертвам войны. Ма знал об этом памятнике и в то же время не очень помнил о нем; он всегда путался в названиях, а спрашивать дорогу не любил. Сейчас он хотел перейти улицу, но машин было так много, что у него закружилась голова.

Стряхнув глину с туфель, он вернулся в парк и сел на скамейку. Рядом с ним уселась старуха с длинномордой собачкой. Ма неодобрительно взглянул на своих новых соседок, встал и снова начал ходить по траве: «Черт побери, с раннего

утра встретить старуху да еще с собакой!» Он в сердцах плюнул. Опять подошел к улице, но уже другой — памятника на ней не было. Что же это за улица? Вдали висела табличка, однако гордость не позволяла ему подойти. Какой почтенный человек заглядывается на всякие таблички? Лучше снова вернуться в парк, но ноги уже болят, да и туфли промокли. Как бы не заболеть! Пора идти домой.

Домой? Но он еще не разрешил ни одного из вопросов, которые его мучают. Хоть три дня ходи по парку, хоть три недели, хоть три года — вряд ли что-нибудь придумаешь. С детства не знал трудностей, ни с одним крупным делом не сталкивался, и вдруг ни с того ни с сего появятся ум и решительность?

И все-таки надо идти домой. Увидеть ее и объясниться! Он кликнул такси.

Когда он вошел, миссис Уэндел занималась уборкой.

— Хэлло, — сказала она, — как погуляли?

— Очень хорошо. В парке прекрасно: цветут нарциссы — вот такие маленькие! — Он показал мизинец. — Только что появились. Мэри ушла на работу? Она сегодня повеселее?

— Да, значительно веселее! — ответила миссис

Уэндел, вытирая окно и не глядя на Ма Цзэжэня. — Умерла тетя Дороти и оставила ей сто фунтов. Бедная Дороти! Так эти сто фунтов совсем всполошили Мэри: она хочет купить шляпку, хороший граммофон, шубку и еще положить деньги в банк под проценты. Но ведь эти вещи несовместимы: чем больше она купит, тем меньше процентов получит, не так ли? И маленькая Мэри просто не знает, что делать!

— Вашингтон так и не объявился? — спросил господин Ма.

— Нет! — Она медленно покачала головой.

Ма вздохнул:

— Молодые люди ненадежны, ох, ненадежны!

Вдова обернулась, в глазах ее сверкнула смешинка.

— Ненадежны молодые люди! — повторил Ма Цзэжэнь. — Любовь для них — только временное возбуждение, они не умеют его продолжить, создать настоящую семью!

Господин Ма еще никогда не произносил такой проникновенной речи, причем она получилась у него вполне естественной и искренней. Утренняя прогулка по саду не прошла для Ма даром, она наполнила его поэзией. Закончив свою тираду, он с печалью и мольбой взглянул на вдову. Та молча

протирала окно. «Сегодня или никогда!» — решительно сказал он себе, сделал два шага вперед и, вытянув дрожащую руку, позвал:

— Миссис Уэндел!!

— Что, господин Ма? — обернулась она, продолжая держаться за подоконник. — Наша история закончилась, не нужно ее вспоминать!

— И все из-за этого кольца? Из-за того, что продавец болтал какие-то глупости?

— Нет, причин много, это было только началом! Когда я вернулась из магазина, я все как следует обдумала и поняла, что препятствий перед нами масса, так что лучше ничего не затевать! Я люблю вас…

— Этого вполне достаточно! Зачем же думать о другом?

— Общество, общество мастерски убивает любовь! Мы, англичане, равны только в политике, а в общественных связях разделены на классы. И браки у нас свободны внутри определенного класса. Если люди обладают сходным общественным положением и состоянием, они могут пожениться, такой брак будет счастливым. А деревенские девушки, выходящие замуж за принцев, встречаются только в сказках да романах. В жизни они никогда не были бы счастливы, этому мешали

бы и свет, и обычаи, и привычки, и язык высшего общества, который они не знают! — Вдова вздохнула, машинально мазнула себя тряпкой по носу и продолжала: — А у нас с вами нет классовых препятствий, но есть расовые. Это похлеще, чем классовые! Я долго думала и решила, что мы не можем рисковать. Посмотрите, сватовство Мэри почти наверняка рухнуло! Даже из-за нее я не могу выйти за вас. Если в нее влюбится какой-нибудь парень и узнает, что у нее отчим китаец, он немедленно откажется от нее! С предрассудками бороться безнадежно. Когда вы впервые появились здесь, я тоже думала, что вы какие-то чудовища, потому что все так говорят. Сейчас я знаю, что это неправда, но люди-то не знают! После женитьбы мы должны жить в обществе, но оно в три дня бы нас погубило… Если англичанин женится на иностранке, это еще ничего; общество относится к ней с подозрением, но без ненависти. Если же англичанка выходит за иностранца, все пропало. Вы знаете, что англичане — гордая нация, они не любят, когда их женщины смотрят на сторону, и ненавидят иностранцев, которые покушаются на их женщин! Я часто слышала, что женщины Востока — настоящая драгоценность для семьи: они не интересуются иностранцами и

тем более не выходят за них замуж. И англичане хотят видеть своих женщин такими же! Мы с вами не преодолеем этого, не победим расовых предрассудков… Но мы можем навеки остаться добрыми друзьями, только друзьями!

Господин Ма как будто одеревенел и долго не мог вымолвить и слова. Потом тихо спросил:

— Значит, мы можем остаться здесь жить?

— Конечно, мы же добрые друзья! Недавно я сказала Ма Вэю, чтобы вы переезжали, но это я сгоряча! Если бы я действительно хотела вашего отъезда, я уже поторопила бы вас… Конечно, живите здесь! — Она улыбнулась.

Ма Цзэжэнь, понурив голову, сел.

— Я позову вам Наполеона для компании! — заискивающе сказала она и вышла.

Глава пятая

1

В марте лондонское небо неожиданно прояснилось. Деревья, которым уже не мешали облака, как будто подросли, с веток вязов слетала оранжевая чешуя, на ивах повисли желтые сережки, из влажной земли вылезали нежные ростки цветов. Лица людей тоже повеселели. На улицах радостно прыгали собаки, лая на деревья и их тени. Машины начали чаще сигналить, наверное реагируя на цветы и солнечный свет; их голубые выхлопы стали еще голубее. Вывески магазинов сияли всевозможными красками, отражая солнечные лучи. У людей рябило в глазах, но на сердце было приятно.

Несмотря на такую хорошую погоду, у Ивенсов, собравшихся в гостиной, не было видно ни одной улыбки. Пол сидел нахмурившись, с трубкой во рту. Пастор откинулся в кресле и время от времени украдкой поглядывал на жену. В ее ватных волосах, скрученных на затылке, по-прежнему не было ничего весеннего, одни сухие палки. Шея надута, в глазах злобный блеск, борозды около

носа глубокие, словно пересохшие рвы.

— Надо непременно вернуть Кэтрин! Я сама пойду к ней! — воскликнула она, кусая губы.

— Тебе неприлично идти, а я больше не пойду! Оставь ее в покое, мама! — так же твердо сказал Пол.

— Если мы ее не вернем, Мэри может подать в суд на Вашингтона, и тогда вся наша семья пропала! Никто не сможет отвертеться! Меня выгонят из миссии, тебя — из банка… Разве у нас хватит сил заткнуть рот газетам? Надо вернуть ее, другого способа нет!

— Раз уж она сбежала с ним, назад ее не заманишь! — с гневом молвил Пол. — Я давно знал, что она эгоистична, упряма и бесстыдна!

— Нечего поносить ее, нечего! Надо думать, что делать. Когда ты ее ругаешь, мое сердце совсем разрывается. С детства я каждый день учила ее библейским заповедям, неусыпно присматривала за ней, так что это я должна ненавидеть ее, а не ты! Но ругань бесполезна, бессмысленна, нужно воспитывать человека любовью! Вот она убежала, а мы обязаны вернуть ее на путь истинный, вразумить ее словом Христа! Лишь бы она согласилась прекратить свое безумное поведение… Я пойду за ней хоть на край света, но найду ее! Уве-

рена, что она сейчас не может быть счастлива: моя дочь обретет счастье только дома, в семье, со мной… Сделать ее счастливой — это мой долг, как бы она передо мной ни провинилась!

Все это миссис Ивенс выпалила словно по шпаргалке, которую она вызубрила наизусть. Глаза ее увлажнились, но чем-то особым, непохожим на слезы.

— Она ни за что не вернется! Если бы мы ее интересовали, она не сбежала бы с этим малым! Делай что хочешь, мама, а я пойду в банк и попрошу послать меня в Индию, Египет, Японию — куда угодно, лишь бы не видеть больше свою милую сестрицу! Если Англия когда-нибудь погибнет, то именно из-за таких эгоистичных людей, не любящих ни семьи, ни родины, ни Бога!

Сказав это, Пол встал и вышел.

Мировая война поколебала не только экономическую основу многих стран, но и сами человеческие идеи. Люди стали по-новому оценивать старую мораль, старые представления, сбрасывать с себя прежние оковы и строить мир, в котором не было бы войн. Брак, семья, религия, политика — все перевернулось и даже почти рухнуло под напором новых идей. Простые люди барахтались в этих волнах и иногда плыли по

течению, а иногда пытались идти наперекор и обнаруживали то широту, то узость мышления, достигали то свободы, то скованности. Оба эти типа людей не могли, да и не хотели, понять друг друга, они терзали себя лишь взаимными подозрениями и ненавистью, даже между братьями, между отцами и детьми разыгрывались непримиримые конфликты. Англичане, при всем их консерватизме, тоже оказались втянуты в этот водоворот.

Кэтрин по своему образу мыслей опередила брата по крайней мере на сто лет. Она ценила мир, свободу, не придавала большого значения браку, религии, была чужда узкому национализму и парламентской политике, поддерживающей аристократию. А Пол обожал свою нацию, войны и хотел сохранить даже старые формы брака и религии. Кэтрин считала только что прошедшую мировую войну, да и предвоенную обстановку, страшной, отвратительной; Пол воспринимал их как славное, золотое время. Ее идеи были извлечены главным образом из книг, а его — из собственной природной сущности. Оба они принадлежали к послевоенной молодежи, но к разным ее течениям. Кэтрин часто улыбалась и во всем сомневалась; он, попыхивая трубкой,

вечно рубил сплеча. Она хотела как можно больше узнать и понять, он — побольше сделать и получить. Порою это выливалось в противоречие между умом и чувствами, и тогда брат и сестра ненавидели друг друга, потому он решал все, исходя из собственных эмоций и того, что подсказывал ему голос крови.

Она спокойно сожительствовала с Вашингтоном, потому что любила его. Зачем непременно покупать обручальные кольца, идти в церковь, класть руку на Библию, брать фамилию мужа? Ко всем этим проблемам Кэтрин, в отличие от Мэри, относилась несколько иронически. Мэри обязательно были нужны и кольца, и церковь, и Библия, и новая фамилия. Внешне она походила на кошечку, а внутренне — на боевого быка. Она любила обнажать перед мужчинами свои белые ноги, но только до колен, и едва ветер задирал ей юбку, тут же, смеясь, поправляла ее. Одежда, шляпки и прочая красота были для нее главным средством завоевания мужчины, который женится на ней, и на этом ее миссия закончится. Детей она не любила. Это было одной из новых идей, но Мэри исповедовала ее только из-за того, что так удобнее. Дети портят красоту женщины, они очень надоедливы, поэтому и не надо их рожать,

а вовсе не потому, что необходим какой-то контроль над рождаемостью.

Сравнив Мэри с Кэтрин, Вашингтон предпочел жить с Кэтрин. Он по-прежнему любил Мэри, не мог забыть ее, но с Кэтрин его связывало нечто большее, чем любовь, — новая атмосфера, возникшая после мировой войны. Эта атмосфера включала в себя нескованность формой, предельную живость и свободу. Мэри не могла понять ее, наслаждаться ею, потому что ее любовь ограничивалась представлениями о браке, семье, отношениями супругов, а представления эти давно устарели.

Кэтрин и Вашингтон без малейшего стыда увиделись бы и с миссис Ивенс, и с Мэри, но боялись непонимания. Вернее, не боялись, а просто не хотели сталкиваться со старой моралью. Они как будто несли личную ответственность перед всемирной историей, ее переменами. Их совесть была чиста, но она не совпадала с теми представлениями о совести, какие были у Мэри или миссис Ивенс, поэтому они и предпочли не высовываться, не попадаться им на глаза.

— Бедный Пол, как он хочет быть сильным! Я понимаю его! — пробормотала миссис Ивенс после ухода сына.

Пастор увидел, что теперь он может вставить словечко, и робко сказал:

— Кэтрин тоже неплохая девочка, не надо ее ругать!

— Вечно ты ее защищаешь! Если б ты ей не потакал, она никогда не дошла бы до такого позора! — выстрелила из своей пушки жена. Пастор обозлился, но спорить не стал. Миссис Ивенс натянуто усмехнулась и стала похожа на кроткого дьявола. — Я найду ее, вразумлю словами нашего Господа Иисуса Христа!

— Бесполезно искать ее, она все равно не вернется! — повторил пастор вслед за сыном. — Если она счастлива с этим Вашингтоном, то результат ясен, а если несчастлива, она найдет в себе силы прокормиться и тоже не вернется. Я люблю ее больше всех на свете, очень хочу, чтобы она вернулась, но… — Его глаза покраснели. — Но я не хочу заставлять ее, у нее есть свое мнение и свои права, только следуя им, она будет счастлива. Сейчас все зависит от Мэри. Если она подаст в суд, наша семья пропала, если смилуется… Все зависит от нее одной! Не ищи Кэтрин, давай лучше я найду ее, послушаю, что она скажет, а потом пойду умолять Мэри!

— Умолять Мэри?! Умолять? — гневно возопила

жена, непривыкшая умолять никого, кроме Бога.

— Да, умолять! — с неожиданной решимостью, но очень тихо ответил пастор.

— Твоя дочь сбежала, а ты собираешься умолять какую-то девчонку? Где твоя гордость?!

— У меня нет гордости — это у тебя и Пола она есть. Ты хочешь вернуть дочь только ради собственного гонора, а не ее счастья! И к Мэри у тебя нет ни капли жалости. А я спрячу свою гордость в карман и пойду к Мэри; надеюсь, она прислушается ко мне и пожертвует собой ради нашей дочери. Если же не прислушается, это ее право, я не могу ее неволить. Бедная Мэри!

Миссис Ивенс хотела запустить ему чем-нибудь в голову, но вовремя вспомнила о Боге. С ненавистью зыркнув на мужа, она удалилась, неся на голове свою свалявшуюся вату.

Пастор Ивенс и миссис Уэндел сидели друг против друга, а Мэри с Наполеоном на руках расположилась поодаль. Лицо пастора при свете лампы казалось мертвенно-бледным.

— Послушайте, Мэри, — говорил он, — Кэтрин и Вашингтон поступили нехорошо, они обидели вас! Но дело уже сделано, и если вы станете их наказывать, вы погубите всю мою семью. Юридические права на вашей стороне, вы можете

потребовать компенсацию и наверняка получите ее. Заплатив ее и судебные издержки, Вашингтон будет разорен. Поднимется шум в газетах — вот тогда моя семья и погибнет! Хотя вы имеете на это полное право, молю вас, будьте снисходительнее! Ведь Кэтрин и Вашингтон — не такие уж плохие люди, они просто задели вас своим дерзким поступком, от вас зависит, дать ли им счастье на всю жизнь. Если вы не помилуете их, я не сочту вас жестокой, а только молю вас, потому что снисходительность к ним будет спасением для нас! По закону они достойны наказания, но чувства во многом извиняют их, ведь они сделали все это под влиянием страсти. Они вовсе не хотели обидеть или унизить вас! Скажите хоть одну фразу, Мэри, что вы прощаете или, наоборот, не прощаете их, только одну фразу!

Девушка обливала слезами болонку и молчала.

— Ну что ж, мистер Ивенс, я думаю, мы поступим по закону? — дрожащими губами произнесла миссис Уэндел.

Пастор обхватил руками голову.

— Нет, мама! — стремительно встала Мэри. — Я ненавижу Вашингтона и в то же время люблю! Не могу наказывать его и тем более разорять! Но

он должен сам прийти и поговорить со мной! Сам! Сторонние наблюдатели здесь не нужны, в том числе и ты, мама, и вы, отец Ивенс! Я должна видеть и Вашингтона, и Кэтрин! Я хочу только посмотреть на них, только посмотреть! — Она дико захохотала.

— Мэри! — бросаясь к ней, воскликнула мать. Пастор продолжал сидеть как ушибленный.

— Ха-ха-ха! — истерически смеялась девушка, вся налившись кровью. Потом уронила голову на пианино и зарыдала.

Наполеон спрятался в ногах пастора и боязливо выглядывал оттуда.

2

Ма Вэй и Ли Цзыжун договорились в воскресенье поехать в северный пригород Лондона, где после войны был построен новый квартал, даже целый район. Здесь один парк или сквер соединялся с другим, и летом все улицы благоухали от цветов. В единственном крупном универмаге можно было купить что угодно. Район был сплошь электрифицирован, топить углем не разрешалось — опять-таки чтобы не засорять атмосферу. Ездить позволялось лишь по нескольким улицам, так что жители днем

и ночью наслаждались тишиной. Все тут было приближено к природе и в то же время к науке: и использование электричества, и способы застройки, и охрана насаждений, и прокладка дорог. Наука как бы усиливала красоту природы, ибо царящих здесь чистоты и тишины невозможно было достичь без научных методов.

В духовном плане наука — это поиск абсолютной истины, а в практическом — счастье для человечества. Конечно, бывают люди, использующие науку неправильно или нападающие на нее, но они ее просто не понимают. В жизни два главных наслаждения — поиск истины и удовольствие; наука сочетает оба.

Доехав до нового района, приятели пошли вдоль железной дороги, любуясь окружающим пейзажем. Луга и зеленые холмы перемежались рощами, в которых гуляли люди, щебетали какие-то белые птички. Старухи в немыслимых шляпах, под зонтиками от солнца спешили в церковь на молитву. Юноши и девушки шли под ручку или ехали на велосипедах. Пожилые мужчины в новых костюмах прохаживались с детьми, поглядывая на коров, свиней, кур и других птиц. Ребятишки играли в футбол. У домов с глиняными трубками во рту и газетами в руках

сидели рабочие. Некоторые из них выходили на лужок поразмяться. Красивой оказалась английская деревня: зеленой, естественной, спокойной.

— Старина, — сказал Ма Вэй, — как ты относишься к тому, что учудила мисс Ивенс? Ты не одобряешь ее?

Ли Цзыжун в это время смотрел на зеленое дерево, усеянное красными цветами, и машинально ответил:

— Что? Мисс Ивенс? А почему я должен ее не одобрять? Погляди, как красивы эти цветы на дереве!

— Действительно красивы! — нехотя откликнулся Ма Вэй и продолжал: — Так ты не считаешь, что она поступила странно?

— Нет, не считаю, — улыбнулся Ли Цзыжун. — Такое часто бывает, только я сам не способен на подобные авантюры! Она девушка незаурядная и решительная: полюбила парня и стала жить с ним. Ну что ж, это ее право, кстати, она сумеет помочь ему. А не захочет с ним жить — расстанется, она достаточно самостоятельна. Смотри: она хорошо пишет по-английски, владеет машинописью, стенографией, энергична и собой недурна. Чего ей бояться? Она не похожа на многих одержимых новыми идеями, которые только и знают,

что лозунги орать!

За одно я уважаю иностранцев — они умеют зарабатывать деньги. Даже эта старая миссис Ивенс и то получает триста — четыреста фунтов в год! Твоя куколка Мэри тоже умеет шляпки продавать. Александер — грубиян грубияном, но делает декорации для кино. В Британском музее я познакомился с молодым поэтом Линкольном, так он помимо всего прочего переводит китайские стихи. Однажды я спросил его: «Разве наши стихи сейчас в цене, что ты ими заинтересовался?» А он отвечает: «Сейчас все китайское в моде, я на этих стихах неплохо зарабатываю!»

Умение иностранцев делать деньги просто поразительно, и именно на этой основе они развивают свою живопись, музыку, литературу, потому что все это — предметы духовной роскоши, без денег их вперед не двинешь. А посмотри на лорда Саймона с его богатейшей коллекцией! Он говорит, что перед смертью собирается подарить ее лондонским музеям. Скажи, хоть один китаец подарил свои редкости музею? И не мудрено, потому что большая часть нашего народа даже мякиной насытиться не может. Только богатство ведет к щедрости, к поощрению искусств, к благотворительству! Деньги — совсем неплохая

штука, если человек тратит их на высокие цели. Я надеюсь стать богачом, заработать много сотен тысяч и начать открывать библиотеки, газеты, театры, музеи, картинные галереи… Добрых дел много, очень много!

Ли Цзыжун, расправив грудь, с наслаждением глотнул свежего воздуха. Ма Вэй, все еще думавший о другом, вздохнул:

— Бедная Мэри!

— Ты что, не слушал меня? — возмутился Ли Цзыжун.

— Слушал, слушал! — с улыбкой ответил Ма Вэй, но повторил: — Бедная Мэри!

— Да оставь ты этих девиц! «Бедная»! Вот я действительно бедный: кручусь с утра до вечера, а разбогатеть никак не могу!

Ли Цзыжун так отчаянно жестикулировал, что с дерева слетела стайка птиц. Ма Вэй молчал и, опустив голову, шел вперед. Неожиданно Ли бросился бежать, раскидывая свои кривоватые ноги, Ма за ним, и так они пробежали мили три, все раскрасневшись. Потом пошли опять молча.

— «Бедная Мэри»! — вдруг передразнил приятеля Ли Цзыжун. Тот раздраженно остановился:

— Ты что, смеешься надо мной? При чем тут Мэри?

— Да нет, ты все время обвиняешь меня в излишнем практицизме, вот я и решил поучиться чувствительности!

Они пошли медленнее. Ма Вэй взял Ли Цзыжуна под руку:

— Не понимаешь ты меня, старина! Откровенно говоря, я все еще неравнодушен к Мэри и ничего не могу с собой поделать! Иногда даже ночами не сплю, правда… Вспоминаю твои увещевания, отцовскую никчемность, думаю о торговле, об учебе, но все равно не могу забыть Мэри. Она прекраснее, чем фея, и в то же время страшнее демона!

— Старина, мы ведь с тобой как родные братья, и я снова советую тебе не предаваться глупым мыслям! — проникновенно молвил Ли Цзыжун. — Уверен, что она подаст на Вашингтона в суд, получит пятьсот — шестьсот фунтов компенсации, разоденется, точно павлин, да еще в газетах ее фотографию напечатают. Не пройдет и трех месяцев, как она выскочит замуж за другого! Иностранцы больше всего на свете боятся газет и вместе с тем очень любят, когда газеты пишут о них что-нибудь приятное. Это лучшая реклама! Кто сейчас знает маленькую Мэри? Никто. А если газеты зашумят, она за один день получит

несколько сот предложений руки и сердца. У тебя нет ни малейших шансов, так что не занимайся глупостями!

— Ты ее не знаешь, она совсем другая! — твердо сказал Ма Вэй.

— Посмотрим! Тут пахнет и деньгами, и славой, а Мэри не дура. Вашингтон нарушил брачный договор, поэтому закон на ее стороне.

— Выходит, у меня нет никаких надежд? — печально спросил юноша.

Ли Цзыжун замотал головой.

— Я попробую еще раз. Если она снова меня отвергнет, я прекращу свои попытки!

— Ну что ж, и на том спасибо! — без особого удовольствия ответил Ли.

— Послушай, старина, я поговорю не только с ней, но и с отцом — насчет лавки. Если Мэри мне откажет, то мне останется только уехать. Отец не слушается меня: сам ничего не делает, вечно сорит деньгами, а мне надо учиться. Я не могу все время торчать в лавке. Сколько времени терпел, а он даже внимания не обратил. Если я не поговорю с ним начистоту, он так ничего и не поймет!

— Разговор начистоту — это самое лучшее дело! Но… — Ли Цзыжун взглянул на верстовой столб у обочины: — Скоро дойдем, еще полмили. Но уже

час дня, где мы будем обедать? Боюсь, что в этом новом городе и столовых нет!

— Ничего, на вокзале наверняка есть харчевня. Выпьем пива, съедим по паре бутербродов, вот и все!

На склоне недалеко от вокзала стоял сосновый бор. Друзья поднялись на склон и начали смотреть оттуда на город-спутник. Между высокими и низкими зданиями вилась сверкающая асфальтовая дорога на Кембридж; по ней, как черные челноки, взад и вперед сновали машины. Погода стояла пасмурная, но тумана не было, поэтому все вдали виднелось вполне отчетливо. Высокие шпили церквей поднимались над деревьями, точно молодые ростки бамбука. Между старым и новым городом зеленели холмы и поля, на которых паслись коровы и овцы. Их стада передвигались будто снежинки, колеблемые ветром. Приятели долго стояли, не в силах оторвать взор. Часы на ближайшей церкви пробили один раз…

С тех пор как Ма Вэй вернулся из города-спутника, он все время хотел поговорить с Мэри, но это никак не удавалось. Однажды вечером миссис Уэндел, сославшись на головную боль, легла спать очень рано, а господин Ма после ужина куда-то скрылся. Мэри сидела одна в гостиной и

жаловалась на свои невзгоды Наполеону. Юноша кашлянул за дверью и вошел.

— А, Ма Вэй!

— Да, Мэри, это я. Вы сегодня никуда не пошли? — спросил он, заигрывая с Наполеоном.

— Нет. Вы не могли бы помочь мне?

— Чем именно?

— Скажите, где сейчас живет Вашингтон?

— Я не знаю, ей-богу!

— Не знаете, и ладно, это неважно! — разочарованно протянула она.

— Мэри, — он пододвинулся еще ближе, — Мэри, вы все еще любите Вашингтона? Не хотите дать хотя бы шанс человеку, который действительно любит вас?

— Я ненавижу его! — Она подалась назад. — И всех мужчин ненавижу!

— Но среди мужчин есть и хорошие! — Ма Вэй покраснел от возбуждения, сердце его запрыгало.

Девушка вдруг развеселилась, правда, не очень естественно:

— Вы не могли бы купить бутылку вина? Мы с вами выпьем. А то тоска смертная, я скоро с ума сойду.

— Конечно, куплю. А что бы вы хотели вы-

пить?

— Я ничего не понимаю в вине, лишь бы жгло!

Юноша кивнул, надел шляпу и вышел.

— Ой, Ма Вэй, у меня все лицо горит, потрогай!

Он прикоснулся — лицо действительно было горячим.

— А теперь я тебя потрогаю! — Глаза у Мэри блестели, щеки пылали, как цветы айвы под солнцем.

Он сжал ее руку и весь задрожал, по спине поползла струйка пота. Рука Мэри была мягкой, словно вата; он поднес ее к губам, и она слегка поддалась. Другой рукой он обнял девушку за плечи и привлек к себе. От нее пахнуло жаром. Он ничего не соображал, слышал только биение собственного сердца. Всю свою силу он, казалось, вложил в губы; она тоже крепко обняла его, и они слились воедино. Ее губы были такими горячими, ароматными, мягкими, он впился в них еще сильнее. Глаза ее закрылись, голова откинулась.

Внезапно Мэри открыла глаза и легонько оттолкнула его. Ма Вэй подался назад, чуть не упав. Она налила себе еще бокал и с яростью выпила. Смотреть на нее было страшно. Девушка облизала губы и устремила взор на Ма Вэя:

— Ха-ха! Это ты? А я думала, что Вашингтон! Но

ты тоже сгодишься. Поцелуй меня еще раз, вот сюда! — Она подставила щеку.

Юноша в недоумении отступил на шаг:

— Мэри, ты пьяна?

— Я? Нет, это ты пьян! — Она, пошатываясь, приблизилась к нему. — Ты смеешь позорить меня, целовать? Ты?

— Мэри! — Он схватил ее за руку.

Она вырвала и, опустив голову, натужно засмеялась. Постепенно ее смех перешел в рыдания. Наполеон долго смотрел на них и не понимал, что происходит. Вдруг его ушки встали торчком, и он дважды пролаял: это вернулся господин Ма. Увидев молодых людей, Ма-старший оторопел, но вскоре опомнился и рассердился:

— Ма Вэй, что это значит?! Мэри, идите спать!

Юноша, не говоря ни слова, повел ее в спальню. Сердце его будто кололи ножами. Он раскаивался в том, что случайно напоил Мэри, жалел ее и в то же время ненавидел за то, что она не оценила его любовь, жаждал ее мягких, теплых губ, вспоминал, как хорошо ему было всего несколько минут назад… Снова пройдя мимо отца и даже не обратив на него внимания, он поднялся на третий этаж.

Господин Ма рассердился не на шутку. С тех

пор как вдова отказала ему, он не знал, на ком выместить свою злость, а тут подворачивался удобный случай. Надо хорошенько задать этому щенку! Он выпил оставшееся вино, еще больше обозлился и пошел наверх. Но сын, не будь дурак, запер дверь изнутри, и Ма Цзэжэню осталось только бессильно топать ногами:

— Ну погоди, Ма Вэй, завтра я поговорю с тобой! Спаивать чужих девушек, да еще лапать их? Есть ли у тебя совесть?! Завтра поговорим!

Юноша не отвечал.

3

Ночь прошла спокойно, и весь гнев господина Ма вышел. Когда он проснулся, ему хотелось лишь завтракать, а о сведении счетов с Ма Вэем он забыл. После завтрака Ма Цзэжэнь вернулся в кабинет, взял свою трубку и никак не ожидал, что сын сам явится к нему. Ма Вэй был нахмуренным, строгим, в глазах — ни малейшей теплоты. «Ах ты, паршивец! — подумал Ма-старший. — Я совсем забыл, что надо проучить его, так он сам напрашивается! Ну что ж, сейчас мы с тобой поговорим!»

Видя, что отец весь пылает от гнева и с удовольствием надавал бы ему батогов, Ма Вэй отнюдь не

собирался сдаваться. Сегодня они оба ненавидели друг друга и понимали, что это момент решительного объяснения. Их взаимная ярость все росла.

— Отец, — первым заговорил Ма Вэй, — нам надо серьезно потолковать!

— Ладно! — процедил Ма-старший, не выпуская изо рта трубки.

— Сначала о нашей торговле?

— Нет, о чужой девушке! — отпарировал господин Ма, довольный своим остроумием.

Юноша побледнел и холодно сказал:

— Чужой или нашей, а о женщинах нам с тобой лучше не говорить!

Ма Цзэжэнь молча кашлянул и покраснел.

— Так поговорим о торговле?

— «Торговля», «торговля», вечно эта торговля! Как будто я специально для нее родился! — с нетерпением воскликнул господин Ма.

— А почему нельзя о ней упоминать? — выпучил глаза сын. — Мы живем этой торговлей, так что поговорить о ней придется…

— Ах ты, заячье отродье! Еще смеешь на меня глаза пялить, поучать меня? Я твой отец! А лавка моя к тебе отношения не имеет, так что можешь не волноваться! — Господин Ма довольно редко позволял себе ругательства, но сейчас он был уж

слишком взбешен.

— Могу не волноваться? Тем лучше! Посмотрим, кто теперь будет заниматься лавкой! Пошел ты!.. — тоже не сдержался Ма Вэн и, толкнув дверь, выбежал.

На улице он огляделся, не зная куда идти. В лавку — значит унизить себя, куда-нибудь еще — значит пропустить целый рабочий день. Нет, придется все-таки пойти в лавку. Отец есть отец, учить его действительно нехорошо, да и лавка фактически принадлежит им обоим. Если она разорится, оба и помрут с голоду. Делать нечего, он не сам придумал себе такого отца!

В огромном Лондоне юноша чувствовал себя страшно одиноким. Из семисот тысяч жителей почти никто не знал его и никто не жалел. Даже отец не понимает его, только ругает! Любви нет, Мэри ее отвергла. Идти некуда, хоть Лондон и славится множеством музеев, картинных галерей, театров, кинотеатров, магазинов, — некуда потому, что не тянет. Всюду тоска, хоть плачь. И все потому, что потерял самое драгоценное для человека — любовь!

Он сидел в лавке, прислушивался к шуму автомобилей на улицах, к бою часов на башне собора Святого Павла и понимал, что он по-прежнему

находится в многоголосом городе, но ему было так тоскливо и одиноко, будто он бродил по пустыне Гоби или по необитаемому острову, где живут лишь дикие птицы. Юноша пытался взбодрить себя, подавить свой гнев, вообразить, что он идет на танцы, в театр, кино или на футбол… Проклятая лавка, никак ее не оставить! И никто не поможет ему, даже родной отец! Но порвать с ним нельзя, как бы тот себя ни вел! Все равно не пойдет он ни на танцы, ни в кино, надо работать, как следует учиться, извлечь хотя бы небольшой опыт из своих страданий… Однако думать об этом было легче, чем следовать: взбудораженные чувства подавляли разум; усердно учиться, когда кровь бьет в голову, невозможно.

«Если бы Мэри полюбила меня, если бы я мог каждый день целовать ее, хотя бы раз, брать ее за руку, говорить ласковые слова, я бы все преодолел и в самом деле хорошо бы работал и учился! — думал Ма Вэй. — Я подарил бы ей львиную долю собственного счастья и вдохновения. Может быть, и отец так думает о миссис Уэндел? Но это его проблемы… Бедная Мэри, она тоскует о Вашингтоне точно так же, как я о ней! Увы, любовь всегда неопределенна, бессистемна, а мир — это огромная сеть, из которой тщетно

пытаются выпрыгнуть люди. В конце концов они все там и погибают».

Выходит, человечество слабо, его воля бессмысленна? Нет, эта воля велика, она тверже железа и стали! Любой может стать героем, если мечом воли разрубит шелковые путы чувств! Ма Вэй стукнул себя кулаком в грудь. Действовать, действовать, идти вперед. Что такое одиночество? Всего лишь одно из чувств. Что такое слабость? Недостаток воли.

В лавку вошла старуха и спросила, не продается ли у них китайский чай. Юноша с трудом усмехнулся и выпроводил ее. «Ну что это за торговля? Неудивительно, что отец не желает заниматься ею. В антикварную лавку приходят за чаем! Какой здесь, к чертовой матери, чай?.. Вот Ли Цзыжун — настоящий человек. Он видит, перед собой только дело и ничего другого, поэтому и не унывает никогда. Словно лев, он с одинаковым удовольствием ловит и оленя, и зайца, лишь бы поймать что-нибудь. Это подлинный герой, потому что он умеет сам создавать себе окружающий мир. В его мире есть только работа и никаких мечтаний, только мужчины и женщины и никакой слезливой любви, только материя и никаких фантазий. Он всему радуется, поэтому

и стал героем!»

Ма Вэй во многом не одобрял Ли Цзыжуна, но все-таки уважал его; хотел ему подражать, однако это не получалось…

— Хэлло, Ма Вэй! — крикнул за окном Александер так, что стекло задребезжало. — А где твой батюшка?

Он вошел, чуть не высадив дверь из петель. Сегодня нос его был особенно красен, а изо рта разило, словно из открытой винной бочки. Одетый в новое красно-серое пальто, он стоял перед Ма Вэем как небольшая гора, озаренная вечерним солнцем.

— Отец не пришел. А что вас интересует? — спросил юноша, протягивая ему руку. Она была не толще одного из пальцев Александера.

— Ладно, тогда передай ему это! — Александер вынул десятифунтовую банкноту. — Он просил меня поставить на двух лошадок, одна из них выиграла, а другая проиграла, вот столько и получилось.

— Отец часто играет на скачках? — встревожился Ма Вэй.

— Не спрашивай! Вы, китайцы, все любите азартные игры! Ты понял мою мысль? Да, кстати, твой батюшка и впрямь хочет жениться на

миссис Уэндел? Он тут недавно выпил и сказал мне, что идет покупать обручальные кольца. Это правда?

— Нет, ничего подобного! Как англичанка может выйти за китайца? Вы поняли мою мысль? — довольно резко передразнил его Ма Вэй.

Александер взглянул на него и, разинув рот, захохотал:

— Ну что ж, не женятся так не женятся, их дело! А отец говорил тебе, не собирается ли он сегодня на киностудию?

— Нет. А что ему там делать?

— Ты посмотри, какие китайцы скрытные, ничего друг другу не скажут! Он согласился помочь мне в съемках фильма, сегодня обещал прийти. Пусть не забудет!

Отец стал Ма Вэю еще противнее.

— Он дома? — спросил Александер.

— Не знаю, — холодно ответил юноша.

— Ну ладно, еще увидимся! — И небольшая гора вышла за дверь.

«Играет на деньги, пьет, покупает обручальные кольца, снимается в кино, а мне ни слова! — бормотал Ма Вэй. — Погоди, мы еще потолкуем об этом!»

4

Апрельский дождик то останавливался, то снова шел, отмыв воздух до полной чистоты. Листочки на деревьях по-прежнему были маленькими, но все-таки зеленели. Стыдливое весеннее солнце робко вытягивало свои лучи из редких облаков, и тени людей, деревьев на земле становились совсем бледными. Под ударами дождя и ветра колебались первые розовые цветы, похожие на нарядных деревенских девушек. Уже закончились футбольные матчи, люди говорили главным образом о весенних скачках. Эти развлечения были одной из неотъемлемых частей английской жизни, и в них проявлялись характерные черты англичан: выдержка, терпение, любовь к порядку и чувство коллективизма.

А Ма Вэй как раз забросил свои спортивные занятия: не бегал, не греб, только сидел нахмурившись либо дома, либо в лавке. Кэтрин не приходила, Мэри тоже не обращала на него большого внимания. Часто он сидел с книгой в руках, но читать не мог, лишь рассматривал заголовок и бранил себя. И Ли Цзыжун появлялся редко, а когда приходил, у них не выдавалось случая поговорить. Господин Ма собирался свернуть

торговлю и передать вырученные деньги Фаню — хозяину ресторана «Уголок лауреатов», который задумал расширить свои дело. Тогда господин Ма стал бы акционером и ничего не делал, только проценты получал. Ма Вэю не нравился этот план, но ссориться с отцом не хотелось.

Чем больше входила в свои права весна, тем тоскливее ему становилось. Это была какая-то первобытная тоска, шедшая с доисторических времен и вдруг давшая, будто дерево, новые ростки. Пальто уже казалось ему слишком тяжелым, он пошел в лавку в плаще, вновь остановился перед золоченым куполом собора Святого Павла — он любил это место.

— Старина! — вдруг тронул его сзади за плечо Ли Цзыжун.

Юноша обернулся. Выражение лица друга было очень беспокойным.

— Не ходи в лавку! — продолжал Ли.

— Почему?!

— Возвращайся домой, а ключ от лавки отдай мне! — ничего не объясняя, торопливо сказал Ли Цзыжун.

— Но что случилось?

— Китайские рабочие Ист-Энда хотят разгромить вашу лавку! Скорее возвращайся домой, а

я удержу их!

— Очень хорошо! — приободрился Ма Вэй. — Мне как раз хотелось подраться! Разгромить лавку? Сперва им придется иметь дело со мной!

— Нет, старина, быстро возвращайся, а остальное сделаю я! Разве мы с тобой не друзья? Ты не доверяешь мне?

— Вполне доверяю, ты мне как родной брат! Но близкого человека я тем более не могу бросить! Вдруг они изобьют тебя?

— Меня они не тронут, а вот если ты будешь здесь, придется гораздо труднее. Иди, иди, старина! — Ли Цзыжун протянул руку за ключом.

Ма Вэй стиснул зубы и упрямо замотал головой:

— Я никуда не уйду! Не могу подвергать тебя даже малейшему риску. Лавка моя, и я должен нести за нее ответственность! Сил у меня хватит, так что схлестнусь с удовольствием!

Ли Цзыжун чуть не завертелся от нетерпения.

— Ты меня просто в гроб сведешь! — воскликнул он, брызжа слюной.

— Скажи, наконец, почему они решили разгромить нашу лавку? — холодно усмехнулся Ма Вэй.

— Времени нет, они уже вышли из Ист-Энда!

— Я не боюсь их, говори!

— Ну ладно, оставайся, только с одним условием: ни при каких обстоятельствах не высовывайся из лавки! Если мне понадобится твоя помощь, я сам тебя позову! До этого сиди в конторке и ни шагу! Согласен?

— Куда же денешься… Не знаю, как и благодарить тебя! Ты для нас…

— Пойдем скорее, некогда лясы точить! — Ли Цзыжун увлек Ма Вэя в переулок. — Отпирай дверь и закрывай ставни!

— Может, еще прибрать все аккуратно, чтобы им легче было громить? — язвительно спросил юноша.

— Не болтай зря, делай, что сказано! Зажги свет, а в конторке не зажигай! Так, теперь иди внутрь и не появляйся без моего вызова! Сядь у телефона. Когда я хлопну в ладоши, звони в полицию и говори, что нас грабят. Понял?

Ли Цзыжун быстро спрятал в несгораемый шкаф самые ценные вещи и молча сел у прилавка, словно генерал, охраняющий город. Ма Вэй с лихорадочно бьющимся сердцем сидел в конторке. Он боялся не драки, а ожидания ее. Украдкой встал, посмотрел на Ли Цзыжуна и несколько успокоился: тот сидел абсолютно безмятежно, как старый буддийский монах, погруженный в

самосозерцание. Юноша подумал, что с такими друзьями действительно бояться нечего.

— Сядь, старина! — приказал Ли Цзыжун, услышав его шевеления. Ма Вэю пришлось подчиниться.

Прошло минут пять, и тут перед окном появился китаец в картузе, злобно взглянувший на витрину. Ли Цзыжун поспешно встал и сделал вид, будто убирает что-то на полке. Еще через некоторое время перед лавкой очутилась целая группа таких же китайцев, которые, яростно жестикулируя, что-то обсуждали. Ли Цзыжун не разобрал, что они говорят, слышал только протяжные звуки кантонского диалекта.

Внезапно в витрину врезался кусок кирпича, стекло со звоном посыпалось. Ли Цзыжун хлопнул в ладоши, и Ма Вэй стал набирать по телефону номер полиции. Еще один кирпич, второй, третий! Осколки стекла летели, точно кометы. Один из камней упал перед самыми ногами Ли Цзыжуна, другой разбил вазу на полке. Нападавшие ломились в дверь, но Ли вовремя задвинул засов, а теперь неожиданно вытащил его, и трое или четверо погромщиков свалились кучей на пороге. Ли Цзыжун подпрыгнул и ударил ногами сразу двоих. Они истошно заорали, но Ли,

конечно, понимал, что он долго не продержится, и закричал по-кантонски в толпу:

— Эй, Ачоу, Ахун, Ли Саньсин! Вы что делаете? Это же моя лавка!

Он знал их, потому что был раньше их переводчиком. Почти все китайские рабочие Ист-Энда так или иначе общались с ним. Передние из нападавших, услышав знакомые имена, остановились и поглядели друг на друга. Те, что лежали на земле, воспользовавшись случаем, улизнули.

— Бегите, бегите! — замахал Ли Цзыжун остальным. — Сейчас приедет полиция! Бегите!

Рабочие оглянулись в начало переулка: там уже собрались зеваки, правда, немного, потому что время было слишком раннее. Нападавшие заколебались, а Ли Цзыжун все повторял:

— Бегите, бегите!

Один из погромщиков побежал, другие, не говоря ни слова, последовали его примеру, но двоих полиция все-таки поймала.

На следующий день газеты были полны аршинными заголовками: «Китайские обитатели Ист-Энда разгромили антикварную лавку», «Беззаконные действия китайских рабочих», «Дерзкое ограбление», «Правительство должно унять китайских голодранцев!». Фотографии лав-

ки семьи Ма и самого Ма Вэя обошли все первые страницы, а «Ивнинг стар» дала к портрету юноши такую подпись: «Герой, сумевший голыми руками отразить бандитов». Корреспонденты, несмотря на его сопротивление, осаждали Ма Вэя толпами, а некоторые проникли и к Ма-старшему, напечатав потом такие его слова: «Моя не говорит, моя не говорит!» На самом деле это были вовсе не его слова, но журналисты, описывая китайцев, всегда пользуются такими нелепыми выражениями — иначе им просто не поверят читатели. Поскольку англичане не отличаются способностью к языкам, они не представляют себе, что иностранцы могут хорошо говорить по-английски.

Это событие всколыхнуло весь город. На улицах Ист-Энда добавили два полицейских патруля, которые начали следить за любым движением желтолицых; парламент в тот же вечер запросил министра внутренних дел, почему он не вышлет китайцев из страны. Вокруг лавки семьи Ма с утра до вечера толпился народ, и Ма Вэй за три часа выручил больше пятидесяти фунтов.

Но господин Ма от страха целый день не решался выйти из квартиры. Он ждал возвращения сына, чтобы понять наконец, кто кого избил, и

пришел к твердому выводу, что эту проклятую лавку надо продать — иначе и ему самому когда-нибудь разобьют голову кирпичом. У дверей дома упорно прохаживались двое: по словам миссис Уэндел, сыщики в штатском. Услышав это, господин Ма совсем всполошился и даже перестал курить, боясь, что сыщики заподозрят его в поджигательстве.

5

Китайские рабочие, живущие в Лондоне, делятся на два типа. Первый хватается за любую, даже самую непривлекательную работу; из него, в частности, берут статистов в фильмы, где избивают китайцев. Второй тип — это настоящие, хоть и неграмотные рабочие, не владеющие английским и, как правило, не имеющие профессии. Они любят свою родину и готовы скорее умереть с голоду, чем опозорить ее. Обе эти группы почти одинаково невежественны и грубы в своих действиях, но обе достойны жалости. Отличия же между ними состоят в том, что первая группа стремится просто заработать на жизнь, а вторая — заработать на жизнь честно. Группы эти постоянно враждуют между собой, даже дерутся. И глупо патриотичные, и глупо непатриотичные

при встречах используют лишь один способ — драку. Отсюда иностранцы черпают неистощимую пищу для анекдотов, в которых достается и патриотам, и непатриотам.

Эти простые люди ни в чем не виноваты, вина лежит целиком на китайском правительстве, не способном управлять своими гражданами. Если правительство не защищает народ, он всегда подвергается гонениям. Китайские студенты в Англии тоже делятся на два типа: приехавшие с родины и потомки китайских эмигрантов. Оба они патриотичны, но не чувствуют окружающую обстановку. Потомки эмигрантов родились за границей и не знают жизни в Китае. Приехавшие с родины пытаются помочь иностранцам понять Китай, но не представляют, до какой степени он слаб и не достоин уважения. Только равные страны могут стоять друг с другом, а мышь не может дружить с тигром.

И то, что иностранцы в своих фильмах, пьесах и романах ругают китайцев, уже стало исторической закономерностью подобно тому, как на китайской сцене Цао Цао всегда изображается

белолицым[11]. У китайцев Цао Цао не может быть чернолицым, а у иностранных авторов не может быть хорошего китайца. Это не эмоции, а нечто вроде сознательной установки, потому что так легче писать. Если китаец нарисует Цао Цао чернолицым, все подымут его на смех и скажут, что он ничего не понимает. То же самое случится с иностранцем, изобразившим китайца, который не убивает и не поджигает. У Цао Цао уже нет перспектив: его лицо и через многие годы вряд ли изменит свой цвет. А у Китая еще есть надежда, если его жители укрепят свое государство. Тогда уймутся и иностранные авторы. Люди всегда обижают слабых и боятся сильных.

Сценарий фильма, в котором Александер предложил сниматься Ма-старшему, написал известный английский литератор. Этот господин прекрасно знал, что китайцы — народ цивилизованный, но в интересах интриги, а также в угоду своим будущим зрителям нарисовал китайцев жестокими, коварными, чуть что — хватающимися за нож. Иначе его фильм не приняли бы.

---

[11] Примечания: 11

Цао Цао — правитель одного из китайских царств III в., символ жестокости и коварства, которые в классическом национальном театре обозначались белым гримом. Черный цвет, напротив, символ честности.

Действие фильма происходило на фоне Шанхая, который и изобразил на своих декорациях Александер: кусок иностранного сеттльмента и кусок китайского города. Первый, конечно, чистый, красивый, чинный; второй — грязный, суматошный, зловещий.

Сюжет фильма состоял в том, что китайская девушка полюбила англичанина. Ее отец хочет убить ее, но неизвестно почему отравляется сам и умирает. Его многочисленные родственники, пылая жаждой мести, закапывают девушку живьем, ищут молодого англичанина, но он вместе с английскими солдатами разбивает преследователей в пух и прах. Китайцы на коленях молят о пощаде и получают ее. Рабочие Ист-Энда должны были играть именно этих избиваемых преследователей, а господин Ма — богатого торговца с косой на затылке, который стоит в стороне и безучастно наблюдает за избиением.

Услышав о съемках такого фильма, китайские студенты взорвались и устроили собрание, на котором потребовали от посольства заявить протест. Протест был заявлен, но на следующий же день автор сценария обругал посольство в газете. Посольство другой страны он не решился бы обругать, по крайней мере, это привело бы к

серьезным осложнениям, а с Китаем все можно: он ни войны не объявит, ни чего-нибудь другого. Видя это, студенты устроили еще одно собрание, где председательствовал тот самый господин Мао, который получил от Ма Вэя пощечины в ресторане. Идея Мао была такой: дальнейшие протесты бессмысленны, надо просто запретить китайцам играть в этом фильме. Собрание послало Мао на переговоры с рабочими Ист-Энда, а они, оказывается, уже подписали договор с киностудией. Тогда Мао связался с патриотами из рабочей среды и объявил войну китайским статистам. Ма Цзэжэнь тоже, конечно, стал его врагом, да и рабочие недолюбливали Ма за то, что он имеет лавку, отнюдь не голодает, а занимается таким позорным делом. Короче говоря, все решили разгромить лавку и хорошенько вздуть господина Ма. Решили это студенты, а наивные рабочие согласились быть исполнителями, так в лавку и полетели кирпичи.

Ли Цзыжун давно знал об этом плане, но не сообщал о нем Ма Вэю. Он думал, что господин Ма согласился на съемку не ради нескольких фунтов стерлингов, а потому, что не мог отказать Александеру. Однако, если поговорить с Ма Вэем, он начнет скандалить со стариком. Попытаться

все объяснить рабочим? Сам первым делом получишь тумаков. Со студентами тоже бесполезно разговаривать. И тут ему в голову пришло устранить из схватки семейство Ма, самому встретить погромщиков. Пусть они побьют в лавке стекла, выпустят из себя злость, а за разбитые вещи заплатит страховая компания. Заодно лавка прославится и торговля пойдет куда веселее. Погром — это же бесплатная реклама!

Ли вовсе не хотел, чтобы рабочих хватали и сажали в тюрьму, он понимал, что те исходят из благородных побуждений, поэтому велел Ма Вэю звонить в полицию не сразу, как придут буяны. Ли Цзыжун сознательно дал им время побить стекла и убежать. Он не ожидал, что полиция все-таки схватит двоих, что остальные рабочие, желая отплатить за своих сотоварищей, задумают мстить господину Ма, что тот от страха решит продать лавку, что студенческий союз постановит преследовать Ма Вэя, что клеветнический фильм скоро выйдет на экран и все газеты поддержат его. Сразу после погрома Ли Цзыжун специально спрятался, чтобы в газетах ради рекламы появилась только фотография Ма Вэя, а теперь эта фотография тоже обернулась против юноши. Да, жизнь сложна, никто не может ее

предугадать! Но Ли был человеком самоуверенным и сейчас вовсю клял себя.

Ма Вэй понимал его и хотел продолжать торговлю, чем бы ему ни грозили. В аресте двух рабочих он не виноват, его совесть чиста. Надо набраться духа и действовать — только так можно оправдать усилия друга. Он тоже не ожидал, что его отец окажется слишком труслив и решит продать лавку. Помешать ему? Но это невозможно, лавка его!

А господин Ма не мог понять, за что его собираются бить, и целыми днями, топорща свои усики, вздыхал о мирской несправедливости. Он не понимал, почему его сын неожиданно приободрился и хочет продолжать торговлю. Не иначе как Ли Цзыжун гипнотизирует Ма Вэя, а это опасно для жизни! Ничего не понял он и тогда, когда миссис Уэндел поздравила его с погромом, который сулит лавке процветание. «Какое, к чертовой матери, процветание, если лавку разгромили? — думал он. — Чем только заполнена голова у этих иностранцев?» Он хотел пойти поплакаться к пастору Ивенсу, но не решался выйти за дверь, боясь, что его поймают рабочие. Правда, вечерами большинство рабочих сидит дома, но зато можно нарваться на миссис Ивенс.

Приходил Александер, тоже твердил ему:

— Почтенный Ма, тебе повезло! За все разбитые вещи заплатит страховая компания, а лавка твоя прославилась, скорее завози новый товар! Не упускай случая! Ты понял мою мысль?

Но господин Ма по-прежнему ничего не понимал. Однажды вечером он тайком сходил к хозяину ресторана «Уголок лауреатов», чтобы договориться с ним о продаже лавки и заодно попросить его уладить дело с рабочими Ист-Энда. Он был готов заплатить семьям задержанных несколько десятков фунтов. Согласившись помочь ему, Фань выставил на стол тарелку горячих пирожков и бутылку вина. Господин Ма, съев и выпив все это, так растрогался, что даже прослезился.

Дома он увидел, что сын весело разговаривает с миссис и мисс Уэндел, и немного возревновал. Они теперь смотрели на Ма Вэя как на героя, а на господина Ма просто не обращали внимания. И он почти ненавидел их, особенно миссис Уэндел: «Жаль, что я не могу схватить ее за волосы и дать ей парочку пинков! Только вот сумел ли бы я побить ее? Ведь иностранки такие сильные!» Еще больше обижало его невнимание со стороны Наполеона. Причина же была в том, что за

последние дни Ма Цзэжэнь боялся выходить, не гулял с собачкой, и она платила ему презрением.

«Делать нечего, придется идти спать, авось во сне увижу свою покойную жену и поплачусь!» К сожалению, в последнее время она никак не являлась ему…

Ма Вэй стоял на тротуаре у Гайд-парка. Солнце уже давно село, люди из парка разошлись. Перед мысленным взором юноши остались только три фигуры: безнадежно стареющий отец, верный Ли Цзыжун и любимая Мэри. С отцом ему никак не договориться, Мэри отвергла его любовь, а Ли Цзыжуна он сам бросает. Уехать, подальше от них всех!..

В комнате было еще темно, когда он проснулся и тихо встал. Ли Цзыжун ровно и сладко сопел, как невинный ребенок. Ма Вэй подошел к его кровати, еле слышно позвал: «Цзыжун!», но тот не проснулся. Слезы юноши упали на одеяло друга: «Прощай, Цзыжун!»

Лондон был таким печальным… Большинство людей еще спали, на улице мертвенным светом горели газовые и электрические фонари, и сам город напоминал мертвеца, только фонари на кого-то глядели. На кого и на что? Ведь город умер, у него даже души не осталось.

Через час или два Лондон снова оживет, но Ма Вэй уже не увидит его. «Прощай, Лондон!» — молвил юноша. И кто-то тихо ответил ему: «Прощай!» Кто?..